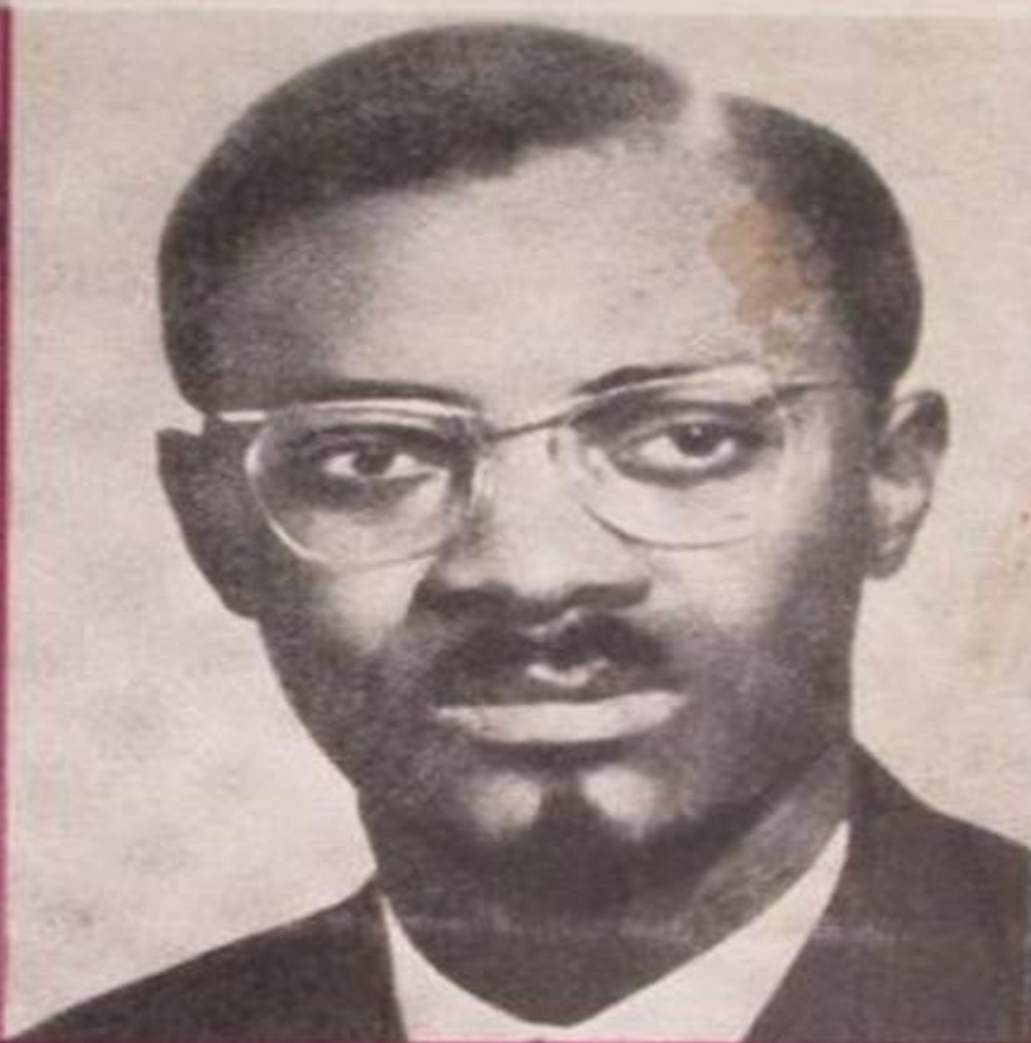

ПАТРИС ЛУМУМБА

Н. Хохлов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности одного из наиболее известных политиков современной Африки, первому премьер-министру Демократической Республики Конго (ДРК), деятелю освободительного движения Республики Конго, Лумумба Патрису Эмери (1925–1961).

rutracker.org

[Адаптировано для AlReader]

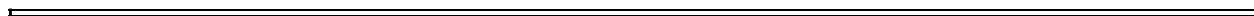
FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Н. Хохлов](#)
    -
    -
    - [Судьбы свершился приговор](#)
    - [Калема дошла до Конго](#)
    - [Нгонго Лютете](#)
    - [Деревня Оналуа](#)
    - [Коммуна Лемба](#)
    - [Костер жизни](#)
    - [Улитка Баконго](#)
    - [Из народных глубин](#)
    - [Короли, вожди, президенты](#)
    - [Медный пояс](#)
    - [Брюссельские кружева](#)
    - [Пирога конголезской жизни](#)
    - [Торжество из торжеств](#)
    - [День рождения](#)
    - [Шальные ветры](#)
    - [На гребне волн](#)

1. The first step in the process of creating a new product is to identify a market need. This involves conducting market research to understand what consumers are looking for and what gaps exist in the current market.

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 7

(495)

МОСКВА

1971

Н. Хохлов

ПАТРИС ЛУМУМБА

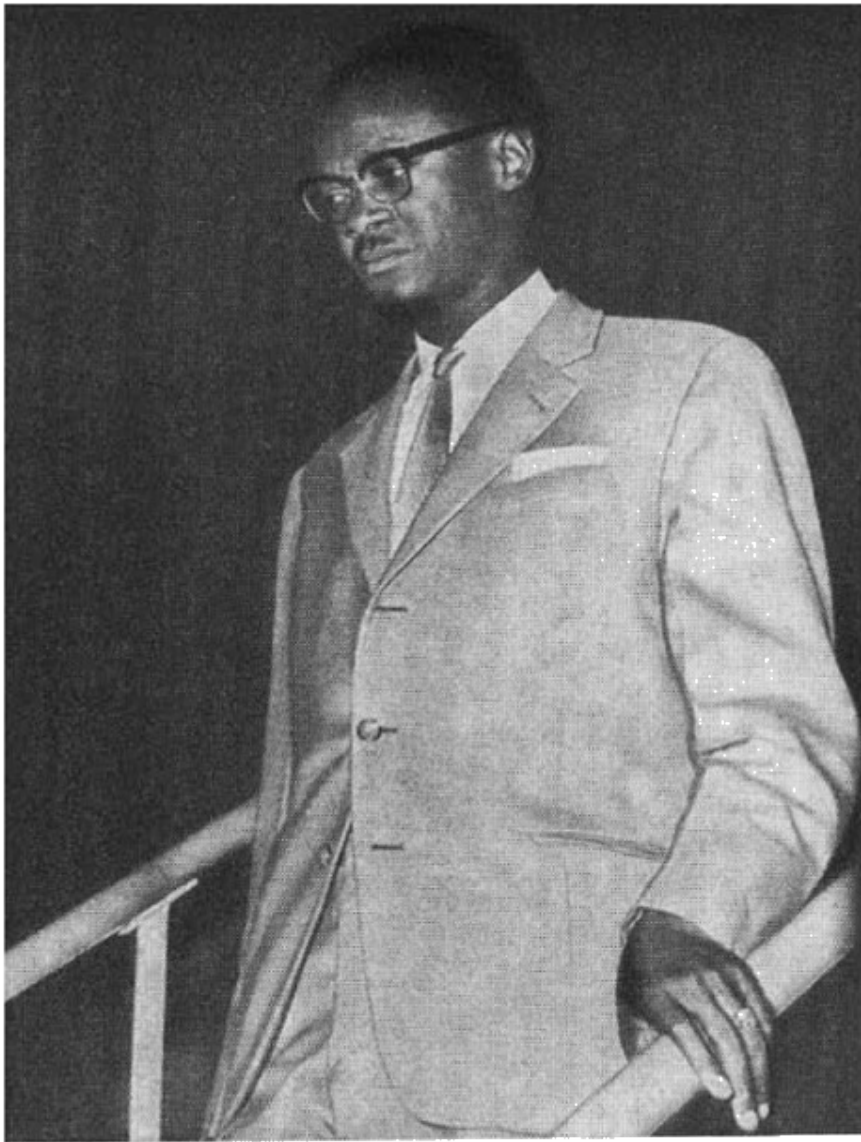
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

---

*

М., «Молодая гвардия», 1971

[Handwritten signature]

Судьбы свершился приговор

Все! С человеком покончено: Патрис Лумумба убит. Трагедия, разыгравшаяся в конголезской провинции Катанга, обрушилась на мир потоком свершившихся фактов. Подробности кошмарны: у него, законно избранного премьер-министра суверенной африканской республики, вырывали пряди волос, охранник, схватив Лумумбу за голову, бил ею о борт грузовика; из ушей и носа текла кровь. Напоследок — выстрел в затылок... Замелькали фотографии: премьер-министр Конго, скрученный веревками, окровавленный, сидит на земле, окруженный солдатами, у каждого — автомат или винтовка. В нем еще теплится жизнь, а может быть, и надежда. Последний взгляд перед гибелью... Вместе с ним были растерзаны председатель сената Жозеф Окито и министр обороны Морис Мполо.

Начало 1961 года. На московских улицах лежал снег. Но холодно и жутко было не от зимней стужи: сердце сжималось от телеграфных строк из Конго о Патрисе Лумумбе. Из траурной рамки глядел на взбудораженный мир африканец: с его портретами демонстранты, среди которых было много африканских студентов, шли к бельгийскому посольству. «Вместе с конголезским народом и свободолюбивыми народами всего мира, — говорилось в заявлении Советского правительства, — советские люди склоняют голову перед памятью мужественных сынов конголезского народа, твердо и последовательно отстаивавших свободу и независимость своей родины».

Многие страны вывесили траурные флаги. Уганда объявила неделю скорби о Лумумбе. Гвинея посмертно наградила главу первого конголезского правительства Орденом верности народу. Библиотекарь из города Кишинева писал: «Я хочу взять на воспитание ребенка конголезского патриота, погибшего в борьбе за свободное и независимое Конго. Мы сможем создать для конголезского малыша все необходимые условия». Рядом с опубликованным письмом — сообщение из столицы Бельгии: на брюссельской бирже поднялись акции... Американская газета «Дейли ньюс» поместила статью с кощунственным заголовком «Лумумба капут», в которой говорилось: «Итак, еще один коммунист, очевидно, попал в ад. Лумумба был или является несомненной марионеткой Москвы, и мы не можем рассматривать его кончину как потерю для общества». В тот же день (14 февраля 1961 г.) «Уолл-стрит джорнэл» призналась: «Честно

говоря, Западу нечего горевать по поводу кончины Патриса Лумумбы, но он (то есть Запад. — Н. Х.) имеет все основания опасаться того, к чему может привести его смерть».

Патрис Лумумба стоял у истоков конголезской независимости. Больше того — он превратился в символ этой неподдельной и неурезанной независимости. Не будем забывать и то обстоятельство, что мир уже привык к выдающимся политикам Запада. Новая же Африка только начала выдвигать незаурядных государственных деятелей. Лумумба в отличие от многих африканских лидеров, получивших воспитание и образование в столицах колониальных держав, жил, учился и сложился как руководитель национально-освободительного движения в родном Конго, вотчине Бельгии, наиболее меркантильной из меркантильных буржуазных стран Запада. Политическое пошехонье Бельгии привело к тому, что Конго превратилось в колонию с дремучей отсталостью, неразвитостью в промышленном и особенно в духовном отношении. Вот что писал один английский журнал: «Конго имеет сегодня — все, что не составляет насущной потребности для отсталой страны, и очень немного из того, что является для нее существенно необходимым. Это лачуга, построенная на золотом руднике. Здесь было допущено нечто худшее, нежели физическая жестокость. То, что было совершено здесь, следует отнести к числу поистине пагубных поступков, которые одна раса допустила когда-либо по отношению к другой. Быть может, это было сделано и неумышленно, но тем не менее является высшим позором колониализма».

Патрис Лумумба прославил свой народ и выдвинул на арену бурной современной истории. Официальный Брюссель пришел в замешательство перед словом и действием первого министра суверенного Конго и в критические повороты конголезских событий, у руля которых находился Лумумба, не нашел ничего другого, кроме знакомого еще по прошлому веку вооруженного вмешательства. Взлет Конго при Лумумбе означал, кроме всего прочего, моральную капитуляцию Бельгии. Как рыцарь без страха и упрека, Патрис погиб в атаке: он умер победителем, не отступив перед общим натиском озверевших колонизаторов.

Не было страны, не было политического деятеля или общественной организации, которые бы так или иначе не отозвались на драму Конго, на гибель Лумумбы. Популярность этого человека была столь велика, что умалчивание о нем считалось неприличным. Из высказываний о Лумумбе можно составить увесистый том. Президент Кеннеди, как сообщалось, был потрясен известием о расправе над Лумумбой. Джавахарлал Неру заявил:

— Лумумба стал исторической, почти легендарной фигурой,

оказывающей воздействие на миллионы людей. Мертвый Лумумба бесконечно сильнее живого.

Камбоджийская газета писала: «Лумумба станет символом независимости Конго. В глазах будущих поколений он станет человеком, который высоко держал факел африканской свободы, мучеником новой Африки, жертвой колониализма и империализма».

Пальмиро Тольятти сказал:

— Сообщение об убийстве признанного вождя конголезского народа, наиболее решительного борца за независимость и целостность большой африканской страны, наполняет возмущением и гневом душу каждого человека, любящего свободу, справедливость и человечность.

Необычное творилось в Организации Объединенных Наций: небоскребу на Ист-Ривер угрожали разгневанные демонстранты. Галереи в зале заседаний Генеральной Ассамблеи были забиты посетителями, взволнованными, кричащими, протестующими. Они скандировали имя погибшего конголезского премьера и не давали говорить представителям западных держав. Наряды полиции водворяли порядок и выдворяли разгневанную публику. Казалось, что трибуна ООН превратилась в место, откуда бросали пламенные слова публицисты, обличители, а не сдержанные дипломаты.

— Выражаем несказанный гнев...

— Погиб апостол независимости...

— Терзая Лумумбу, вы терзаете всю Черную Африку...

— Смерть Патриса — на совести колониального Запада...

— В Конго мы видим волчью солидарность НАТО...

А там, в Конго, неутешно плакала Полин, жена Лумумбы. У малыша Роланда никак не заживал шрам на голове — солдат ударил его прикладом. Патрис, сын погибшего Патриса, твердил о мести. Старший — Франсуа — ночами молча плакал...

Он ушел из жизни, чтобы шагнуть в легенду освободительного движения и Конго и всего континента.

Он — наш современник.

Калема дошла до Конго

Леопольдвиль рос быстро, как пальма в дождливый сезон. Исконное, название города — Киншаса — некогда так называлась небольшая рыбацкая деревушка, расположенная на берегу крохотного ручейка, впадающего в Конго. Залив, где находятся сейчас верфи и судоремонтный завод, тоже сохранил в своем имени кусочек истории: это Нгальема. Так звали вождя, который правил Киншасой в то самое время, когда в Нижнее Конго пробрался Генри Мортон Стэнли. Стэнли нужны были договоры с местными вождями о приобретении конголезских земель, он заручался бумагами, уговаривая безграмотных людей ставить на них кресты вместо подписей. Нгальема выкручивался, хитрил: ему страстно хотелось получить диковинные подарки из Европы, но возможная расплата за них его настораживала.

Стэнли сердился, выходил из себя, прерывал переговоры, а потом снова принимался обрабатывать африканского вождя. Честолюбивый, избалованный газетной шумихой Стэнли не мог вернуться в Европу, где он был кумиром, с пустыми руками. Бельгийский король Леопольд II, агентом которого являлся Стэнли, ждал от него не каких-то там географических открытий и вкладов в науку — ему нужна была формальная зацепка для того, чтобы предъявить свои права на земли в Африке.

Бельгия к тому времени превратилась в маленькую империалистическую хищницу. Леопольд побывал в Египте и Индии: он своими глазами видел, как на этих землях орудуют англичане. Бельгийский капитал лез наружу, как перестоявшееся тесто из квашни, его монополиям нужны были новые территории. Многочисленные компании из Брюсселя устремлялись в Китай, Россию, Азию, Африку и Латинскую Америку. Стэнли был доверенным лицом короля Леопольда II, прославленным путешественником, сам писал книги о своих странствиях и таким образом навязывал читающей публике свои взгляды. Стэнли создал в литературе собственный образ — смелого человека, прорубающегося в неизведанные еще земли. Он писал: «Обещаю читателю быть кратким, хотя до весны настоящего 1890 года ни один папирус, ни одна рукопись, книга или брошюра не сообщали ни малейшей подробности об этой стране ужасов». Врубающийся в Африку Стэнли рисовал Конго как страну, совершенно неизвестную с тех пор, как «воды собрались в одно место и образовалась суша».

Он цитировал библию и расстреливал африканцев из современных ружей. Его порой кощунственная писанина заставляет призадуматься. Конечно, Стэнли вынес на листки бумаги далеко не все из своих походов, но из них можно составить представление о характере экспедиции. Его книга «В дебрях Африки» содержит такие откровения: «Эти сыны лесов не возбуждают моих симпатий. Они подлы и злы, а лгут еще охотнее, чем обитатели открытой равнины. Я не верю ни единому их слову, не могу положиться ни на какие их уверения».

Нет, мы не выхватываем случайные цитаты, чтобы подтвердить заранее избранную точку зрения. В книгах Стэнли выражено ничем не замаскированное, откровенно пренебрежительное отношение к африканцам. Он запросто, походя говорил об «умственной несостоятельности» конголезцев. Надо полагать, говорил правду, когда писал: «Весь караван бросился в атаку, пробежал насквозь всю деревню, объятую пламенем, и, продолжая отстреливаться, остановился в каком-то предместье, в восточном конце местечка, которое еще не успели поджечь».

Стэнли пробирался от устья реки Конго к Киншасе, будущему Леопольдвиллю, современной столице страны. «Бурливая и предательская река», как называл Конго Генри Стэнли, раздраженный и трудностью пути, и сопротивлением местного населения, все же несла его и его караван, набранный на острове Занзибар, к заветной цели — в глубь страны. «В этой чужой стране, — отмечал Стэнли, — мы все чужие и лишь ощупью пробираемся в этих дебрях».

Сохранились приказы Стэнли: даже во время сна ни в коем случае не расставаться с оружием. Пуще всего беречь патроны, порох и капсюли. И обобщающее заключение свидетельство: все население бежало внутрь страны. Стэнли оставил свои писания об африканском сафари, а конголезцы сложили песню о вторжении европейцев.

*Чужеземцы, куда вы идете?
Куда вы идете?
Эта страна не хочет принять вас,
Не хочет принять вас.
Все будут против вас,
Все будут против вас!
Против вас!
И все вы будете убиты,
Будете убиты!*

Вопреки желаниям, выраженным в приведенной песне, убиты были далеко не все ненавистные пришельцы, но положение Стэнли было отчаянное, о чем свидетельствует его письмо. «Кому-нибудь в Бома, кто знает по-английски, — говорилось в нем. — Я прибыл из Занзибара с 115 людьми. Мы умираем от голода. Туземцы отказываются продавать съестные припасы. Это заставляет меня обратиться к вам, хотя я вас и не знаю. Не откажите в моей просьбе: пришлите мне тысячу метров бумажной материи и 20–25 мер зерна. За все издержки будет заплачено. Нужно только, чтобы все это пришло в течение двух суток, иначе у меня перемрет много людей».

В приписке говорилось, что автор письма — тот самый человек, который отыскал доктора Давида Ливингстона. Помогли проживающие в Бома англичане. Лихорадочная судьба вынесла Стэнли к Киншасе, к вождю Нгальеме. Деяния Леопольда и Стэнли не остались незамеченными: им уже тогда дана была верная оценка. Марк Твен в «Монологе короля Леопольда» писал: «Страшная тень Леопольда лежит на Свободном государстве Конго, под этой тенью с невероятной быстротой чахнет и вымирает кроткий 15-миллионный народ. Это страна могил, не что иное, как Свободное кладбище Конго...»

«Свободное кладбище Конго» должно было обзавестись своей столицей. Набрав новую экспедицию, Стэнли добрался до Киншасы, разбил на ее окраине лагерь и, к своему ужасу, обнаружил, что на правом берегу виднеются палатки европейцев и развевается флаг Франции. Исследователь Саворьян де Бразза, направленный Парижем, опередил на этот раз пронырливого Стэнли. Последний рвал и метал, но вынужден был смириться: за ним на этот раз стояла не могущественная Англия, которая шла открыто на осложнения с любой державой при дележе африканских лакомых кусков, а крохотная Бельгия. Правобережное Конго пришлось уступить Франции.

Киншаса приобрела новую вывеску: Леопольдвиль, город короля Леопольда. Переименовывалось решительно все: реки, озера, города и селения, водопады и горы. Колодой карт, раскинутой в колониальном пасьянсе, на просторы огромной африканской страны внедрились европейские имена — Альберты, Шарлотты, Эдуарды, Виктории. Стэнли не обидел и себя: его именем назван город на порогах Конго. Стэнли-пул — место повыше Киншасы, где великая африканская река разлилась на протоки, образуя несметное число островков, малодоступных для человека и по сей день. Благодарные колониальные потомки Стэнли отгрохали ему монументальный памятник на окраине конголезской столицы. В одной руке

палка, другая приподнята и сжата в кулак. Грозный, жестокий европеец...

Лумумба не любил этот город и бывал в нем редко. Когда Патрису доводилось приезжать в столицу, он первым делом направлялся в африканские кварталы, останавливался у родных и знакомых.

На этот раз он, однако, направился к особняку на авеню Липпенс, принадлежавшему бельгийской колониальной администрации. Не ахти какие важные чины просиживали в особняке положенное по службе время, но все же он усиленно охранялся, и простые африканцы не имели к нему доступа. Теперь же, в 1958 году, положение стало меняться, и эти перемены чувствовал каждый служащий в особняке на авеню Липпенс. Раздается звонок из резиденции генерал-губернатора: примите такого-то африканца, да еще так, чтобы он уехал от вас довольным. Раньше подобных церемоний не было и в помине. А теперь африканцев принимали и выслушивали. Что-то определенно изменилось в Бельгийском Конго. Совсем недавно весь Леопольдвиль облетело известие: два чиновника из генерал-губернаторства были оштрафованы... за грубое обращение с конголезцами. И уже не диво, если при встрече с конголезцем бельгиец подаст руку, разговорится.

Войдя в особняк, Лумумба узнал, кто занимается оформлением виз в Гану, и подошел к столоначальнику.

— Мсье Лумумба? — не то спрашивая и уточняя имя, не то приветствуя вошедшего, спросил он. — Очень рад с вами познакомиться. Ваша виза ждет вас. Кстати, в Аккре работает на дипломатической службе мой старый друг. Вдруг вам потребуется какая-либо помощь. Вот вам его телефон и адрес. Ну что ж, как говорится, бон вояж.

Лумумба не произнес ни одной фразы: он только дважды сказал «Спасибо» — когда чиновник предложил ему адрес бельгийского дипломата в Гане и перед самым уходом. Лумумба хорошо знал, что указание о «новом подходе» к местным жителям исходит даже не от генерал-губернатора, а из Брюсселя. Это отражало общие изменения в политической атмосфере колонии. Издавна враждующие стороны — конголезцы и европейские поселенцы, в основном бельгийцы — готовились к новой схватке. Нет, Бельгия не наращивала войска в колонии: девятнадцатый век, век империалистического раздела Африки, отошел в прошлое. Кроме того, Брюссель учитывал опыт Англии и Франции: обе державы, неизмеримо сильнее Бельгии, отступали из Азии, а теперь сдают позиции и в Африке, выдвигая на первый план дипломатию. Речь может идти об условиях, о времени предоставления независимости — и только. Антиколониальный вал никому уже не дано остановить.

В Брюсселе имелись политические деятели, понимавшие, что Бельгия

должна как-то договориться с конголезцами. Но с какими? Кто они, эти руководители недавно созданных партий? Существовала система слежки, и генерал-губернаторство знало о митингах и собраниях, о содержании речей некоторых лидеров. Но ведь и эти лидеры тоже знали, что за ними присматривают, наблюдают. А что бы они сказали при полной свободе?

Вопрос с визой для Лумумбы и его коллег был так быстро решен потому, что в Леопольдвиле состоялось недавно совещание бельгийских чиновников, вызванных из провинций, на котором было решено не препятствовать поездкам конголезцев за границу. Пусть выезжают, произносят речи, проявляют свое политическое лицо...

Патрис Лумумба летел в независимую африканскую страну. В самолете было еще два конголезца — Гастон Диоми и Жозеф Нгалула. На протяжении всего рейса они не переставали обсуждать политические проблемы, связанные с Африкой и будущим Конго. На них обращали внимание другие пассажиры, но им, увлеченным спором, мало было дела до окружающих.

В который раз Лумумба убеждался в той очевидной истине, что теперь и с конголезцем, если он вышел на политическую арену, следует быть и дипломатом и политиком, а в ряде случаев и осторожным, сдержанным на оценки человеком. Вот, например, Гастон Диоми. Он близок к Жозефу Касавубу, человеку Нижнего Конго, пользующемуся известностью в Леопольдвиле. Гастон быстро продвигался по служебной бельгийской лестнице. Не всем конголезцам колониальные власти чинили препятствия. Гастон Диоми занимал пост бургомистра коммуны Нгири-Нгири, а его друг Касавубу возглавлял леопольдвильскую коммуну Денделе. Гастон был близок и к генерал-губернаторству. Он гордился тем, что состоял в переписке с бельгийским королем Бодуэном. Считанное число конголезцев имело право на это: чуть что, и мсье Гастон шлет телеграмму в Брюссель. Адрес высочайший. У иного на телеграфе не примут послание, выгонят вон, а у Гастона принимали.

Жозеф Нгалула был, пожалуй, еще интереснее. Альбер Калонжи, вождь из Бакванги, присвоил своей партии название — Национальное движение Конго. Именно так называлась партия Патриса Лумумбы. Выходит, в Конго существуют и действуют две партии с одинаковым названием? Значит, партии с одинаковыми платформами? Отнюдь нет. Парадокс состоял в том, что не было партий более отдаленных друг от друга, а именующихся одинаково. Хитрец Калонжи примазался к популярному названию и после букв НДК в скобках ставил «К». Жозеф Нгалула и был частицей этого странного «К» — калонжистского крыла

партии. Полный раскол произошел позднее.

Лумумба молчал. Самолет пошел на посадку. Прильнув к иллюминаторам, пассажиры рассматривали окрестности Аккры. Атлантика отвела ганской столице местечко в Гвинейском заливе. Конголезцев встречали представители ганского правительства. Было так же тепло, как и в Конго, но политический климат был иным.

Бывший Золотой Берег, а ныне суверенная страна Гана покончила с британским колониальным режимом совсем недавно — 6 марта 1957 года. Лумумба расхаживал по Аккре, думал о Леопольдвиле. Ему нравилось, что столица называется по-африкански. Оказывается, в переводе с языка акан слово «нкран» переводится как «муравей». От него и произошло — Аккра. Лумумба расспрашивал: а что это за муравьи? Какие они — большие или маленькие? Кусаются или нет? Ему объяснили, что нкран — совсем крохотные. Ведут себя мирно до тех пор, пока их не потревожат, не нарушат их покоя. Но когда в их жилище вторгнется враг, они дружно набрасываются на неприятеля. Неважно, кто пришелец — человек, собака, птица. Незванный гость всегда получит от мирных муравьев отпор.

— Что же, у вас превосходные муравьи. Подарите нам для развода, — шутил Патрис.

Приятно было ходить по улице Независимости, главной магистрали Аккры. В стороны разбегались Тунисская, Ливийская, Суданская улицы. Внушительно выглядел Рангунский военный лагерь, названный так в память о пребывании ганских солдат в Бирме, сражавшихся в годы второй мировой войны в составе британских имперских подразделений. Лумумба посетил Легонский университет. Ректором был ганец. Он радушно встретил конголезского гостя, сам ходил с ним по аудиториям, рассказывал об учебных планах.

— Кстати, господин Лумумба, — пояснял он, — Легон означает «Холм мудрости». На редкость удачное название! Холм мудрости! Но одного Легона мало. Надо открывать новые учебные заведения. А где взять преподавателей? Одно тормозит другое. Вы у себя в Конго еще столкнетесь с такими же проблемами.

— Да, да, вы правы, — отвечал Лумумба. — У нас дело обстоит еще хуже. Отсталость предельная. Живем как бы в другом мире, не похожем на обычный. Начинать придется с азбуки...

Лумумба был приглашен в Гану на конференцию народов Африки. В то время Аккра была местом паломничества руководителей национально-освободительного движения, действовавших во всех концах материка. Легальным и нелегальным путем добирались они в независимую страну,

чтобы изложить свои взгляды и требования, разоблачить махинации колонизаторов на юге и севере, западе и востоке. Пример Ганы вселял уверенность. Здесь текла своя, африканская жизнь, далекая от совершенства: по существу, в материальном отношении почти ничего не изменилось, но даже сама ее неустроенность при отсутствии английских колонизаторов не так тяготила народ. Слишком мал срок. Благополучие нации строится десятилетиями, веками.

Гана переживала подъем в сфере политической — области, где испокон веков делами вершили иностранцы. «Руки наши — голова чужая», — говорили африканцы про такое управление. Ганец отключался от участия в управлении собственной страной. «Африканец» и «политика» были понятиями несовместимыми. Ходила как притча фраза, сказанная одним европейским священником:

— Для африканца политика — что алтарь для женщины.

Суверенная Гана отбрасывала эти колониально-алтарные перегородки и выдвигала национальные кадры на все командные места в новом государстве. Правда, при этом происходил и другой процесс, который иностранные наблюдатели охарактеризовали как «перепроизводство политиков». Государственный аппарат формировался заново, и в его разветвленную сеть устремились и люди, мало или совсем не подготовленные к службе. Политика для многих представлялась самым легким занятием, где можно преуспеть, прослав патриотом, националистом, борцом против проклятого колониализма. Наживая определенный политический капитал на собраниях, конференциях, своими выступлениями в печати, частными заверениями о поддержке утверждающегося независимого строя, такой африканец ничего конкретного не знал, но садился в любое кресло.

Когда доктор Кваме Нкрума пригласил конголезских делегатов на беседу, Патрис Лумумба поделился с ним этими наблюдениями. Кажется, глава независимой Ганы не только был готов к разговору на эту тему, но и желал этого разговора.

— И вы у себя столкнетесь с этими явлениями, — начал Нкрума. — Их не миновать. Избавившись от колониализма с его пороками, африканская страна в процессе построения независимости будет обрастать своими, африканскими болезнями. Такова диалектика развития. Буржуазные государства существуют сотни лет, а какие колоссальные ошибки совершают их парламенты, ассамблеи, премьеры и министры! А мы только начинаем делать первые шаги на государственном поприще-и не гарантированы от недостатков. Вопрос стоит резко: что лучше —

европейский специалист, отлично знающий свою профессию, или же африканец, не осведомленный в тонкостях этой же профессии, но преданный нам политически? Где-то мы идем на компромисс: у нас нет своих технических кадров, и в ряде случаев приходится заключать контракты с иностранцами. Есть и компромисс другого рода: мы менее требовательны к своим — согражданам в смысле их профессиональной подготовленности, когда выдвигаем их на тот или иной пост. А что делать?..

Двадцать семь стран Африки были представлены в Гане, и большинство из них все еще находились под колониальным игом. С 5 по 13 декабря в Аккре обсуждались проблемы, связанные с избавлением континента от иностранного господства. Ораторы были разные: одни призывали к немедленной вооруженной борьбе «с помощью суверенной Ганы», другие рекомендовали мирный путь, путь переговоров и уговоров. Одни цитировали Маркса и Ленина, другие — Библию и Коран. Вспоминали Толстого, Ганди, учение о непротивлении злу. Призывы порвать с империалистическим Западом сменялись пожеланиями сотрудничать с ним. Разоблачение колониализма, сделанное в самых резких выражениях, соседствовало с напоминанием о его цивилизаторской миссии в странах африканского континента. Говорили на разных языках и в прямом и в переносном смысле. И все же это была одна африканская семья, члены которой по-разному глядели на мир и по-разному оценивали его явления.

Но вот на трибуну поднялся Кваме Нкрума. Черную трость, с которой он не расставался, оставил на столе, почти вплотную примыкавшем к трибуне, покрытой красным бархатом. Его почти всегда грустное лицо озарилось улыбкой. Ему несколько минут не давали говорить: аплодировали.

— Братья и соратники по борьбе! — обратился он к участникам конференции. — Мы считаем за великую честь принять всех вас в нашем ганском доме. Он, этот дом, независим от империалистов, но целиком и полностью зависим от вас, и двери его всегда открыты для участников национально-освободительного движения. Мы бы хотели освободить наш многострадальный континент сегодня или завтра, но у нас нет еще для этого необходимых средств. Противник гораздо сильнее нас, хотя в историческом аспекте он обречен на гибель. Мы бы хотели накормить голодающих, обути и одеть бедных во всех концах континента, но пока что мы и сами бедны. Я могу только сказать, что сердце Ганы всегда было и будет с вами. Вы — недалекое будущее всего континента. Сегодняшняя

Гана — это завтрашнее Конго, Кения, Уганда, Родезия, Танганьика, все ныне зависимые и угнетаемые народы материка. Позвольте мне остановиться на основных проблемах нашей борьбы...

Лумумба впервые слушал публичное выступление президента Ганы. Кваме Нкрума говорил долго, но не утомлял слушателей, а, казалось, все больше и больше убеждал их и располагал к себе. Он приводил примеры из жизни независимой Ганы, переходил к теоретическим построениям. Нкрума с особым воодушевлением развивал мысль о создании Африканских соединенных штатов, о федерации, о возможности формирования в свое время единого африканского правительства. Идея panaфриканизма, разделяемая многими образованными африканцами, приобретала в новых условиях современное звучание. Овации разразились тогда, когда было сообщено, что «великий негр» Уильям Дюбуа, с которым Кваме Нкрума дружил и состоял в переписке, не только принял предложение прибыть в Аккру, но и выразил готовность поселиться здесь и возглавить работу по изданию африканской энциклопедии.

Участников первой конференции народов Африки порадовало и то, что глава суверенной Ганы проявил широкий подход к политическим и философским воззрениям прошлого и настоящего. Он цитировал Маркса и Ленина, Вашингтона и Линкольна, ссылаясь на конституции Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Его словами нарождающаяся новая Африка как бы обобщала в обстановке свободного обсуждения опыт мировой истории и делала из этого опыта полезный для себя вывод. За президентом Ганы уже успела закрепиться репутация беспощадного критика империализма и колониализма, сторонника переустройства новых, независимых африканских государств на социалистических началах.

Здесь, в Аккре, единство было и полным и единодушным. Участники конференции заявили о своей полной поддержке всех борцов за свободу в Африке — «как тех, кто использует мирные средства борьбы без применения насилия, так и тех, кто вынужден отвечать насилием против насилия». Была принята резолюция против расизма и дискриминации. Участники конференции высказались за применение широких экономических санкций против Южной Африки, за то, чтобы всеми способами пропагандировать идею panaфриканизма, за расширение политических, культурных и иных связей между африканскими странами. Специальная резолюция осудила племенной строй и религиозный сепаратизм. Создан был постоянный комитет конференции — в него вошел и Лумумба. До этого он выступил с речью. Патрис Лумумба поблагодарил правительство Ганы за приглашение на столь важную конференцию. Он

рассказал о политической ситуации в Бельгийском Конго, о деятельности возглавляемой им партии — Национальное движение Конго, отметив, что партия эта еще молодая — она была создана осенью 1958 года.

— Наше движение имеет главной целью освобождение конголезского народа от колониального режима и достижение им независимости. Мы отдаем себе отчет в том, что нашими главными врагами являются колониализм, империализм, трибализм и сепаратизм. Выступления многих делегатов на конференции помогут выработать нам современную тактику борьбы с колонизаторами. Я доложу своей партии о принятых здесь резолюциях, постараюсь передать атмосферу братства и солидарности, царящую здесь, расскажу о вашем внимании к борьбе конголезского народа. Считайте и нас, конголезцев, солдатами единой и свободной Африки! Долой колониализм и империализм! Долой расизм и племенную раздробленность! Да здравствует конголезская нация, да здравствует независимая Африка!

Уже потом, — прохаживаясь по берегу Атлантического океана, по рыбацкому району ганской столицы, он пытался еще раз восстановить в памяти все то, о чем говорилось на конференции. А Гвинейский залив неумолимо катил прибойные волны — калема. Лумумба услышал песню рыбаков:

*Океан бросает на берег калему —
И ты, рыбак, не спеши ни радоваться,
ни печалиться:
Калема — благо и зло,
Калема — стихия,
Калема — подмога и препятствие.
Она может плавно опустить твою лодку на землю,
Но может и потопить ее в океане
Назло твоим мольбам о спасении.
Калема обладает таинственной силой —
Силой неба и океана.
Вода и воздух непостижимы.
Калема — молния океана,
Запомни: молния океана!
Что ты можешь сделать с молнией?
В Африке есть две молнии —
Небесная и земная.
Небесная высоко,*

*Земная близко
И ты несешься на ее гребне.
Калема требует от человека ума и опыта,
Мужества и стойкости.
Калема — стихия...*

В Лумумбе заговорил поэт: он, ставший лидером конголезской политической партии, представляющий свое движение и свою страну за рубежом, с детства писал стихи и был равнодушен к яркому поэтическому слову, к образу, сравнению, к звучной рифме. Он сразу же оценил рыбацкую песню. Калема, думал он, — символ обновляющейся Африки. Калема — прибойная волна национального движения всех африканцев.

Лумумба покинул Аккру окрыленным.
Прибойная, наступательная калема не давала ему покоя.
Конголезская калема должна быть усилена во сто крат.

Нгонго Лютете

Когда человек летит на родную землю, то он осмысливает все виденное и слышанное в чужом краю, и в то же время память тянет его к своему дому, своей стране, своему народу. Калейдоскоп мыслей, отдельных сцен, разговоров, оценка и переоценка того, что сделал. Будничная, черновая работа мозга. словно мало ему сегодняшних событий: он взваливает на себя большое и малое из дальнего и близкого прошлого...

Неторопливо проплыли слова: «С горячей воды огня никогда не будет». Лумумба вспомнил: сказал их Нгонго Лютете, самый популярный вождь народа батетела, из которого вышел и Патрис Лумумба, мутетела, то есть отдельный человек батетела, говорящий на своем родном языке отетела. Язык только разговорный, письменности нет. Как растение, лишенное благоприятных условий, язык отетела прижался к земле. Где нет печатного слова, там с особой силой расцветает фольклор, появляются причудливые сказания и легенды, слагаемые во время вечерних и ночных бесед за костром, на охоте, длящейся сутками, на свадьбах и похоронах, «во дни торжеств и бед народных».

Нгонго Лютете не оставил после себя письменных трактатов: он не умел писать. Разговаривал на одном языке — отетела. Зато как говорил! Посев, сделанный Лютете, приносит урожай за урожаем. «Вода не может кружиться, если нет переката или водопада». Опять слова вождя батетела...

Вождем его выбрали на крестьянской сходке, как наиболее мудрого, бескорыстного, честного и смелого. Нгонго Лютете был крестьянином, охотником и мыслителем. Про него говорили, что он видит крокодила на дне реки, приближение врага чувствует по ветру, мысли человека распознает по глазам. «Нгонго Лютете сказал» — эти слова и сейчас вызывают среди конголезцев в высшей степени уважительное отношение, заставляя их прекратить всякую тарабарщину и почтительно слушать, что же изрек вождь. А каков был вес его слов тогда, в конце прошлого столетия? И что он сделал для Конго?

В ту пору реальную Африку мало кто знал и не каждый, даже весьма образованный, житель Европы мог отыскать на карте Уганду или Мозамбик, Конго или Того, Нигерию путали с Нигером. Лучше представляли северную, арабскую часть африканского континента, которая примыкала к Средиземноморью и испокон веков была связана с Европой. Сорок веков египетской истории приковали к себе самых выдающихся

исследователей мира.

Все то, что находилось южнее Сахары и Нубийской пустыни, было окутано неизвестностью, представляло собой «терра инкогнита». Неведомые земли!

Правда, еще в 1487 году Бартоломео Диас обогнул на своих каравеллах самую южную точку Африканского материка — мыс Бурь. Набожный и, надо полагать, мнительный мореплаватель, удачливый в морских походах, пребывая в радостном настроении, дал новое название этому месту — мыс Доброй Надежды. Четыре века спустя после открытия Бартоломео Диаса в Южной Африке началась англо-бурская война. Шел, как отмечал В. И. Ленин, дележ и грабеж Африки. Совершенствование военного оружия, направленного против африканцев, продвигалось куда быстрее, чем процесс познания племен и народов, населяющих континент. Европа узнала, что на самом юге Африки проживают зулусы, готтентоты, кафры. Что все они кровожадны и примитивны. И уже по этой причине их надо истреблять...

И истребляли, называя этот процесс «приобщением к цивилизации». В Капской колонии орудовал Сесиль Родс, которого В. И. Ленин исключительно метко и выразительно охарактеризовал одним-единственным словом — «типик». Колониальная добыча была столь велика, что уже тогда Родс вынашивал идею объединения Великобритании и Соединенных Штатов Америки, чтобы империалистическим союзом двух держав закрепиться на континенте. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления».

Конго не составляло исключения из этого «идиллического» процесса первоначального накопления на бельгийский империалистический манер. Как отмечал Уильям Дюбуа, создание Бельгией обширной колонии в Африке положило начало разделу территории континента между европейскими державами. Характерный штрих: Соединенные Штаты первыми официально признали суверенитет Леопольда II над купленной им территорией. Личная африканская вотчина перестала существовать для бельгийского короля лишь 10 августа 1908 года, когда правительство Брюсселя, в свою очередь, купило Конго у короля. За два года до этого события известный исследователь Африки Л. Фробениус побывал в этих

местах. Мы приведем его высказывание — оно заслуживает внимания еще и потому, что путешественник побывал в Санкуру, на родине Патриса Лумумбы.

«В 1906 году, — пишет Фробениус, — когда я проник на территорию Касан-Санкуру, я увидел там селения, центральные улицы которых на несколько лье были с обеих сторон обсажены пальмами, а каждый дом, очаровательно украшенный, был произведением искусства.

Я не встречал ни одного мужчины, при котором не было бы роскошного оружия из стали и меди; ножны и рукоятки покрыты змеиной кожей; всюду бархат и шелка. Каждая чашка, каждая трубка, каждая ложка были объектом искусной обработки, достойные сравнения с творениями римского европейского стиля. Но все это только нежное и радужное цветение, которое украшает спелый чудесный плод: жесты, манеры, нормы морали всего народа, от младенца до стариков, хотя все это оставалось в совершенно естественных границах, с одинаковым достоинством и грацией отражались как в семьях принцев и богатых, так и в семьях вассалов и у рабов. Мне не известно ни одного северного народа, который мог бы сравниться с этими первобытными людьми по единству цивилизации. Увы, это последние «счастливые острова»! Их также захлестнула волна европейской цивилизации. И мирная красота была сметена этим наводнением».

Недаром древние писатели и географы говорили, что Африка начинается в Пиренеях, подчеркивая этим общность культур двух континентов. В армии Александра Македонского были африканцы. Фараон Эхнатон — мулат. Легенда гласит, что Моисей был женат на африканке. Государство Сонгаи основал Аский Великий, африканец. В Санкоре существовал университет, который поддерживал культурные связи с Испанией, Италией, Восточной Римской империей. Один из признанных авторитетов в мировой истории, Лев Африканский — уроженец знойной Африки. Пальмовый лист недолго сохранит стих, равный, может быть, стихам великого европейского поэта. Блестящие поучительные афоризмы не переходили на страницы книг: в лучшем случае они становились достоянием молвы. Один исследователь так говорил о Конго: «В начале XVI века Конго превратилось в христианскую землю, богатством и пышностью которой был восхищен весь христианский мир. Его императоры и придворные соперничали великолепием с грандами Испании и Португалии, а местные священники посвящались в духовный сан Римом. Никогда больше ни одно африканское царство не будет обладать такой утонченностью и изяществом. И можно поверить древним хроникам,

заявляющим, что по умению держать себя, по своей одежде, манерам, искусству вести беседу жители Конго ничем не отличались от просвещенных европейцев. Затем наступил XVII век, сила двора Конго начала падать, и какой-либо приходский священник из Европы мог угрожать смещением императора. В XVIII веке царство Конго рухнуло и даже не осталось в памяти нового поколения».

В чем же отсталость Конго и Африки в целом? Что там нет небоскребов и неоновых реклам? Но кто возьмется утверждать, что в квартире двадцатиэтажного дома жить лучше, чем в африканской хижине? Вполне естественно: европеец всегда предпочтет, как мы выражаемся, квартиру со всеми удобствами, расположенную недалеко от центра города, африканец же предпочтет хижину, находящуюся в глубинке. Это обстоятельство несколько не говорит об «отсталости» и «примитивизме» африканца. Еще больше нелепости содержится в определении достоинств человека «по одежке». «Какой ужас, — вопят невежи, — они все время ходят босиком, не знают, что такое ботинки, не умеют повязать галстука!»

Сейчас уже многое переменялось и есть немало африканцев, которые дадут десять очков вперед франту из Парижа или Брюсселя. Но абсолютное большинство африканцев щеголяет действительно налегке, не обременяя себя гардеробами. Из этого делается вывод и о бедности, и о той же «отсталости» и «неполноценности». И то и другое противоречит здравому смыслу. Обнаженность — насущная потребность для человека, живущего в тропиках. Бедный, с нашей точки зрения, наряд отнюдь не характеризует африканца с имущественной стороны, не говорит о его социальном положении в обществе.

Нгонго Лютете редкий раз надевал на себя воинские доспехи, положенные ему как вождю племени. Даже перед европейцами, отряды которых он разбивал, вождь предстával босым, держа копье в руке.

— Не так обидно, что африканцы нас взяли в плен, сколько то, что принудил к сдаче босаяк, — говорили бельгийцы.

Он родился на берегу Санкуру. Отец его был замечательным охотником. Бивни убитых им слонов приносил домой: изгородь вокруг хижины состояла из воткнутих в землю клыков. Ворвавшись в деревню, пришельцы набрасывались на слоновьи бивни и уносили их до единого. Нгонго Лютете, сын охотника, был уже взрослым. Старик отец говорил ему:

— Эти белые люди — дикари. Их нужно истреблять, как животных, которые уничтожают наши посевы. Но у меня нет сил для этого. Наш вождь перетрусил и не сможет защитить батетела. Я знаю тебя не только

как сына, но и как воина. Нужно собрать совет старейшин, чтобы избрать нового вождя. Люди с ружьями скоро придут еще...

До Санкуру дошли арабские авантюристы, занимавшиеся работорговлей, сбывавшие европейским перекупщикам «живой товар». Формируя вооруженные караваны на Занзибаре, оснащая их английским оружием, они через Танганьiku устремлялись в Конго, захватывали опорные пункты, откуда делали набеги на окрестные селения африканцев. Типпо Тип и его сын Сефу владели значительными территориями: за короткий срок они нажили баснословные состояния. Эти искатели наживы прокладывали дороги еще более крупным европейским хищникам.

Когда Нгонго Лютете был избран вождем батетела, он начал готовиться к военным действиям против непрошенных властителей, закрепившихся на конголезской земле. Положение осложнялось тем, что бельгийские колонизаторы смогли на вербовать солдат из некоторых племен Конго, в том числе и из батетела. Солдат обували, одевали, им платили деньги — и их же бросали в бой против африканцев. Про них вождь говорил:

— Когда баран на веревке, он не может щипать траву в чужом огороде — пожирает свою.

Нгонго Лютете создал боеспособную армию: передовые части были вооружены винтовками, отбитыми у бельгийцев. Солдаты батетела, на вербованные в колониальные войска, подняли мятеж и вышли из подчинения бельгийских офицеров. В 1892 году армия конголезского вождя атаковала Лусамбо и другие укрепленные районы, находившиеся в руках оккупантов. В то время все без исключения иностранные компании, обосновавшиеся в Конго, располагали собственными военными отрядами. «Специальный комитет Катанги», предшественник «Юнион миньер дю О'Катанга», бросил свои отряды против Нгонго Лютете.

Батетела сражались тогда за все Конго, может быть впервые за всю историю выйдя за пределы интересов только своего племени. В этом была заслуга Нгонго Лютете. Остался его афоризм:

— Собака имеет четыре ноги, но бежит она не по двум, а по одной тропинке. Так и страна: Конго должно идти одной тропинкой...

Он был схвачен и расстрелян колонизаторами. Перед самой смертью он сказал:

— Орел останется орлом, даже когда ему отрубят когти. Я уйду, но у батетела будет и после меня много орлов!

Оставил по себе, видимо, выстраданную им притчу. Смысл ее таков.

...Умирают те, кто боролся. Кто не держал в руках оружия и не разил

врагов, тот не жил и не рождался. Поэтому не так уж важно — живет он или умер. Настоящей жизни у такого человека нет и не было. Я умираю, оставляя жить с вами. Скошенная трава растет еще лучше. Кто видел кровь, тот никогда не побоится воды. Помните: пришелец не знает и никогда не узнает, с какой стороны появится ночью луна. Сороконожку, которая к нам приползла, батетела никогда не полюбят. Бейте ее, бейте! Я ухожу от вас не по своей воле. Я сделал все, что мог. Помните: вождь, умерщвленный чужим оружием, лучше, чем тот, кто пополз на коленях к бельгийцам. Кто сказал, что я прах? Я уношу с собой в землю семена борьбы. Я надеюсь на всходы. Батетела, я жажду всходов! Спаленная трава — отжившая. Но корни ее живы, и они дадут новые побеги. Я верю в них. Прощайте. Боритесь и верьте! Боритесь и верьте! Дух Нгонго Лютете всегда будет с вами. Когти отрастут, когти отрастут!.. Молодой орел будет парить, и я предвижу его взлет. Я ухожу...

Европейцы пришли за рабами, за слоновой костью, за каучуком. Они пришли за медью и кобальтом, за алмазами и золотом. Первыми открывались рудники, а не школы, строились железные дороги, а не больницы. Нет, это не выдумка, что конголезцам отрубали руки.

Артур Конан Дойль в статье «Преступление в Конго» приводил чудовищные примеры «цивилизаторской миссии» бельгийского монополистического капитала. Он использовал свидетельства чиновников колониальной администрации, путешественников, служителей культа. Шведский священник Шублом, очевидец колониального разгула, писал: «Дело было в деревне Ибера, куда до меня не забредал ни один белый. Я пришел туда к заходу солнца, когда туземцы уже вернулись из прибрежных зарослей, где они искали каучук. Собралась большая толпа... Только я хотел было начать проповедь, как в толпу ринулись караульные и схватили какого-то старика. Они оттащили его в сторону, и их командир, подойдя ко мне, сказал: «Я застрелю этого человека, потому что он сегодня удил на реке рыбу, вместо того чтобы искать каучук». Через несколько минут караульный выстрелил в старика у меня на глазах. Потом он снова зарядил ружье и навел его на толпу. Всех сразу словно ветром сдуло. Караульный подозвал мальчика лет восьми и велел ему отрезать у старика правую руку. Человек этот был еще жив и, почувствовав, как нож вошел ему в тело, отдернул руку. Мальчик после некоторых усилий все же отрезал руку и положил ее у поваленного дерева. Немного позднее руку прокоптили на костре, чтобы потом отправить комиссару».

Комиссары, полновластные шерифы округов, по числу отрубленных рук судили о прилежании своих подчиненных. «Мы насчитали

восемнадцать прокопченных правых рук, судя по размерам — мужских, женских и детских».

В ходу было наказание шикоттой. Это кусок необработанной кожи гиппопотама, с зубчатыми краями, острыми, как ножи. Шикотта на всю жизнь оставляет шрамы на теле...

Даниэль Берсо, швейцарец из города Невшателя, женившийся на русской студентке-сибирячке, из романтических побуждений отправился в Конго, заключив контракт с бельгийскими колониальными властями. По возвращении в Европу Берсо издал книгу «Рабы Конго». Он назвал Конго коммерческим предприятием по сбору и продаже каучука. «Нет ни одного чернокожего в этом «независимом государстве», — писал он, — который не имел бы на своей спине рубцов — следов этого ужасного орудия пыток. В «независимом государстве» кнут является официальной эмблемой».

Африканцы, как отмечает Берсо, называли европейских мародеров словом «Мунделе». Оно закрепилось в народе и служило обобщающим собственным именем любого грабителя и налетчика. «Мунделе» в переводе означает — «Ломающий склады». Так конголезцы окрестили и Генри Стэнли.

Каучук, потребление которого росло из года в год в цивилизованном мире, вступающем в век моторов и автомашин, обрушился стихийным бедствием на Конго. Культивированных каучуконосов не было: власти заставляли конголезцев резать лианы, собирать сок в черепки и приносить в конторы. Лианы редко произрастают на открытом воздухе: за ними надо лезть в джунгли, в прибрежные заросли. Охранники силой выгоняли все население деревень — выгоняли спозаранку — на эти губительные работы. Под конвоем шли целые семьи — с детьми и стариками. Гибли от тропических болезней. Гибли, не собрав установленной нормы каучука. Гибли, когда терпение лопалось и в народе поднимался ропот. Падали замертво, скошенные пулями, когда выкрикивали:

— Матафи пиламоко акуфи!

— Каучук — это смерть!

Рассказывает тот же Берсо:

«Есть болезнь, которую в Конго называют «тропическим безумием». Ею болел и сержант Бюзэрт. Вот его исповедь.

«Крики, извивающиеся тела, завывания, вся картина страданий стала для меня более необходимой, чем пища, табак, алкоголь. Я знаю теперь анатомию лучше, чем наш доктор. Я изучил каждый человеческий мускул, каждый нерв на живых телах. Я знаю наиболее чувствительные места человеческого тела, удар по которым заставляет испускать наиболее

пронзительные крики».

Бюзэрт — жалкая тварь, но он проявлял старание, чтобы угодить районному комиссару, который потрафлял окружному, а окружной — генерал-губернатору; последний слал докладные его величеству королю Бельгии, королю отрубленных рук...

— Каучук — это смерть!

Уже потом, когда в Конго пришла независимость, ее наступление встречали пожилые конголезцы с культяпками вместо рук, с исполосованными спинами. Но были и награжденные: бельгийские власти вешали солдатам из карательных отрядов медали «за верную службу». Они тоже были конголезцами...

Нгонго Лютете сказал: «С горячей воды огня никогда не будет».

Лумумба выпрямился и посмотрел в окно: самолет садился в аэропорту Нджилли, около Леопольдвилья.

Родина...

Деревня Оналуга

Перед тем как взлететь, птица в гнезде научалась махать крыльями. Так говорят в конголезском племени бабуа и добавляют: не забывай этого гнезда никогда! В нем ты появился на свет. Гнездо — твоя семья, твоя деревня, твой род или племя. Отец, мать, братья и сестры. Спросишь потом, когда научишься говорить: откуда я? Где вы меня взяли? И услышишь — мальчишек и девчонок привозят на себе черепахи, приносят птицы и бабочки, они спускаются на землю с радугой, их выплескивают волны рек и озер, а очень многие обязаны жизнью цветкам. Улыбающиеся члены семьи Лумумбы рассказывали, что крохотного Эмери обнаружили в хижине после удара сильной молнии. Огненная стрела ударила в баобаб, отсекла ему верхние ветки кроны, расщепила ствол и ушла в корни, в землю. Мальчик Эмери и появился с молнией...

Он родился 2 июля 1925 года в деревне Оналуга. Район Катако-Комбе. Эту местность называли Санкуру — по реке, прорезавшей всю провинцию Касаи. Одной и той же реке каждое племя дает свое наименование. За городом Порт-Франки Санкуру становится Касаи, а под названием Ква или Кванго впадает в Конго севернее Леопольдвилля. Восточнее Оналуга протекает Ломами: она потянулась к Конго прямо на север и вливается в эту великую африканскую реку западнее Стэнливилля. Совсем рядом от Оналуга маленькая Лубефу, впадающая в Санкуру. А еще текут Лутемба, Лудима, Униа, Лумбила, Луеди, Лукение, Укулунгу, Луджа, Лади — и все в одном районе. В речной, озерной и лесной провинции Санкуру отличался от других районов замкнутостью и бездорожьем. Впрочем, такое впечатление могло сложиться лишь у приезжего. Для коренного жителя бездорожья не существовало: деды и прадеды проложили достаточно тропинок. Африканцы снуют по ним, не жалуясь на плохой путь, и с грузом и налегке. Машина застревает на дороге, особенно в дождливую пору. Но пешеход никогда не увязнет на тропинке! Только надо хорошо знать этот лабиринт, вытканый человеческими ногами.

Крестьянин Окитоленга Франсуа Лумумба любил рыбачить, и ему не надо было расспрашивать, какова вот эта дорожка и куда она ведет. Для рыбака обычное деление суток на день и ночь, а погоды на дурную и сносную никак не подходит. Главное — когда хороший клев, когда можно принести в семью свежую рыбу, пахнущую рекой, водорослями, илом и корзиной, сплетенной из прутьев. Окитоленга Франсуа пропадал на реке и

ночами, и в дождливую погоду. С пустыми руками он не возвращался. Про него говорили, что он умеет перехитрить рыбу. Франсуа не любил шумных дорог. Выйдя из деревни, он пробирался к реке целиной и выходил к глухой заводи.

Так было и на этот раз. Где-то далеко раздавались голоса детишек, на которые он поначалу не обратил внимания. Затем он услышал, что зовут его. Откликнулся. Орава сорванцов, знакомых Франсуа своими проделками, появилась перед ним, выкатившись из высокой травы. Они и принесли новость: в хижине Лумумбы появился новый человек. Велели сказать, что мальчик, мальчик...

«Всегда так и у всех так, — подумал Окитоленга. — Знаешь, что вот-вот должен появиться ребенок. А ждать в хижине нельзя, не положено. Женское дело, при котором присутствуют одни женщины. Мужчины уходят в лес, в поля, нагруженные раздумьями и тревогами».

Он то улыбался, то мрачнел. Полез в воду — к корзине, в которую он опускал выуженную рыбу. Привязанные к ней булыжники держали ее на одном месте, не давая течению унести улов. Окитоленга ухватился за веревку и потянул корзинку к берегу. Недаром он старался: рыба как раз кстати — вечером будут гости. Половина деревни — родственники, другая половина — знакомые, не пригласить которых нельзя. Традиция племени: в дни радости и печали все тянутся к хижине. Здесь слезы и радость делят без всякого приглашения.

Африканец — человек общительный. Жизненную удачу или неудачу он переживает не в одиночестве, а вместе со всей родней. Рождение человека — событие, и его положено отмечать достойным образом. Надежда! Какая-то окрыленность, временная отрешенность от всех невзгод. Мечта о том, что вот этот живой комочек, возмужав, будет незаурядным или даже великим мутетела. Надежды не всегда сбываются, но это еще не повод для разочарования...

Окитоленга остановился шагах в двадцати от своей хижины. Присел и сбросил на землю корзину с рыбой. К нему стали подходить односельчане, жали руки, поздравляли. Время клонилось к вечеру. Разложили костер. Сосед, заядлый охотник, положил около самого костра антилопку. Светились бутылки, наполненные пальмовым пивом. Костер пылал все ярче и ярче. Появились барабаны: на них никто пока что не играл. Все придет со временем. Деревенский знахарь притащился молча: он не удостоил присутствующих ни взглядом, ни разговором. Прошел к огню и в двух шагах от угольков воткнул копье кованым наконечником вверх: знак небу, что в племени батетела появился на свет еще один боец.

Существовал неписаный закон, уважалась традиция народа, сохранялся и поддерживался ритуал — их никто не мог нарушить. Говорили старшие и наиболее уважаемые жители деревни. Молчали люди средних лет, в покорной позе застыли на корточках юноши. Кто-то из пришедших сказал, что без дерева не бывает листьев. Окитоленга мягко раскланивался, прижимая руку к груди. Комплимент по его адресу: дети — листочки. «Одним веслом нельзя двигать пирогу» — это изречение тоже было произнесено и тоже не без намека. Смысл предельно ясен: отцу нужен помощник. С сыном в житейской пироге плыть куда легче, чем одному. Пусть только растет скорее. Ничего, время терпит. Как говорится, даже гигантская пальма некогда была маленькой. Пословицы и поговорки без устали ткали и ткали беседу за костром.

— Два мальчика в хижине — это еще не девочка, — произнес с улыбкой знахарь.

И снова Окитоленга привстал и поклонился собравшимся. Что ж, он отнюдь не возражает — пусть будет и девочка в его семействе, и не одна, а три или четыре. Чем больше, тем лучше. И вот почему. Парни одним нехороши: рано или поздно они женятся. А это значит, что отец должен готовить выкуп. Понравилась девушка — плати и ей, и ее родителям. Закон племени. Если родитель не очень состоятелен, то жених сам должен заработать на подарки. Выкуп — не грошовые безделушки, а, можно сказать, целое состояние. Отец невесты получает корову, пять или семь коз, несколько овец, кур, куски заморской материи — матери и отцу, сестренкам и братьям невесты, ее близким и дальним родственникам. Кроме того, преподносятся деньги: на угощение, на уплату долгов.

Выдавая дочь замуж, отец латает прорехи и в своем семейном бюджете. Если у него несколько дочерей, пользующихся доброй славой, красивых и работающих, которым нет отбоя от женихов, то его старость вполне обеспечена. Туговато приходится крестьянам, которых наградил африканский господь бог одними сыновьями. Разорение! Женил трех сыновей — выгнал со двора три гурта скота, опорожнил карманы, влез в долги. Да еще касайская традиция — традиция провинции с богатейшими алмазными россыпями. Жених направляется на сватовство, держа в руках бутылку или банку с алмазами, собранными в лесу, на берегах рек. Первое преподношение избраннице. Символ чистоты и твердости в намерениях. До этого парень мог говорить девушке что угодно: уверять ее в горячей любви, сулить прекрасную жизнь. Слова оставались словами: принесенные алмазы кладут конец всяким сомнениям девушки. Дело верное, раз пущены в ход эти драгоценные камешки, драгоценные не только По своей

стоимости, но и по заключенному в них вполне определенному смыслу...

— Ты что задумался, Франсуа? — услышал вопрос Окитоленга. — Ты еще молод, и у тебя все впереди. У дерева корни не растут в одну сторону. У пальмы листья раздвоены. У фасоли две половинки. В большую реку впадают притоки и справа и слева. Пусть твоя семья уподобится такой реке!

Так ему желали новых и новых детей — и мальчиков и девочек, чтобы, как любят говорить батетела, пирога не давала крена и не зачерпнула воды. Казалось, дань добрым напутствиям, предусмотренная этикетом, была принесена полностью. Ничто не забыто. До сих пор внимание уделялось одному Окитоленге Франсуа. Теперь положение менялось, и он, встав и подойдя к костру, начал говорить. Поблагодарил всех собравшихся, особенно тех, кто прибыл из соседних деревень, узнав о радости в доме Окитоленги. Затем тоже перешел на иносказание:

— Угли хороши в костре, а не на сковородке...

Дальнейших разъяснений не потребовалось: всем все ясно — подходи поближе к костру, снимай котелки с мясом и угощайся, пока оно не превратилось в подобие угольков. Окитоленге положено было произнести и первый тост, чтобы начать беседу, которая потом, подобно реке в сезон ливней, может выйти из берегов.

— С нынешнего дня в моем доме живет новый человек. Прошу вас, братья, поддержать мое желание: мальчик должен посадить пальму и дожждаться, когда созреют на ней плоды. Я пью за то, чтобы и его дети сажали много-много пальм и имели возможность собирать урожай. Так будет без конца, пока жив наш род.

Хорошо вести беседу ночью у костра. Вокруг тишина. Словно отошла ко сну вся Африка, оставив только вот эту единственную говорливую кучку людей, не стесняя ее временем. Пили пиво, закусывая мясом, рыбой, орехами, бананами. Все громче становился разговор у костра. Кто-то уже начал упражняться на барабане чондо. Невысокий, плоский, он предназначается для передачи сигналов на расстояние. В ночь полетели звуки тамтама, извещающие всех тех, кто способен услышать и понять, что в деревне Оналуа родился человек и что это событие вот сейчас, в сию минуту, должным образом отмечается. Дал о себе знать звучный гома: его зажимают коленями и бьют по коже голыми руками. Под такую музыку, пожалуй, лучше петь песни, чем плясать. И запели:

*Эту ночь мы посвятим ему —
Человеку, у которого еще нет имени.*

*С него достаточно, что он батетела.
Мы будем петь и плясать,
Ибо мы рады его появлению.
У нас есть все:
Есть земля предков,
Есть реки, богатые рыбой,
Есть леса с изобилием дичи.
Нам хватает и солнца и дождей!
У нас нет только свободы:
Нами повелевают фламаны.
Нам нужен великий вождь,
Который бы стоил ста храбрецов,
Который был бы мудрее ста мудрецов.
Мы будем петь и плясать
При рождении каждого нового человека.
Может иссякнуть любой источник,
Наша надежда — никогда!
Никогда!
Никогда!*

А когда разгорячились выпитым пивом и темпераментными танцами, то оказалось, что желающих играть гораздо больше, чем тамтамов. Выход был найден: многие стали барабанить на бочках из-под бензина, на консервных банках. Били нож о нож, высекая одновременно и звуки и искры, топали по разостланному на земле куску гофрированного железа, невесть как оказавшемуся под руками. Уныло потягивали флейты, сделанные из бамбука, их неторопливые звуки напоминали болезненные стенания пожилого человека. Разделялись на группы, отходили от костра, потом снова соединялись в один шумный хоровод.

И как-то в этом ночном гаме ухитрялись обсудить насущные проблемы своих взаимоотношений. Кто-то давно уже задолжал и не расплачивается, а пора бы и честь знать. Сосед внушает соседу, чтобы он впредь не заглядывался на его супругу: эти нежелательные взгляды могут кончиться тем, что потеряешь глаза и просто нечем будет взглянуть на женщину. Словесная перепалка в таких случаях не только допускалась, но и всячески поощрялась. На поверхность выплывало и хорошее и дурное. Но до драки дело никогда не доходило: не может быть большего позора, если вопреки закону племени батетела затеят между собой ссору. Веселое, дружное и

мудрое племя! И к танцу, как и ко всякому другому явлению, приурочена поговорка, гласящая: игрок на тамтаме может сбиться с ритма, но танец все равно будет продолжаться по-прежнему.

Он продолжался до рассвета: его видело солнце, когда спускалось на ночной отдых, сейчас оно наблюдает танцующих, поднимаясь над африканской землей.

Наплыв гостей, бессонная, но веселая ночь с танцами, песнями и разговорами, нарочито уводящими собеседников от повседневных забот, — все это осталось позади с первыми лучами солнца. Окитоленга, проводив родных и знакомых, побрел к манговому дереву и, стоя под его зеленой, плотной кроной, почувствовал крайнее утомление. Лег на землю, положив голову на обнаженный корень. Он не заметил, как и заснул. Встал, когда солнце стояло высоко. Окитоленга все думал о сыне — и там, на вечеринке, и сейчас, после отдыха. Уже взрослым сынишка предстал перед ним даже во сне. «Вот я и провел ночь со своим сыном, — размышлял счастливый отец. — Долго еще ждать помощника... Труднее всего придется супруге и особенно первые два года, когда мать кормит ребенка грудью и носит его на своей спине. Надо чаще ходить на охоту, на рыбалку, да и поле требует ухода. Растет семья — прибавляется хлопот. Да, а как же назвать новорожденного? Конечно, Патрисом, в честь деда, моего отца, сподвижника Нгонго Лютете. Мальчик не будет в обиде...»

Он бы размышлял, наверное, долго-долго, если бы не подошедшая к нему мама Онема. Она была неременной участницей женских сборищ в деревне и последние лет пятьдесят присутствовала при всех родах. Жила она одиночкой — муж скончался рано, а детей у нее не было. Жалкая хижина мамы Онемы, открытая всем ветрам и ливням, часто пустовала, ибо ее обитательница в силу добровольно избранной профессии дни и ночи проводила в чужих семьях. Ее знали все. Она умела и врачевать: склянки со снадобьем висели у нее на пояске. Увлекалась в молодости охотой. Храбрость ее удивляла мужчин. Она не ведала страха: могла с луком и колчаном стрел отправиться в джунгли на неделю. В лесу мама Онема находила все, что необходимо для пропитания. Хижина ее была полна лечебных трав и банок с приготовленными снадобьями. Ее никто не звал — она сама приходила в нужный момент к больному и врачевала его. При родах — незаменимый человек, и странно было бы, если б кто-то посмел появиться на свет божий в ее отсутствие. Без нее немыслимы были и похороны. Недаром же ее все величали мамой, мамой Онемой...

Босая, в длинной юбке, с обнаженной грудью, с палкой в руке, она походила на колдунью. Окитоленга встал: мама Онема не любила тех, кто с

ней разговаривал сидя или лежа.

— Построил бы ты себе новую хижину, — бросила ни с того ни с сего мама Онема, тыча палкой около ног Окитолengi. — Шел бы в лес. В деревне тебе делать нечего. Пойду и я посплю...

И на том спасибо, мама Онема!

Мама Онема выпроваживала Окитоленгу из деревни, давая этим понять, что все заботы она берет на себя и мужчине тут делать пока нечего. Ни слова не сказала и о ребенке: не положено. Потом, спустя неделю-другую, о нем станут говорить намеками. Когда получит имя — другое дело. Остается одно — молчать. Терпение и выдержка — отличительные черты характера батетела. Эти качества давали о себе знать во время наездов бельгийских властей. Им хочется точно узнать, сколько жителей в деревне, сколько у них домашнего скота, чем засеяны поля, как много убито слонов, где находятся бивни, кто изготавливает фетиши, что они означают и кто и когда им поклоняется. Какие-то сведения просачивались к колонизаторам, но у них полного представления о жизни и быте батетела не было и быть не могло. Африканец привык скрывать от непрошеного гостя решительно все. При допросах он не называл своего имени, прикидывался, что не знает свой день рождения, не знает, кто его мать и отец, отказывался указать путь в соседнюю деревню. Слова «не знаю», «не понимаю» играли роль оборонительного сооружения, за пределы которого не мог проникнуть дотошный служащий колониальной администрации. Такая тактика африканцев снискала им незавидную репутацию в глазах просвещенных эксплуататоров: что думать о человеке, который даже имени своего не знает? Примитивизм, отсталость! А тоже ведь помышляют о свободе и независимости! Дети, несмышленные дети! Куда им до цивилизованных народов! Им еще надо тысячу лет торчать в своих лесах...

Бельгийцы помышляли о закреплении в Конго: африканцы не переставали бороться за изгнание завоевателей. Эта непрекращающаяся война шла не на поле боя, хотя и случались отдельные кровавые столкновения: она ушла внутрь, в сердце каждого африканца. Отец Окитолengi, Патрис, рассказывал сыну десятки и сотни историй, когда какой-нибудь бельгиец, ворвавшись в деревню, поднимал всех на ноги и ни за что ни про что учинял разнос почтенным и уважаемым жителям. Со слезами на глазах старик Патрис воскрешал в памяти дикие сцены, столь обычное для нравов бельгийских властей. Сын как бы перенимал эстафету скорби обиженного народа. Сидел, слушал...

Бельгийскому комиссару что-то не понравилось поведение крестьян: он их обвинил в нелояльности, в нерадивом исполнении указаний. Доводов

у него не было, но он был облечен неограниченной властью. Взял и приказал сжечь всю деревню. В роли исполнителей выступали не бельгийцы, а конголезские солдаты, на вербованные на службу. От деревни остались одни головешки. Население ушло в лес. А потом пришли в Аналуа и с разрешения вождя поселились здесь.

С поразительной бесцеремонностью бельгийцы вторгались в семейную жизнь африканца, издеваясь над вековыми традициями. Соберут народ на площади, мнимых виновных заставят раздеться донага и прикажут им стоять долгие часы под палящим солнцем. Батетела — требовательный в нравственном отношении народ. Они и сами наказывали своих соотечественников, но никогда не издевались над ними, не унижали их достоинства. Патрис наказывал сыну:

— Отомсти им, когда сможешь. Пусть у тебя будет меньше слез, чем у меня. Пусть у те». я будет больше гнева, чем у меня. Пусть у тебя будет больше разума, чем у меня. Пусть у тебя будет больше веры, чем у меня. О богатстве я не упоминаю — его у тебя будет ровно столько же, что и у меня...

Что же он, Окитоленга, передаст своему сыну? Что он станет ему говорить, когда тот подрастет и обрушит на него тысячи вопросов? Какой даст ответ? Патрис-старший видел первых завоевателей, пробравшихся в Санкуру из Европы. Его сын Окитоленга родился и вырос при упрочившемся колониальном режиме. Сын Окитоленги появился на свет не в лучшие времена. Что ждет его, Патриса-младшего?

Грустные размышления не покидали его.

Памятуя слова мамы Онемы, он направился в лес.

Коммуна Лемба

Аэропорт Нджилли, или Джилли, построен совсем недавно. В разгар холодной войны стратеги Запада обратили усиленное внимание на свои африканские тылы и развернули на материке строительство объектов военно-стратегического значения. Таким был и Нджилли, расположенный в двадцати с небольшим километрах от Леопольдвилья.

С аэродрома Лумумба направился вместе с встретившим его Жозефом Лутулой в коммуну Лемба, на улицу Каанге, где проживал Жозеф. Они ехали на мотоцикле. Жозеф сел за руль, а Лумумба пристроился сзади. Они ворвались в город, свернули около центрального почтамта влево и подались в родную стихию африканских хижин. На ходу Жозеф бросал короткие фразы, то выпрашивая у Лумумбы о делах в Аккре, то сообщая Патрису о событиях, происшедших за время его отсутствия.

Политика, политика, одна политика, всюду политика! О политике говорили все. Лумумба радовался этому и в то же время это обстоятельство вызывало у него настороженность и раздумья. Он понимал, что далеко не каждому, даже образованному, африканцу под силу разобраться в сложных задачах страны на ее историческом перекате. Бельгийцы распускали на сей счет немало язвительных анекдотов: они зло высмеивали африканских лидеров, но в этом саркастическом смехе была и своя доля истины. На то и существует пословица батетела: «Даже собачий лай надо понимать».

Все сводилось к одному: предоставлять Конго суверенитет рано. Народ не готов взять на себя управление огромной страной, где так бурно начала развиваться современная промышленность, нуждающаяся в квалифицированных кадрах. Конголезцы умеют, да и то не все, разъезжать на велосипедах, сделанных на Западе. Да и что они вообще умеют производить? Делают пироги, плетут циновки, копают мотыгой землю, рубят лес, охотятся, рыбачат, пьют пальмовое пиво, обзаводятся детьми, прокормить которых не в состоянии, а это значит — плодят нищих. И им-дать в руки руль управления? Нет, Бельгия, которая взялась цивилизовать Конго, не совершит этого необдуманного шага. Только плохой хозяин рвет с дерева зеленые, незрелые плоды. Бельгия — хороший и опытный хозяин, она не допустит ошибки...

По пути он разговаривал с Жозефом Лутулой о положении в Лео. Город был населен представителями чуть ли не всех племен и народностей Конго. Когда запрет на поселение африканцев был снят, в Леопольдвиль

устремилась потоки людей со всех концов страны. Шли целыми семьями. Африканцы родственные и земляческие узы понимают конкретно, и чувства близости они выражают не в письмах и телеграммах, посылаемых в праздничные дни. Батетела, пришедший в столицу и нашедший вполне сносную работу, сообщает об этом своим родственникам в касайских деревушках, приглашает их к себе, обещает помочь во всем. И держит слово. Он радушно встречает новоселов, сколько бы их ни было. Живут двумя, а то и тремя семьями. Весь заработок хозяина уходит на питание — до тех пор, пока пришлые не найдут работу. Так проходит месяц-другой. Наступают трудности. Работу найти нелегко, а денег не хватает, чтобы прокормить всех. Что-то продается на африканской толкучке, кто-то выручил и дал несколько франков взаймы. Кое-как перебились. Снова появились надежды на лучшее. Совместно пережитое трижды роднит, делает людей близкими. Испытание горем и радостью — самое верное и неподдельное. Проживающие в Леопольдвиле батетела создали свое землячество — секретарем его вот уже несколько лет был Жозеф Лутула. О его бескорыстии знали все. Если Жозеф опять шлепал босиком, значит отдал кому-то свои ботинки. А как же: парню хочется пойти в кино или встретиться с девушкой, а надеть на ноги нечего. Лутула расшнуровывает свои и предлагает. При этом у него одна-единственная забота: тот ли размер обуви! Подходит — бери и щеголай себе на здоровье. Надевай и сорочку. Сам приладит и галстук жениху...

Лумумба говорил ему:

— Тебе, Жозеф, в новом правительстве можно доверять все, за исключением министерства финансов. Раздашь все деньги и ни за что ни про что сядешь в тюрьму. Правда, там ты тоже не пропадешь: к тебе будет стоять длинная очередь с передачами. А впрочем, у меня остались деньги. Возьми, пожалуйста, ты их истратишь с большей пользой, чем я.

Вскоре в комнату пожаловали гости: пришел Жозеф Окито, которого все называли папой, отдавая дань его годам. Высокий, с сединой, которая бывает особенно прекрасной у черноволосых. Сняв ботинки, уселся на полу друг Лумумбы с детских лет Эмери Рафаэль Пене Сеньха Лупака. Сын вождя и сам вождь, он по традиции носил имя, в котором объединились имена наиболее знатных предков. Вошел совсем юный Эммануэль Нзузи, всегда восторженно относившийся к Патрису. Веселый, жизнерадостный Лутула принес тарелочки с поджаренным арахисом, поставил на пол несколько бутылок пива, разложил початки кукурузы, только что вынутые из кипятка.

— Патрис, это в честь твоего приезда, — сказал Лутула, приглашая

гостей к скромной трапезе. — Больше ничего нет. Позднее приготовим ужин.

— Что ты, что ты, Жозеф! — отвечал Лумумба. — Разве ты не знаешь, что в настоящее время для любого конголезца самой лучшей закуской является политика? Начнем с нее...

— И кончим ею, Патрис! — вставил папа Окито.

— Ты был на родине, папа? — обратился к нему Лумумба. — Что говорит, что думает народ? С кем ты встречался? Как поживают мои родители?

— На тебя возлагают большие надежды, Патрис. Тебя любят и доверяют тебе. Встречался я почти со всеми жителями твоей деревни. Бельгийские власти усиленно следят за приезжими. Приходилось уходить в лес, на рыбалку. Сидим с удочками так, для виду, а сами обсуждаем политические проблемы, словно мы уже у власти и сами правим своей страной.

— Это хорошо. Батетела всегда были молодцы. Их ничто не сломит, ничто не остановит.

— Говорил я с вождями, — продолжал Окито. — Они предлагают поднять восстание. Бельгийцев не так уж много, и с ними можно покончить в два счета. Военный гарнизон Лулуабурга поддержит население. Замысел таков: провинция Касаи первой в Конго провозглашает независимость. Мы формируем свое правительство. Немедленно информируем об этом Организацию Объединенных Наций и великие державы. Брюссель будет поставлен перед свершившимся фактом. За нами последуют и другие провинции. В случае необходимости мы им окажем военную помощь. Ты должен, Патрис, выехать в Касаи, чтобы взять руководство восстанием на себя...

Лумумба чувствовал, что старик Окито целиком и полностью разделяет идею скорого восстания, в благополучный исход которого он глубоко верит. Но кажется, сторонники решительных действий забыли пословицу батетела: «У охотника, кроме храбрости, должны быть ум и ловкость». Лумумба даже не спрашивал мнения остальных — видно было по их глазам, что готовы хоть сейчас отправиться в провинцию и приступить к осуществлению плана, изложенного Жозефом Окито.

В истории Конго не раз случалось, что то или иное племя поднимало восстание против угнетателей, одерживало победы, но радость была недолгой. Прибывали карательные отряды. Били без разбора — и правых и виноватых. Положение становилось еще тяжелее. Большая, многоплеменная страна. Нет, отдельные вспышки не принесут

освобождения.

— Папа, — начал Лумумба, — сейчас нам надо быть очень осторожными. Никаких восстаний! Это будет на руку бельгийцам. Они только ждут повода, чтобы развязать кровавые инциденты и тем самым отсрочить предоставление нам независимости. Чтобы ускорить наступление долгожданного дня, мы должны проявить терпение, выдержку. Господство бельгийцев никогда еще не было таким непрочным, как сейчас. Но мы, конголезцы, можем оказаться еще слабее...

— Извини, Патрис, но я с тобой не согласен, — сказал Окито. — Политически народ подготовлен к более решительным действиям. Нам нельзя медлить. Скажу тебе откровенно, что среди населения ведутся разговоры о политических руководителях. О тебе, обо мне, о Боликанго и Касавубу. Кое-кого народ подозревает в тайных связях с бельгийцами. Распускаются слухи о взятках, о подкупах.

— Папа, дорогой мой старик, — обратился к нему Лумумба. — Все, что ты говоришь, — суцая правда. Но из этого нельзя делать вывод о необходимости вооруженного восстания.

— Меня убедили наши вожди.

— Вожди бывают разные...

— Сейчас они все настроены одинаково.

— Вряд ли. Временные настроения нельзя принимать в расчет, нужны постоянные факторы. Среди вождей племен были и такие, которые зарекомендовали себя еще хуже, чем колонизаторы. Ты знаешь поговорку о католиках, стремящихся быть правовернее самого папы римского. Так и у нас. Жизнь наиболее сложна как раз в такие периоды, когда старое, устоявшееся рушится, а новое только нарождается. Колонизаторы, чтобы удержаться, готовы пойти на все. У бельгийцев, помимо военной силы, есть еще и деньги. Это дает им возможность лавировать. Где не берет сила, пускай в ход франки. Не победил оружием — побеждай деньгами, подкупом. Политика может быть и возвышенно чистой, и предельно грязной. Надо быть готовыми ко всему. Им бы очень хотелось иметь на своей стороне такого популярного и честного человека, как ты, папа. Не удивляйся, меня ведь тоже пытались обработать. Хочешь, я тебе расскажу, как меня просвещал король Бодуэн?

Король Бельгии прибыл в Конго летом 1955 года. В Нджилли, где приземлился самолет, развевались флаги Бельгии и Бельгийского Конго. На встречу прибыли делегации от всех провинций Конго, а также подопечных Руанды и Бурунди. Военный оркестр играл бельгийский национальный гимн. Рапорты, доклады, представления.

В честь монарха давались приемы, устраивались балы. В тостах и речах припоминали исторические примеры, вдавались в аналогии и сравнения. Не без намеков, естественно. Говорили, что визит Бодуэна в Конго — явление историческое. Леопольд II, уверяли бельгийцы, был, несомненно, великим человеком, но в силу исключительной занятости государственными делами так и не смог побывать в закупленном им на корню Конго. Нынешний молодой бельгийский король выбрал время и прибыл в африканскую колонию. История отметит его заслуги, их оценят и конголезцы. В гуманности Бельгии теперь уже никто не сможет сомневаться. Рука об руку с черными братьями Бельгия пойдет вперед по пути прогресса...

Были и деловые беседы. В особняк, где остановился король, приходили важные чиновники с объемистыми папками в сафьяновых переплетах. Экономисты толкли как воду в ступе «план де синаль» — десятилетний план развития Бельгийского Конго. Построено столько-то поселков для африканских рабочих — в Леопольдвиле, Стэнливиле, Элизабетвиле, Букаву, Кокийавиле. Открыты больницы и диспансеры. Африканцам сделаны десятки миллионов уколов от заразных болезней. И если кто из них все же болеет, то есть надежда, что бельгийские врачи их выйдут. Построены мосты. Проложены шоссейные дороги. Пущены в ход электростанции. Процветание. За что ни возьмись, куда ни кинь взор — всюду процветание. Бельгия истратила на все это миллиарды франков. Становилось даже жалко бедную сострадательную Бельгию: как бы она не надорвалась от такой щедрой филантропии в африканской стране.

Король не скучал, отдавая дань экзотическим забавам. Но, на удивление всей свите, он иногда уединялся и принимал вождей племен. В ту пору никаких африканских политических партий и организаций не существовало. Одни вожди представляли конголезское общество. Но почему-то вдруг Бодуэн пожелал познакомиться с местным служащим, неким Патрисом Лумумбой. В африканский квартал за Лумумбой прибыл гонец — в шикарном лимузине, с развевающимся королевским штандартом.

— Понижаешь, папа, что было со мной? Поставь себя на мое место. Королевский адъютант, бельгийский полковник, дал мне несколько минут на сборы. Посоветовал приодеться. Суетилась вся моя родня. У всех на лицах — недоумение и растерянность. Спрашивали: куда тебя повезут, в какую тюрьму и за что? В чем ты провинился перед королем? Теперь уже, говорят, скрывать нечего. Все равно узнаем... Вот так и состоялось наше знакомство.

— Как он с тобой разговаривал? Руку подал? Пригласил сесть? — спрашивал Окито.

— Представь себе, что все интересуются этим, — отвечал Лумумба. — Король предстал демократом. Вышел навстречу, извинился, что побеспокоил меня, оторвав от дел. Усадил в кресло, спросил, что желает моя особа выпить. Расспрашивал обо всем: о семье, о работе, о зарплате. Просто удивительно! Обычный чиновник из губернаторской канцелярии никогда не говорил со мной так вежливо и с таким, казалось бы, участием. Несколько раз он отметил мою образованность, начитанность, отпустил комплимент относительно моего французского.

Можно сказать, обласкал меня. А я все больше настораживался ходом на редкость гладкой беседы и все ждал, когда же мы начнем разговаривать всерьез.

— Ну и как?

— Король предложил тебе пост министра, — вставил Лутула.

— Нет, это уже слухи, домыслы, — смеясь, ответил Лумумба. — Никакого поста он мне не предлагал. Король развивал идею сотрудничества. Понимаете? Чтобы мы, эволюэ, то есть образованные конголезцы, пошли на службу к бельгийцам. В то время я был председателем общества батетела в Стэнливиле и стоял во главе конголезско-бельгийского культурного центра. Я искренне верил и сейчас верю, что с Бельгией нам надо поддерживать широкие связи. Культурная страна Европы. Король, как он сказал, рад был слышать мое мнение. Но я продолжил свою мысль, заявив, что обстановка требует изменения всей конголезской политики Брюсселя. Вот с этого момента и началась дипломатия. Бодуэн свалил недостатки в управлении колонией на плохих чиновников. Вы уж не думайте, что я выкрикивал в лицо монарху нашему лозунги о немедленной ликвидации колониальной системы! Говорил я сдержанно, но настаивал на том, что с колониализмом рано или поздно придется покончить. Потом зашла речь о политических партиях. Я сослался на примеры английских и французских колоний, где разрешена деятельность общественных организаций и союзов. В Конго нет ничего подобного. Король сказал, что этот вопрос будет рассмотрен, хотя он лично и не уверен в необходимости создания политических партий. Мало образованных конголезцев, говорил он. Касались и других вопросов. Я говорил о повышении оплаты труда конголезским рабочим и батракам. Мой собеседник парировал известным доводом: сначала выучитесь как следует, а сейчас Бельгия не может платить одинаково и неграмотному африканцу, и европейцу с высшим образованием. А я: чтобы учиться, надо сносно жить,

на что нет средств, нужна прибавка. Король внушал: деньги, выбрасываемые зря, развращают. Деньги, выплачиваемые компанией или государством, содержат в себе и моральный фактор, имеют нравственное назначение. И все в таком роде, друзья мои...

— А чем кончилась беседа?

— Приглашением в Брюссель. Обещанием помочь мне и моей семье. И совершенно обворожительным вниманием: не нужны ли мне какие книги из Европы, каково мое самочувствие, есть ли у меня возможность иметь платного доктора. Вы удивитесь, если я вам сообщу, что король посоветовал написать мне книгу о Конго. Потом я часто думал о нашей встрече. Принял король — честь. Проявил какое-то внимание ко мне лично — значит, надо быть благодарным. Какие-то мысли его были здравыми, а доводы убедительными. А вся моя душа протестовала, со многим не соглашалась. Разве внимание ко мне одному могло заслонить безучастное отношение к судьбам миллионов конголезцев? Как могу я радоваться присылке книг из Бельгии, когда подавляющее большинство населения не умеет читать? Выучиться, чтобы подороже продать себя?

Он замолчал. Взял стакан с потеплевшим пивом, выпил его и принялся за арахис, очищая орешки от тонкой коричневатой шелухи. Извинился, что много говорил и еще не послушал своих собеседников.

— Дорогой наш покровитель, наместник бога на земле, — так зачастую он обращался к Жозефу Лутуле, в ответ на что тот всегда добродушно улыбался, — какие новости в Лео? Самые, самые острые?

— Самая последняя новость касается батетела. В Леопольдвиле распространился слух, что наше племя намерено установить свою власть над всей страной, что об этом уже будто ведутся переговоры с бельгийцами...

— Дурно, брат, дурно, — мрачно и тихо проговорил Лумумба. — Вот вам и землячество. Придется от него отказаться, как это ни тяжело. Ты добр, Жозеф, но ты прежде всего оказываешь помощь людям нашего племени. Нельзя тебя упрекать за это. Но с развитием событий такие замкнутые общества будут вредить нашему общему движению за освобождение Конго. Я сторонник общенациональных организаций.

— Патрис, Патрис, что ты говоришь! — воскликнул Окито. — Тебя не поймут в Санкуру, в Касаи. Такая позиция повредит твоей репутации.

— Папа, дорогой Окито, вождь и друг мой, ты должен понять меня. То, что сообщил Жозеф, ужасно. В этом слухе есть что-то провокационное, направленное не только против тебя или меня, против нашего родного племени, но и против всего Конго. Подумай, раз батетела хотят установить

власть, значит на их пути встанут другие народности, например баконго. А почему бы им не быть во главе? Это опасно. Тебе надо завтра же отправиться в Санкуру. Ты умеешь говорить с крестьянами. Объясни им, что мы выступаем за единое Конго, где все национальности будут иметь равные права. Пусть на первом плане будет Конго, а не какое-то отдельное племя. Поедешь? Вот и хорошо! А где наш маршал? Почему он не пришел? Он знал о моем приезде?

— Да, мы ему передали. Но маршал занят разработкой военных операций...

«Маршалом» они называли старшину «Форс пюблик» Мориса Мполо. В этот вечер бельгийский офицер не разрешил ему отлучиться в город.

Костер жизни

У него был редкий дар вести беседу, и, казалось, Патрис был рожден для того, чтобы без конца выслушивать людей, постигать их души, познавать их достоинства и недостатки, соглашаться или спорить с ними, сходиться или расходиться, но всегда оставаться, как говорят в их племени, одним тростником. В одной реке, в одной заводи. Тростниковая заросль долго стоит, когда она ровная, дружная, сплоченная. Взметнувшийся чересчур высоко стебель рано или поздно никнет или от ветра, или от солнца. Вода губит низкие побеги. Чтобы выжить, надо быть средним, избегать крайностей роста. Мудрость племени. Но кто доказал, что законы отдельной семьи, той или иной народности пригодны для всего Конго? Бельгийское Конго — искусственный пояс, охвативший своим названием совершенно разнородные людские массы. И у каждой из них существовала своя особая точка зрения на колониальные власти, потому что одних угнетали сильнее, других — слабее, одних считали более развитыми, других причисляли к отсталым, с одними племенами вели истребительные войны, с другими заигрывали, стремясь заручиться их поддержкой. Колониальный кнут бил неодинаково по спинам конголезцев.

Лумумба отдавал себе отчет в этом. С папой Окито он разговаривал сдержанно. Окито гордился своим племенем и пророчил ему руководящую роль в новом Конго. Птица с одним крылом летать не может. А Конго — многокрылое, многоплеменное, разноязычное. Как перейти от своего замкнутого клана, небольшой частицы племени или народности к понятию государственности? Кому дано выступать от имени всего Конго? Как защищать интересы племен, рассеянных по джунглям и саваннам? Большинство населения знало реку Коню, а не страну под тем же названием. Река реальна, доступна всегда и всем. Государство — нечто непостижимое, громоздкое, непривычное для понимания конголезца.

В истории Конго существовали государственные образования. Лумумба изучал их. Письменных источников было мало, и их скудость восполняли древние преданий. Самым знаменитым государственным деятелем долины Конго считается легендарный Ними Лукени. Однако о нем нет достоверных сведений. Легенда приписывает ему качества не то полубога, не то волшебника. Ними Лукени произошел от сверхъестественного существа, спустившегося с небес на конголезские горы. Обладал необычной силой. Его назначение было — повелевать. И

людьми и природой. Все ему давалось просто, так как у него были особые, родственные взаимоотношения с божеством. Во время сражений с врагами он, оказывается, «брал займы молнию» у неба и сокрушал неудобное ему племя. Наведя порядок на земле, Ними Лукени возвращал молнию владельцу. Если ему мешала река, он отводил ее в сторону. Осушал болота, когда надо было провести войско прямым путем. Какое сказочное всеисие! И какая отрешенность от реального мира! Красивая легенда, пленяющая воображение детей.

Лумумба часто обращался к истории. Одно время он увлекался изучением Бушонго: это государство находилось в междуречье Санкуру и Лулуа. Летопись о нем устная. К преданиям о Бушонго влекло и то обстоятельство, что оно было расположено не в дальних и малоизвестных краях, а здесь, на родной земле Патриса. В местечко Мушенге, где находилась столица распавшегося потом государства, Лумумба ходил пешком со своим школьным учителем. С ними разговаривал моариди. Попастъ к нему нелегко: людей из других племен к нему не допускают. От иностранцев он скрывается. А батетела — свои. Кроме того, моариди преследовал и определенную цель при встречах со школьниками: из них он выбирал мальчиков с редкой памятью. Моариди — историк ныне уже не существующего королевского двора Бушонго. Историк необычный и в другом отношении: у него нет ни ручек, ни чернил, ни бумаги. Зато он обладает феноменальной памятью. Моариди, которого видел Патрис, знал историю свыше двухсот политических и религиозных вождей своего племени. И все наизусть! Старая, знаток придворных хроник привлекал к себе на выучку молодых и способных преемников. Усаживал их около себя и рассказывал одну за другой истории, заставляя своих учеников повторять слышанное. Шли годы, а порядок занятий не изменялся: с восходом солнца — сбор, а вечерами — то же самое у костра. История Бушонго не представляла набором голых дат, сухим перечислением имен и званий бывших правителей. Оттачивался литературный стиль. К достоинствам памяти прибавлялось ораторское искусство, умение изложить деяния предков красиво, впечатляюще. Моариди устраивал экзамены своим воспитанникам. Лучших отличал и подарками, и своим вниманием, ласками. Иным доверял выступать с рассказами о ниимах (правителях) перед публикой. По ходу повествования делал поправки. Рассказчик должен передать голос ниима, жившего в XV или XVI столетии, его манеры и характер. Бывало, что выступающие одевались в одежды, которые носили три-четыре века назад. Моариди был к тому же лукавым и хитрым царедворцем. Когда шли эти бесконечные устные уроки с

рассказами и пересказами, он притворялся и заявлял, что запомнил какую-то деталь. Останавливался и взывал к помощи. Ученик должен подхватить оборвавшуюся мысль наставника, подключиться без всякой раскачки и продолжить отрывок. Моариди умел воспитывать и внимание. У него были правила: не говори, если не спрашивают. От молчания никто еще не глупел. Излишество в речах не делает человека умным...

— Поразительно! Поразительно! — не уставал повторять Патрис Лумумба, когда вновь и вновь возвращался к раздумьям о Бушонго. — Тут есть много поучительного.

Поразительна фантастическая способность выжить, приспособиться к любой обстановке. А эта устная энциклопедия династии! Так, например, во время правления ними, как уверяет легенда-сказ, было отмечено полное солнечное затмение. Рассказчики не жалеют красок, живописуя этот тревожный день. Его называют «день ужаса», «день испуга», «день наказания» и т. п. Кромешная темнота наступила внезапно, когда люди находились в лесу, на реках и озерах, в поле. Женщины не могли отыскать детей и оглашали окрестности истошным криком. Пробираясь сквозь деревья, мужчины наталкивались друг на друга и устраивали свалки. В ужасе метались дикие животные. Лодки рыбаков оказывались около крокодилов или гиппопотамов. Война не уносила столько жертв, отмечает устная хроника. А когда солнце освободилось от черной маски и засветило по-прежнему, люди, оставшиеся в живых, боялись подходить друг к другу: разбегались, завидев знакомых...

Так и считалось бы расцветкой сказителя это происшествие, если бы европейские ученые не занялись специальными вычислениями. Оказалось, что некоторые обсерватории отметили солнечное затмение 30 марта 1680 года. Сделали вывод: это затмение должно было быть видимо из Касаи. После этого интерес к истории конголезского государства неизмеримо возрос. На поверку выходило, что в рассказах, зачастую приукрашенных и кажущихся в наше время чистейшим вымыслом, содержится достоверный, познавательный материал. Теперь уже никто не сомневается в том, что одно время королевством Бушонго правил мастеровой человек — кузнец по профессии. Дело в том, что искусство кузнецов считалось чем-то сверхъестественным: как правило, они принадлежали к привилегированной части общества. Своего рода аристократы. На плечах своей одежды кузнецы носили эмблемы в виде топориков. Они были наиболее доверенными лицами правителей и состояли в королевских свитах. Ковали жезлы, отличающиеся замысловатой инкрустацией, где каждая железная линия, каждый изгиб суть символы. От кузнецов зависело и вооружение

армии: хорошие кузнецы — хорошее оружие, с которым легче разбить противника. После одержанной победы прежде всего чествовали кузнецов. Сам король преподносил им щедрые подарки, угощал их хмельными напитками из своего кубка.

Не меньшими почестями пользовались и скульпторы. Им отводился особый участок, который обносился забором и на территорию которого не допускались женщины. Своеобразный алтарь мастеровых. В то время скульптуры устанавливались в потаенных местах и тщательно охранялись от постороннего взора. В начале нашего века иностранные путешественники и предприниматели устроили настоящую охоту за уникальными масками и фигурами бакуба, сделанными из дерева и слоновой кости. Европейцам всеми правдами и неправдами удалось вывезти из района Санкуру около десятка бесценных памятников материальной культуры. Статуя Шамба Болонгонго находится в Британском музее, три другие фигуры — в Брюсселе, в музее Бельгийского Конго, расположенного в парке Тервьюрен. По существу, их выкрали. До нас дошло свидетельство о том, как один европейский исследователь уговаривал короля Бушонго уступить ему несколько скульптур по той причине, что там, в Европе, они лучше сохраняются...

О Шамба Болонгонго вспоминают как о самом великом и умном короле Бушонго. До того, как стать королем, он путешествовал, обходя деревни своего племени, а также селения соседних народностей. Он овладел несколькими языками. Шамба не шел дальше, если попадал в иноязычное племя. Поселялся в деревне, вместе с незнакомцами отправлялся в поле или в лес, возвращался и не чуждался никакой работы. За время продолжительных странствий Шамба Болонгонго отбирал наиболее одаренных людей: врачей, мудрецов, охотников, мастеров на все руки, певцов, танцоров. Когда его избрали королем, он привлек к управлению государством и женщин. Шамба прославился как реформатор. Все важнейшие посты в королевстве он отдал представителям самых почетных профессий, выходцам из различных племен. Бушонго было многонациональным государством, сплоченным и могущественным. Войне и распрям правители предпочитали мир и содружество. Изречения Шамба дошли до наших дней. «Не смей убивать мужчину, женщину или ребенка, — гласит одно из них. — Они дети одного народа и все имеют право на жизнь». Миротворительный монарх запретил употребление ножей-молний, бросая которые можно убить человека на расстоянии нескольких десятков метров.

Шамба Болонгонго был 93-м по счету королем Бушонго: правил на

стыке XVI и XVII веков. Он и положил начало традиции, согласно которой самые знаменитые резчики по дереву трудились над скульптурным изображением короля. Статуя изготовлялась при жизни властелина, и, прежде чем ее выставить, собирался государственный совет, решавший, удалась работа или нет. На этих советах ни сам король, ни его министры не имели права решающего голоса: они лишь высказывали советы и замечания. Выслушав их, мастера удалялись для вынесения окончательного решения.

Статуя Шамба Болонгонго до начала XX столетия стояла в резиденции правителя Микопе Мбула, одного из последних владык Бушонго, которому суждено было наблюдать закат некогда великого царства. Он уже не брезговал обменом: за безделушки, доставленные из Европы, отдавал эти художественные ценности. Правда, скульптуру собственной персоны он сохранил. Микопе прославился тем, что отменил закон, запрещавший королям брать себе в жены девушек простого звания, тем паче рабынь. Пример подал он сам, обвенчавшись с молодой красавицей, принадлежавшей к сословию рабов. Никого он так не любил, как ее. Придворный скульптор увековечил предмет королевского обожания: у подножья статуи Микопе коленопреклоненная женская фигурка...

Покинув друзей, Лумумба долго бродил по ночной Каанге. Африканская улочка шумела на свой лад. Здесь были свои ночные бары и жизнь текла своим чередом. Кое-где горели костры: африканцы не могли отказаться от них даже в столичном городе. Костер — постоянный спутник его земляков, без него нет ни беседы, ни танца, ни купли-продажи. Костер детства и костер воспоминаний, пламя, озаряющее счастливые лица, и блики траура. На углях готовят пищу, горящие хворостинки помогают покупателю различить монету, на которую можно купить бананы или пампушки из муки маниоки. Перед костром читают газеты, рассказывают сказки, произносят политические речи. От костров поднимается чад, пахнет гарью, тянет терпким пальмовым маслом, журчащим на сковородке или булькающим в котелке. Электричества в домах нет — желтые лампочки висят на фонарных столбах. Забота полицейских властей. Для них самое главное — осветить дорогу, ворваться на машине или на мотоцикле и навести порядок. Башмак с утолщенными подошвами и высоким зашнурованным верхом не боится огня. Налетевшие солдаты расшвыривают головешки, топчут их, а публика шарахается по сторонам. Власти не любят, когда африканцы засиживаются у костра. Пусть судачат в темноте.

А без костра нет полного наслаждения! Костер не только место, где готовят пищу: огонек создает настроение. Артистическая натура африканца проявляется у костра во всей полноте. Тут он кум королю, сват министру! Лиловые языки пламени, легкое потрескивание хвороста, дымок, поднимающийся в темноте и растворяющийся в ней. Какие-то омоложенные отблеском лица, удивительная расположенность к беседам, желание пробыть тут около теплой золы до самого утра. Возникает чувство отрешенности от того мира, в котором находился весь день и который так давит своими бесконечными материальными заботами. И все это дает костер, простой и волшебный одновременно. Вся жизнь африканца освещена им. Вся жизнь — от костра к костру. Пунктиры брэнного пути по земле.

Костер между соседними домиками, привлék Лумумбу песней. Молодой парень стоял и играл на утете — дудочке из тростникового стебля. Чтобы не заглушать нежного и робкого голоса утете, певец пел тихо-тихо. Лумумба узнал в исполнителе Жозефа Кабасели, своего земляка. Прислушался.

*Что это за дерево без листьев,
Что за стебель без цветков!
Не бывает дней без солнца,
Как и ночи не бывает без луны.
Нет и человека без любви,
Если он, конечно, человек.
Без тебя и я не существую,
Мой листочек, мой цветок!
Повернись ко мне луной и солнцем,
Чтобы время шло не днями и ночами —
Чтоб любовью мерилось оно.
Верно: ты со мною согласилась
Жизнь пройти дорогою любви.*

Лумумба захлопал в ладоши, направляясь из темноты к костру.
— Хорошо, Жозеф, очень хорошо! Такая милая песенка, — проговорил он.

— Нехорошо, что ты скрываешься, — обрушился на него с упреками Жозеф. — Мы не полицейские, Патрис, нас бояться нечего. Откуда ты появился?

— Пожалуйста, не обижайся. Я просто ходил по улице, а услышав песню, остановился, чтобы прослушать ее, не прерывая. За последнее время я только и знаю, что слушаю выступления на политические темы. И сам произношу такие же речи. Согласись — несколько однообразно...

— Я не политик, Патрис, но я верю тебе. Мои песни будут всегда с тобой. Мой джаз на твоей стороне...

Они расстались. Лумумба пошел дальше по улице Каанге и вскоре оказался на самой окраине Леопольдвилья, ничем не отличающейся от африканской деревеньки. Там, у реки Конго, светились гроздья электрических огней — пояс неприступности для коренного жителя этой страны. Окраина укутывалась приземистым дымом. Изредка вспыхивали костры. Лумумбе хотелось побыть наедине с собой. И он устремился воспоминаниями к другому костру — костру родины и детства.

...Ему шел десятый год. Долговязый, подвижный мальчишка без усталости топтал отцовские тропы: ходил с ним на рыбалку, на охоту, в лес и поле. Носил матери суш-ник на-топку. Таскал воду из ручья. Чистил рыбу, потрошил дичь. Плел из камыша и хвороста корзинки. Рос помощник, надежда отца. И это становление мужчины отмечалось особым ритуалом: все мальчишки обязаны были пройти период посвящения во взрослых. Девочки собираются в одну группу, мальчишки — в другую. Направляются в лес и обосновываются отдельными самостоятельными лагерями. Существуют разные обряды и для девочек и для мальчиков. Какая это тяжелая романтика! И она продолжается два-три месяца. Примитивными, грубыми приемами испытывается мужское достоинство подростка, делающего первый шаг в новое состояние. Преодолевается рубеж: прошлое остается позади, как шлепанцы на пороге храма. Мальчику дается новое имя: в лесных лагерях Патриса не стало — вместо него появился Эмери. Все слабости и недостатки, проявляемые до этого, должны отойти в прошлое. Человек как бы рождается заново. Тело, тень и душа, присущие согласно африканской философии каждому мыслящему субъекту, приобретают новые, более возвышенные свойства. Не без содрогания Лумумба припоминал лесные игрища. Многоопытные опекуны заставляли их прыгать в глубокие ямы, где курились костры. На них набрасывались люди в страшных ритуальных масках. Раздавались душераздирающие крики. Проливалась кровь, но на нее не надо было обращать внимания. В этом и состояло воспитание мужества: ранен — не кричи, течет кровь — не замечай, не дают есть — не жалуйся на голод, бьют плетью — ну и что ж такого? Ведь тебя готовят к долгой и достойной человека жизни, в ней может случиться всякое. Новая вера достигалась... плетью. Ты когда-то

позволял себе непослушание и далеко не всегда следовал советам старших. Теперь ты будешь знать, что такое умение подчиняться: через него лежит путь к великой силе, которую ты обретешь. И не вздумай роптать, не смей жаловаться — здесь тебя все равно никто не поймет. Не продлевай свое пребывание в лесном лагере.

*Сегодня великий день
Для нас, молодых ребят, —*

пели тогда хором, стараясь во всем угодить старшим, всеми своими действиями подтвердить, что период мальчишества с его безответственными поступками кончился, что из лагеря в деревню пойдет новое пополнение мужчин, на которых можно положиться.

Ночами — а сколько их впитала память! — садились около огонька. Ребят было не узнать. Глаза скрыты очками, сделанными из коры деревьев или листьев. Кожа натерта толченым углем. На голове — гирлянды листьев, перевитых лианами. Тропинки выложены листьями: во время обряда парни не должны ступать по обычной земле. Нельзя затевать разговор первому — молчи, если не спрашивают. Приучай себя к размышлению. Похвал в лагере не бывает, зато наказание подстерегает на каждом шагу. Если надо было проучить ослушника так, чтобы он запомнил на всю свою жизнь проступок, его клали на муравьиную кучу или заставляли взбираться на дерево и голыми руками собирать мед диких пчел. И чтоб ни единого стога! Крик, даже случайно вырвавшийся, служит поводом к повторению наказания. Смерти бояться нечего. Когда человек умирает, он идет в деревню Бвалайя Нзамби, деревню божества, и перевоплощается в леопарда, а женщина в антилопу. Душа знахаря вселяется в гиппопотама: признак необычной силы.

Жизнь в лагере — подготовка к настоящей жизни. После этого можно обзавестись женой, детьми. Ты становишься равноправным членом племени. Не забывай, чему тебя учили около костров: не бойся воды и леса, вступай в схватку с любым хищником, не дрожи при виде ножа противника. Вставай раньше — у тебя всегда будет много дел. Не изменяй жене, не кради, не лги. Будь гостеприимен. Пригласи соседа на обед: может быть, он ничего не ел. У тебя все должно быть красивым — улыбка, походка, манеры. Все ли ты усвоил? Если так, то направляйся в лес с копьем и раздобудь для своих наставников лакомств: вкусных корней, ароматных трав, налови птиц, убей антилопу. Надо отблагодарить учителей

за их многодневные труды. Лагерь готовится к пирушке. Начинается купанье в реке. Ребята сбрасывают с себя одежду из ткани и листьев, смывают краску и бросаются вплавь. После купанья тело покрывают белой краской: это возрождение, знак неиспорченности, чистоты. Белый цвет предохраняет от болезней. Теперь иди танцевать. Двигайся по кругу — так ходит и солнце на небе. Смажь тело маслом, посыпь его опилками из красного дерева. Цвет крови, символ жизни, радости, здоровья. Какой ты стал могучий! Тебя уже ничто не устрасит...

Лагерный костер погас. Огонь пожрал все, в чем пришли сюда ребята. В деревню двинулись новые люди в новой одежде. Посвящение в мужчины состоялось. Церемония окончена. Осталось лишь немного — жить так, как подобает мужчине.

Костры детства — костры воспоминаний. Лумумба видел, как закладываются иные костры, каких не было еще на земле его родины. Вокруг них никогда еще не сидело так много народа. Что принесут они? В какой роли предстанет он сам? Все ли поймут посвящение в новую жизнь целой страны? Это будут костры праздничных торжеств или испытаний? Или и то и другое вместе? Какие краски выберет судьба?

В эту ночь он не ложился спать.

Улитка Баконго

Лумумбе порой казалось, что какой-то злой рок создал языковые границы: странно смотреть на двух конголезцев, очень похожих друг на друга, но разговаривающих на различных диалектах. О принадлежности к разным народностям судят зачастую не по внешнему виду, а по отметкам на лице, по татуировке, по тому, как сточены зубы.

Какое искусственное разделение! «Нужно общение», — эти слова не уставал повторять Лумумба. Общая цель объединит племена, сметет перегородки между ними. Уже сейчас все прекрасно понимают слово «ухуру», и требование свободы является всеобщим: оно спланивает. На первый план выдвигается задача политического просвещения. Лумумба убедился в том, что даже безграмотный крестьянин начинает приобщаться к политике и усваивает патриотические лозунги сегодняшнего дня. Каждый конголезец ратует за независимость, скандирует на массовых митингах это волшебное слово, не умея прочесть его в книге, не зная, как оно пишется. Грамотность придет потом. В свободном Конго народ сядет за парты и вырвется из невежества. Теперь важно наладить взаимопонимание между руководителями политических партий и организаций. Лумумба придавал огромное значение контактам с лидерами Баконго, особенно с Жозефом Касавубу.

Баконго — обширный район, охватывающий все среднее течение реки, провинцию Леопольдвиль, выход страны к океану, значительные территории правобережного, Французского Конго, а также Анголы и Кабинды. Баконго — конгломерат племен. Главный язык лингала, но многие говорят и на киконго. Жозеф Касавубу родился в местечке Чела, что в нескольких километрах от границы с португальской колонией Кабиндой. Его родное племя баконго. Учился в миссионерской школе. В семинарии изучал латынь, схоластику, теологию. Службу начал в финансовом департаменте бельгийской администрации Леопольдвилля. Довольно быстро шел в гору по ступенькам бельгийской колониальной лестницы. Он стал первым африканским бургомистром коммуны Дендале, пригорода конголезской столицы. Он был идеальным эволюэ, с которым бельгийский чиновник всегда находил общий язык. Смешно припоминать, но когда-то, в ранней молодости, в самом начале своей служебной карьеры, Жозеф искренне верил в умственное превосходство европейских поселенцев. Внешне все свидетельствовало об этом, и практика каждого дня все больше

и больше подтверждала эту теорию об интеллектуальном неравенстве. Он знал немало бельгийцев, которые, прибыв в Конго и получая сравнительно скромную плату, быстро превращались из мелких служащих в богатейших людей — плантаторов, владельцев гаражей, торговцев, судовладельцев, держателей акций, крупных фермеров, банкиров.

Жозеф потом иронизировал над своими заблуждениями. И как только он мог думать, что большое богатство может быть достигнуто большим умом! Сколько пустоголовых, ограниченных торгашей осело в Конго! Боже, боже, а какая тупость царила в генерал-губернаторстве... Он изучил эту среду досконально.

В школах миссионеров, в католических семинариях, на различных курсах, открытых для подающих надежды конголезцев, тайным и явным образом велся этот спор об интеллектуальных высотах. Касаубу и сам варился в этом котле. Учиться он начал поздно: в двадцать лет он еще был семинаристом и, подобно другим однокашникам, мечтал о высшем образовании в Европе.

Но Жозеф-семинарист тогда лишь начинал свой путь морального самоусовершенствования: его еще не прозвали «Улиткой», его натура сохраняла и непосредственность юности, и желание все свои помыслы вынести на суд товарищей. К тому же аббат, занимавшийся с ними законом божьим, был каким-то странным субъектом. Он требовал от слушателей, чтобы они воспринимали учение Христа не механически, а пропускали его через мозг и клали на сердце и душу. Аббат подолгу оставался наедине с тем или иным учеником, закрываясь в комнатке и обрушивая на очередного избранника массу вопросов.

Прямо из семинарии Жозеф отправился в деревню Нкамба, где на исходе прошлого столетия родился Симон Кимбангу — личность легендарная и таинственная. Никто не может точно назвать день его рождения: в колониальный период африканским детям не выписывали метрик. Но известно, что в молодости он прислуживал в баптистской миссии и стал потом наставником при ней. Какое-то время проработал на строительстве железной дороги Леопольдвиль — Матади. В поисках работы скитался с места на место. Положение рабочего люда он знал хорошо. Утешение от горькой жизни находил в непрестанных чтениях библии и псалтыря. Память у него была превосходная: знал наизусть все молитвы и читал их в зависимости от аудитории на киконго, лингала, французском и даже латинском. Способного юношу сделали катехистом — так называли человека, который обучал обращенных в католичество африканцев молитвам и священному писанию. Зарекомендовал себя

замечательным плотником. Изготавливал кресты, стулья, столы, вырезал из дерева ложки. Вряд ли Симон предполагал, что потом эти немудреные изделия станут реликвиями: до сих пор в деревнях и церквушках Нижнего Конго тщательно сохраняются вещи, сделанные руками Кимбангу.

На фотографиях, дошедших до нас, Симон Кимбангу выглядит простодушным и жизнерадостным. Одежда его состояла из длинной юбки и рубашки с короткими рукавами. Никакой обуви он не признавал. Улыбка не сходила с его полного лица. Одаренный незаурядной физической силой, он помогал африканцам строить дома, вместе с женщинами толкал в ступе кукурузу и маниоу. Нянчил чужих детей. Его хижина была открыта для всех. Нгунза, то есть пророком, он стал после болезни, когда из Матади возвратился в родную деревню. В марте 1921 года на него снизошло «божественное откровение». Он заявил, что видел и слышал самого бога, который призвал его встать с постели и пойти в народ, чтобы дать ему веру и исцелить его от всех недугов. Новый африканский пророк привлекал к себе массу сторонников. У него появились апостолы — их было двенадцать. Движение обретало силу. Новая Мекка — Нкамба — превратилась в место паломничества. К Симону Кимбангу шли африканцы со всего Конго: шли больные, прокаженные, старики и дети. Перед домиком Симона клали умерших — их приносили для воскрешения. Никому дотоле не известная Нкамба превращалась в конголезский Иерусалим со своим пророком и со своей церковью, в которой богослужение отправлял сам Кимбангу. Перед верующими он появлялся в простой одежде, без креста. Он учил, что крест из металла, тем более дорогого, не соответствует простоте религии: крест должен выражаться жестом правой руки. На шее он носил металлический ошейник с цепями.

Бельгийские власти переполошились не на шутку. Они ввели военное положение в районе Баконго, направив туда усиленные отряды солдат. Начались аресты и преследования. В Леопольдвиле, Матади и других крупных городах то и дело объявлялись пророки, последователи Симона Кимбангу. Их брали под стражу, но на другой день появлялись новые и новые приверженцы кимбангизма. Африканцы надевали цепи на шеи — они были выразительным символом поработленного народа.

В тюрьму были заключены мать и сын Кимбангу. Преследования «апостолов» не прекращались. В сентябре 1921 года Симон Кимбангу был арестован и вывезен за пределы Нижнего Конго. Суд приговорил его к смертной казни. Брюссель дал указание: заменить смертную казнь пожизненной ссылкой. Было названо и место поселения — Катанга, провинция, где проживало наибольшее число европейцев, где «порядок»

был наиболее прочным, где жандармерия была наиболее сильной и дисциплинированной. Симона Кимбангу упрятали в тюрьму, находившуюся на окраине Элизабетвиля, административной столицы катангской провинции. Там он и скончался в 1951 году.

Но физическая смерть не означает смерть духовную!

Каждый шаг Симона, каждое его слово становились достоянием молвы. Народ по-СвоеМj воспринимал учение Симона Кимбангу и, подправляя его на свой лад, придавал ему конкретный смысл. Жители Нижнего Конго видели в Симоне Кимбангу не просто христианского проповедника, а борца против бельгийского колониального владычества, конголезца, который хочет избавиться от иностранцев и намерен сам управлять своей страной.

Кимбангизм всколыхнул все Конго. Крестьяне отказывались платить налоги, не выходили на работу. Рабочие покидали фабрики, гаражи, мастерские и магазины. Дрогнули силы поддержания общественного порядка: солдатская масса в них была конголезская, а офицеры — из Бельгии. Солдаты самовольно покидали лагеря и тайком пробирались в Нкамба. Их вылавливали, наказывали, возвращали в казармы. Движение кимбангистов с особой силой охватило Нижнее Конго. Запрещенное официальными властями, оно ушло в подполье. О Кимбангу распространялись легенды. Библейские истории, жития святых приспосабливались к личности Симона Кимбангу. От Христа делался прямой переход к Симону Кимбангу. О нем слагали песни.

Что проповедовал Симон Кимбангу, чем обусловлено его появление на горизонте колониального Конго?

Чтобы пирога поплыла, нужна вода. Без воды самая хорошая пирога не сдвинется с места. Так гласит конголезская поговорка, бытующая среди рыбаков и крестьян. Учение Симона Кимбангу могло возникнуть в колониальных условиях, когда усилия Бельгии были направлены на ограбление ресурсов Конго, на физическое выматывание рабочего и крестьянского населения. Бунтарство имело религиозные истоки, что далеко не случайно. Католическая религия оказалась наиболее слабым звеном в арсенале колонизаторов потому, что она играла наиболее фальшивую роль, лавируя между местным населением и официальным Брюсселем. Миссионеры стояли ближе к простому народу, лучше знали его нужды, о чем свидетельствуют и книги, принадлежащие перу католических священников. Миссия — не полицейский участок, которого избегали конголезцы. Начальные миссионерские школы принимали крестьянских детей. Многие католические священники были учителями и врачами: к ним

шли и больные. Католические сестры работали в больницах и госпиталях. Это накладывало определенный отпечаток на характер взаимоотношений между конголезским крестьянством и служителями культа. Какая-то часть населения доверяла католикам и искала у них защиты, когда свирепствовали карательные отряды. Было немало случаев, когда священники действительно выгораживали крестьян, обвиняемых в саботаже, в неподчинении властям. Реакционную сущность католичества не каждый понимал. В Конго было слишком мало образованных людей, способных на разоблачение этой духовной ширмы колониализма. Вместе с тем многим конголезцам казалось, что и религию можно использовать для борьбы за свои права, если придать ей антиколониальное направление.

Нижнее Конго представляет собой настоящий конгломерат вероисповеданий. К началу XX века в городах Баконго функционировали десятки миссий с разветвленной системой обслуживания, начиная от церквей и кончая столярными мастерскими. «Армия спасения», «Адвентисты седьмого дня», «Свидетели Иеговы», американские баптисты, братья доминиканцы, мусульманские секты, общество буддистов — все они стремились пустить корни, завербовать как можно большее число африканцев в свои ряды. Соперничество церквей и религий приводило к тому, что местный житель не верил ни той, ни другой, ни третьей: он все более и более убеждался в универсальности исконной веры, завещанной предками. По крайней мере она не содержала в себе учения о непротивлении злу, наоборот, она проповедовала правило «око за око, зуб за зуб», что было практическим руководством в поведении населения при иностранном господстве.

Надо отметить, что какой-то единой африканской религии не существует. Каждый клан поклонялся своему идолу: при появлении европейцев целые деревни покидали насиженные места и подавались в лес, унося с собой фетиш. Показательно, что вдоль железных и шоссейных дорог, когда они только что вводились в строй, населенных пунктов почти не было. Далеко не все, конечно, но некоторые африканские колдуны действительно примитивными, им доступными способами вдохновляли население на вооруженные выступления против колонизаторов. Колдун воспитывал полнейшее пренебрежение к пуле врага. Старик, укрывшийся в джунглях, собирал отважных воинов и внушал им, что они не люди, а львы или леопарды и что им не страшны европейцы с ружьями и пулеметами. Сквозь ничем не прикрытую косность и темноту все же пробивался огонь борьбы. Недаром бельгийские колониальные власти не переставали преследовать разного рода знахарей, и это делалось отнюдь не потому

только, что тайные секты и организации «стояли на пути прогресса», как оповещалось в губернаторских циркулярах, — африканские верования и обряды беспокоили бельгийцев прежде всего своей антиколониальной направленностью.

Этот дух сопротивления присущ был и учению Симона Кимбангу. Не будь этого — миллионы африканцев не примкнули бы к нему и движение никогда бы не разрослось так сильно. Сам Симон по уровню образования был неизмеримо выше колдунов и знахарей. В одной из своих проповедей он призвал верующих к тому, чтобы они, придя домой, выкинули фетиши, а при болезнях не обращались к колдунам. Сквозь мистический покров поучений Кимбангу все же можно разглядеть политические и социальные мотивы. Он говорил, что африканец больше всего претерпел в жизни и больше нигде нет человека, который бы так жестоко притеснялся. И раз господь возложил такую тяжелую ношу на плечи африканца, то господь и воздаст ему сторицей! Отсюда вывод: скоро наступит новое царство для народа Конго, где будут уважаться свобода, справедливость и независимость. Религиозные поучения таили в себе политические моменты, которые оборачивались против бельгийского колониализма и звучали не как назидательно-религиозная догма, а злободневно, призывно. «Африка — неграм!» — не уставал призывать Кимбангу.

Африканцы полностью поддерживали своего пророка, когда он говорил о том, что они должны иметь своего бога, свою церковь, свое священное писание. До самого отсталого крестьянина доходила мысль, высказываемая многократно Симоном Кимбангу: зачем расширять посевы, зря рубить леса, если африканцы с имеющихся полей получают вполне достаточно продуктов? Не копай лишней пяди земли! И не копали, а это означало, что население бойкотировало работу на бельгийских плантациях.

Кимбангу и его ближайшие сторонники применяли гибкую тактику в отношении бельгийских властей. Далекие от революционных призывов, они тем не менее доставляли массу неприятностей Брюсселю. Когда кампания за невыплату налогов охватила все Конго, а репрессии достигли своего предела, Симон Кимбангу сделал крутой поворот, чтобы вывести народ из-под прямого удара, оградить его от тюрем и наказаний. Он выступил с проповедью: человек дороже любых денег. Откупайтесь от бельгийцев и отдавайте им все, что они просят. Оставьте при себе ваши сердца. Богатство, как и власть белых, непрочны: и то и другое исчезнет, как только восстановится справедливость.

Колониальные власти, затратив десятилетия на борьбу с кимбангизмом, убедились в невозможности уничтожить движение:

временами оно шло на убыль, чтобы затем вспыхнуть с новой силой. Мощные демонстрации состоялись в Катанге, когда скончался Симон Кимбангу. Его сторонники добились выдачи тела покойника: в торжественной обстановке гроб Кимбангу был доставлен в деревню Нкамба. В процессии принимали участие десятки тысяч африканцев — преимущественно крестьян. Верующие не расходились: они ждали воскрешения пророка...

В 1956 году в Нижнем Конго был создан совет кимбангистов, который направил в Организацию Объединенных Наций меморандум с требованием лишить Бельгию и Португалию права на владение конголезской землей. Кимбангисты просили ООН дать согласие на формирование национального африканского правительства во главе с... Симоном Кимбангу. Идею создания правительства, во главе которого стоял бы ушедший из жизни человек, никто не мог понять, кроме самих конголезцев.

Незадолго до провозглашения независимости кимбангисты получили разрешение на открытую деятельность. Сын Кимбангу — Жозеф Диангиенда был объявлен главой церкви. Его помощник Эммануэль Бамба стал сенатором от леопольдвильской провинции: он был выдвинут партией АБАКО. И тот и другой — близкие друзья Жозефа Касавубу. Большие деньги, выручаемые церковью, шли в кассу АБАКО. Святую воду и святую землю из Нкамба, родины пророка, распродавали верующим.

Ассоциация народа баконго по унификации и сохранению языка киконго (АБАКО), организационно оформившаяся к 1950 году, с самого начала своего существования заявила о себе как организация племенного, сепаратистского толка. Представители племени бангала, выходцы из Верхнего Конго, лучше других преуспевали на колониальной службе: в Леопольдвиле бельгийцы доверяли им административные посты, назначали учителями начальных школ, смотрителями в миссиях и даже помощниками бельгийских комиссаров. Таким образом, колониальные власти сталкивали два, племени: чернорабочими баконго распоряжались пришлые бангала. Чужаки стояли ближе к бельгийцам, а их лидер — Жан Боликанго пользовался расположением губернатора.

В 1954 году председателем АБАКО избрали Касавубу. Он пошел на тесный союз с кимбангистами и стал их доверенным лицом: авторитет, нажитый движением Симона Кимбангу, механически переносился теперь на малоизвестного защитника языка киконго. Но политическому лидеру надо было чем-то заявить и о себе лично. Благоприятный момент представился, когда бельгийский профессор Ван Бильзен обнародовал нашумевший «Тридцатилетний план освобождения Бельгийской Африки».

Он вызвал критику с двух сторон. Колониальные круги подняли на смех пророчества ученого, считая, что предлагаемый срок недостаточен для того, чтобы колония созрела для самоуправления. Среди конголезцев тоже не было единства относительно плана Ван Бильзена. Издатель ежемесячника «Консьянс африкэн» Жозеф Илео не замедлил высказаться в поддержку профессора.

Тогда на сцену вышел Касавубу. В августе 1956 года он созвал совещание руководящих деятелей АБАКО и выступил перед ними с речью.

— Бельгийский профессор, — заявил он, — предписывает нам, конголезцам, свои законы, навязывает свои взгляды, хотя никто из нас не просил его об этом. Профессор может заниматься теоретическими упражнениями сколько ему заблагорассудится. Чаша терпения нашего народа переполнена. Тридцать лет — это срок жизни еще одного поколения конголезцев, которые будут по-прежнему работать не на себя, а на бельгийца. Мы требуем независимости немедленно!

Открытый вызов, брошенный Касавубу бельгийским колонизаторам, возымел свое действие. Власти пошли на уступки. Обычно бургомистры, полномочия которых были весьма ограничены, назначались генерал-губернаторством. Однако на первых выборах, задуманных как показательные, АБАКО, пользующаяся поддержкой кимбангистов, провела в бургомистры Жозефа Касавубу. В апреле 1958 года он стал во главе общины Дендале. Приступая к исполнению новых обязанностей, лидер АБАКО заявил о необходимости проведения всеобщих выборов и установления внутренней автономии. Он потребовал вывода с территории Конго всех бельгийских служащих и частных лиц.

В то время в Нижнем Конго распространялась легенда о том, что Касавубу — брат Симона Кимбангу, что дух умершего пророка переместился в тело ныне здравствующего бургомистра коммуны Дендале. Король Каса, как называли Касавубу, постепенно выходил из улитки баконго...

Жозеф Касавубу, тесно связанный с кимбангизмом, охотно шел на контакты и с представителями других религиозных течений, которые существовали и в самой Африке, и за ее пределами. Одно время он увлекся бух-манизмом. Томик избранных работ Бухмана, создавшего еще в 20-е годы «Оксфордскую группу» из студентов-протестантов, лежал на рабочем столе Касавубу. Президенту АБАКО импонировало учение о необходимости возврата к пуританским нравам. Сам Бухман, опираясь на так называемый психоанализ философа Фрейда, практиковал душеспасительные беседы с людьми, совершившими те или иные

проступки. Такого рода «душевная хирургия» поощрялась и колониальными властями. Деятели международной организации «Моральное перевооружение» довольно прочно обосновались в Конго: они имели свой штаб, располагали радиостанцией, которая вела передачи на всех основных языках страны. Бухманисты передавали и заявления Жозефа Касавубу, касающиеся борьбы конголезского народа за независимость. В беседе с делегацией «Морального перевооружения» он сказал: «Вы нашли секрет освобождения Африки».

Общение Касавубу с бухманистами Лумумба расценивал как тактический ход политика, не пренебрегающего никакими силами, способными оказать услугу освободительному движению.

— Я готов вступить в союз с самим дьяволом, — говаривал и сам Касавубу, — если это приблизит нашу независимость, если такая сделка поможет нам избавиться от бельгийцев.

Лумумба принадлежал к тем конголезцам, которые соглашались с Касавубу, верили в него и считали президента АБАКО убежденным и непримиримым противником колониальной системы. Лумумба знал его уже несколько лет. Касавубу не оратор, не трибун. У него скрипучий тихий тенорок. Может битый час сидеть в одной позе. Лицо африканского будды. Свой разговор он уснащал африканскими пословицами. Кимбангисты преподнесли ему однажды подарок — сделанную из глины раковину улитки, внутри которой находилась какая-то жидкость, изготовленная фетишистами. С этим даром он не расставался. Перед полетом в Аккру Лумумба видел ее на столике Касавубу на том же месте она стояла и сейчас. Лумумба заходил тогда, чтобы договориться о совместной поездке в столицу Ганы, на что раньше соглашался Касавубу. Но перед самым отлетом вдруг заявил, что не сможет покинуть Леопольдвиль и что вместо него в Аккру отправится его представитель...

Касавубу вышел из-за стола, приветствуя Лумумбу.

— Перед тобой был у меня бельгиец, мой предшественник, — начал он. — Еле выпроводил. Они становятся философами, рассуждают о природе власти. До этого я что-то не замечал у них такой склонности. Этот субъект доказывал мне, что, допустим, нас с тобой, если мы когда-нибудь станем правителями Конго, африканцы будут так же ненавидеть, как их, бельгийцев. Что ты на это ответишь?

— Тебя так разволновал разговор с посетителем, — отвечал Лумумба, — что ты забыл спросить об Аккре, о конференции.

— Извини, извини, Патрис, но мне уже рассказывал об Аккре Диоми. Но тебя я выслушаю с удовольствием. Даже два орла, парящие на

одинаковой высоте, видят по-разному.

— К сожалению, наш самый опытный и могучий орел сидел в гнезде...

Касавубу добродушно рассмеялся: он достаточно знал характер и полемический задор Лумумбы. Они неоднократно пикировались Лумумба давно приметил, что с Жозефом Касавубу гораздо легче договориться в его кабинете, чем за его пределами. Король Каса чересчур осторожен, и его надо силой вытаскивать на публику. Не в меру хитер. И пожалуй, с конголезцами он хитрит куда изощреннее, чем с бельгийцами. Когда Лумумба указывал ему на эти особенности, то Касавубу отнюдь не отрицал их. Он посмеивался и каждый раз пытался отделаться шутками.

— Взлетая, — провозглашал он очередную мудрость, — размышляй о том, где приземлиться. Вот так. У вас в Санкуру, Патрис, бельгийцев в сто раз меньше, чем в Баконго. Там свободнее можно высказывать свои взгляды. Здесь мы приучены к сдержанности, иначе все мы разгуливали бы по тюремным дворам. Должна быть какая-то золотая середина между готовностью жертвовать собой и умением беречь себя.

С чем-то Лумумба соглашался, а что-то его настораживало. Но человека определяют его дела, а не высказывания. С этой точки зрения все поведение Жозефа Касавубу не вызывало ни малейших подозрений: он выступал за предоставление независимости, за что навлек на себя гнев бельгийских чиновников. В ту пору это так много значило! Потом сам опыт общения Лумумбы с Касавубу говорил в пользу сотрудничества. Сколько раз они расходились, а все завершалось примирением и известной поговоркой Касавубу, которую он произносил в самом конце спора:

— Летим вместе, Патрис!

Умел поспорить, умел и пойти на примирение. Разве это плохо? Касавубу скрывает свои мысли, лавирует, уводит собеседника в сторону — так это же мастерство, которым надлежит владеть каждому взошедшему на политическую арену, да еще в зависимой стране. Цветок, распустившийся раньше других, подвергается наибольшей опасности. Девушка, поспешившая замуж, стареет быстрее. Большие языки пламени не способны хорошо зажарить мясо: оно лучше готовится на тлеющих углях. Глубоко верует не тот, кто чаще всех крестится. У Касавубу в запасе целый куль подобных изречений. Лумумба научился терпеливо выслушивать его. Касавубу привыкал к атакам Лумумбы: он никогда не приходил к королю Каса без конкретного предложения. Вот и сейчас Лумумба сказал:

— Давайте организуем совместный митинг в Леопольдвиле. Я бы

провел его в твоей коммуне. У нас появился новый фактор, которого не было до настоящего времени, — нас горячо поддерживают африканские страны. Кваме Нкрума и Секу Туре целиком и полностью на нашей стороне. Если бельгийцы предпримут ответные шаги, то наши друзья поставят вопрос в Организации. Объединенных Наций. Мы втягиваемся в мировую политику. Существует мировое общественное мнение. Наш долг — воспользоваться благоприятным моментом. Ну, летим вместе?

— Почти что, — ответил Касавубу. — Ты знаешь мое отрицательное отношение к митингам. Но раз ты настаиваешь, то я не возражаю, хотя принимать участия не буду. Не забывай, что я бургомистр. Поговори с моими коллегами по партии. Они свободны в своих поступках.

Касавубу взял в руки глиняную раковину. Эмблема племени баконго на столе президента АБАКО. Люди, близко знавшие Жозефа Касавубу, в шутку предлагали прислонить к улитке электрическую лампочку, чтобы рассмотреть ее внутреннее содержание...

Из народных глубин

В Санкуру были превосходные охотники. Считалось, что только охота на крупного хищника воспитывает настоящего воина. Тот, кто был атакован разъяренным львом, на кого внезапно бросился леопард, кто успел взобраться на дерево и тем спасся от ужасающего бега носорога, кто перехитрил слона, тот не убоится ни пули, ни штыка противника. Смерть от огнестрельного оружия кажется легкой, и глупо проявлять трусость. Щелканье затвора — ничто по сравнению с лвиным ревом.

Африканский охотник куёт собственное мужество каждый день — не напоказ, а для себя. О своих подвигах банту не рассказывают. Можно рассказывать о мужестве других, но не о своем.

Уже став взрослым, Патрис вычитал в какой-то книжке признание не то автора ее, не то героя о том, что у него не было детства. Он удивлялся и возмущался. Откровение исходило от европейца: Патрису неведом был мир, в котором тот родился и рос. Но внутреннее несогласие с человеком, который как бы гордился тем, что у него не было детства, было сильным. Может быть, европеец без детства хитрил и своим поразительным признанием хотел подчеркнуть свое особое положение в обществе? Посмотрите, дескать, какой я особенный: детства не было, а стал заметным или даже известным человеком! Нашел чем хвастаться, несчастный. Детство есть у всех — разное, но есть. Было оно и у Патриса.

Чондо, барабан для сигнализации, стоящий около хижины Оналуа, вождя деревеньки, издавал звуки не очень громкие, но умеющие, как говорил отец, прытко бегать. Патрис чувствовал себя волшебником и повелителем, когда брал деревянную палку с круглым набалдашником и колотил ею по барабану. На этот зов шли рыбаки, крестьяне с полей, охотники из леса. Собиралась толпа, и начиналось обсуждение деревенских дел.

Школу Патрис начал посещать поздно — когда ему исполнилось тринадцать лет. Учителями были миссионеры. Учили счету: крокодил лежит на песке, а к нему подполз еще один с детенышем. Сколько же всего крокодилов греется на камнях? Так просто! В миссионерской школе Патрис впервые услышал французскую речь — она журчала неведомым холодным ручейком. Он пристрастился к книгам. Камешки букв выстраивались в строчки. В толстой книге, написанной самим богом, было много хороших поучений, уже известных Патрису. Но написанное было значительно

авторитетнее, чем услышанное.

Четыре года мальчик ходил к миссионерам, а на пятый его исключили. Семья с ее растущими заботами нуждалась в помощнике. Отец все чаще брал Патриса в поле, на рыбалку, на охоту. И все более частыми были пропуски. Такой ученик был не нужен школе, и она избавилась от него. Потом отец спохватился и отвез Патриса в местечко Тунда, что в южной части провинции Киву. Школа называлась методистской. Лумумбу определили к сестре, которая вела санитарное дело. Три года изучал он новый для него предмет. Полученное образование Ничего не значило: школа не давала диплома, а об африканских фельдшерах бельгийцы и слышать не хотели. Юноша устроился на работу в «Симате» — компанию по добыче и переработке олова. Так Патрис стал клерком, а по существу — мальчиком на побегушках. Дневное время он проводил в конторе управления, вечером направлялся в барак, где жили рабочие, наемные на рудники со всех районов Конго, из Уганды, Бурунди и Руанды, из Родезии и Ньясаленда, Анголы и Кабинды. Здесь он начал сочинять стихи. Чем больше он читал французских авторов, тем сильнее пробуждалась в нем тяга к литературе. Поначалу он даже почему-то считал, что настоящим большим поэтом или писателем может быть только француз или же человек, овладевший в совершенстве этим языком. Любовь к французскому слову сохранил он на всю жизнь. Его страстью были гуманитарные науки. Но в Конго не было подобных колледжей и университетов. И Лумумба поступает в школу железнодорожного движения: она находилась в городе Альбертвиле. Успешно сдал вступительный экзамен. Но и работу бросать нельзя — компания не обеспечивала учащихся стипендией. Учился заочно. Так прошло еще три года. Накапливались знания, приобретался опыт, а по службе продвижения не было — Патрис оставался клерком в конторе. В городе Кинду миссионеры открыли вечерние курсы, где читали философию, историю и литературу. Лумумба посещал их. В 1947 году он сдал экзамены в только что открывшуюся в Леопольдвиле школу почтовых служащих. Проучился год. Закончил первым учеником и был направлен на работу в Стэнливиле, где его ждало новое назначение — начальником почтового отделения в местечке Янгамби, расположенном на правом берегу Конго. Ему удастся поступить заочником в один из французских университетов. Парижский профессор обнаружил у молодого конголезца отличные математические способности. Ученого из Парижа смущало лишь то обстоятельство, что заочник вместе с математическими задачами и алгебраическими уравнениями присылал стихи собственного сочинения...

В 1949 году Лумумба переехал в Стэнливилль — административный центр Восточной провинции Конго. Место, где река Луалаба делает крутую дугу, направляясь на второе пересечение экватора, где она меняет свое название и становится Конго. Невдалеке знаменитые водопады. Перекаты воды.

Перекаты в судьбе Патриса Лумумбы. Здесь окреп политический голос Лумумбы, здесь он приобрел популярность, заложил основы своей партии, издавал газету. Стэнливилльский период свидетельствует о творческом взлете Патриса, о его политической зрелости, о его огромном влиянии на освободительное движение страны. Здесь он пересмотрел свои прежние взгляды. В Кизангани Лумумба столкнулся и с образованными бельгийцами. В городе проживали представители десятков национальностей — от забытых африканским богом пигмеев, самых низкорослых в Африке людей, до великанов батутси.

Еще в миссионерской школе он узнал, что принадлежит к племени банту. Каждый из европейцев казался ему богом, сошедшим на конголезскую землю. Они все знали: библию и социалистическое учение. Историю всего мира и особенно хорошо — Бельгии. Они все умели делать: машины, самолеты, корабли, велосипеды. Они строили дороги и мосты, фабрики и заводы, отдельные дома и целые города. Они производили операции в больницах: вскрывали человека, что-то из него выбрасывали, что-то сшивали, делали уколы, после чего африканец лежал на чисто убранной кровати и, выздоровев, приходил к своей семье.

Они учили африканских детей волшебству чтения. Нет, он никогда не забудет, что белый человек научил его писать и читать, подвел его к книжной полке. Не забудет поглаживание белой руки по его черной головке: так старый Доминик из миссионерской школы выражал свое расположение к прилежному ученику. Но тот же Доминик повторял кем-то сказанное определение: банту — это человек, подобный ребенку. В этих словах молодой Патрис не видел ничего оскорбительного. Ребенок вырастет, разовьется. Что тут плохого? В разговорах между собой конголезцы, если они принадлежали к различным племенам, награждали друг друга куда более унижительными эпитетами.

Лумумба пришел к убеждению, что лучше всех осведомлены о жизни банту, их обычаях, истории и образе мышления миссионеры. Нет миссионера, который бы не владел двумя-тремя африканскими языками. Поль Ло-рион издал в Монте-Карло превосходный сборник песен банту. В городе Кизанту монсеньор Малула, леопольдвильский епископ, вот уже несколько десятилетий собирает материалы об обрядах конголезцев. Он

записал сотни легенд.

В Катанге аббат Плаксид Темплъс написал книгу, которая так и называется — «Философия банту». Лумумба знал этого автора лично: они встречались и в Леопольдвиле, и в других местах Конго. Но Лумумба сразу же почувствовал, что католик-философ не просто разговаривает с ним, а тщательно изучает его: господин аббат собирал материал для своей новой книги об африканских эволюэ. Не желая быть прототипом замаскированного или названного реальной фамилией героя, Патрис начал сторониться аббата, избегать встреч с ним.

Темплъс уже третий десяток лет проживает в Конго — обосновался в катангском промышленном городке Колвези, где много африканских рабочих, а все инженеры и техники — европейцы. Аббат выдвинул идею о бантуизированном христианстве, суть которой сводится к значительному упрощению церковного ритуала. Где, допустим, раздобыть столько органов для церквей? И кто в африканской провинции оценит божественные звуки? Где набрать столько органистов?

То, что сделал Темплъс, вызвало большие толки в католических кругах: по его указанию в церквях вместо органов устанавливались огромные африканские тамтамы! Некоторым рьяным защитникам выработанных веками ритуалов подобное новшество представлялось кощунством и посягательством на церковные устои. Однако Ватикан весьма сочувственно отнесся к деятельности катангского аббата. А реформатор пошел дальше: он ратовал за африканизацию духовенства, направляя африканцев на учебу в католические заведения европейских государств.

Дотошный католик приводил в своей книге обширный познавательный материал. Все факты, примеры и описания жизни конголезцев верные. На что обратил внимание европейский исследователь? На первозданную простоту жизни, на детскую доверчивость африканца, на цельность и неиспорченность его натуры, на обостренное чувство ко всякой несправедливости. Лумумба и сам бы добавил к таким книжкам сотни житейских примеров.

Когда он служил в городе Кинду, то был свидетелем такого случая. В районе Маньема, куда лишь начинали проникать европейцы, рубили лес, прокладывали дорогу на Букаву. Как-то повздорили два лесоруба, ссора закончилась убийством. Их было двое в глухом лесу. Убийца направился к европейскому предпринимателю. Африканец сказал ему:

— Накажите меня. Я убил человека...

— А где он?

— Я похоронил его в лесу. Я хочу отыскать его семью и взять ее на свое содержание.

— Но тебя посадят в тюрьму. Ты бы прежде подумал о своей семье.

— Мои родственники прокормят обе семьи...

У европейца не было времени, чтобы заниматься африканцем. Он набросил на шею преступника веревку и приказал ему идти в Кинду, в полицейский участок. Африканец шел два дня без пищи. Полицейского комиссара он просил об одном — чтобы скорее посадили. Камера предварительного заключения, куда он был водворен, ему не нравилась, и он требовал настоящего наказания в настоящей тюрьме.

Когда речь заходила о необходимости изгнания из страны всех белых, Патрис не соглашался и с этим. Вполне понятно, что какой-то африканец питает недобрые чувства по отношению к европейскому поселенцу. Но почему же все африканцы должны пылать ненавистью или любовью ко всем европейцам? Право на уважительное отношение завоевывается нелегко. Если ты презираешь отдельного африканца, который заслужил презрение, то в этом еще нет повода для обвинения в расизме. С какой стати европеец будет рассыпаться в комплиментах перед африканцем, если его сторонятся даже соотечественники? Нельзя пресмыкаться из-за одного цвета кожи. Притягательной силой служат характер, душевные и умственные качества, а не внешние признаки человека, не его пост или чин, не национальность.

В Бельгийском Конго европейские поселенцы жили очень рассредоточенно. Одиноким особнячком плантатора, затерявшийся в глуши, где обитает семья из пяти-шести человек, провинциальное одиночество, полнейшая изолированность от внешнего мира. Вокруг ни души, а хозяин командует сотней-другой африканцев. У него нет никакой охраны. Ведь эти сотни рабочих разбредаются на ночь по домам — за пять и более километров от места работы. С восходом солнца каждый на своем участке. Все держится на доверии, на понимании чувства долга. Закон сердца и природы. Последний дает о себе знать в сезон ливней: африканец вправе не выходить на работу, и никто не спросит с него ответа за прогул. Ливень объясняет все: недаром ребятишки кричат хором под ливневый плач: «Сиди дома, сиди дома!»

А когда устанавливается сухой сезон, плантатор отправляет скучающую дочку погостить к знакомым. Африканцы сооружают типон-паланкин с перекладинами из бамбука и хомутками из лиан. Девчонка садится, грузит подарки, еду, бутылки и термосы с водой. Берет в руки книгу и читает в дороге. Двое или четверо африканцев шествуют,

обливаясь потом, безропотно исполняя малейшие пожелания юной путешественницы. Они галантны и предупредительны. Зная их качества, плантатор не раздумывая отправляет любимое дитя в сафари.

На охоте африканец — образец самоотверженности. Он несет ружье, принадлежащее белому. На спине увесистый рюкзак. Идет впереди. И нередко случалось, что первый удар зверя он принимает на себя, спасая европейского охотника от увечья или даже от неминуемой гибели. Если белый охотник получил ранение, то он несет его на себе десятки километров.

А няни? Преданность их непередаваема. Европейская мама лишилась молока. Приглашают африканку. Она души не чаёт в белом ребенке, не расстается с ним и выхаживает его. Молоко черной женщины — белое, кровь африканца — красная...

Черное и белое, европейское и африканское давным-давно слилось в единый человеческий поток. Лумумба, наверное, десятки раз останавливался перед памятником скульптора Жака Марэна и архитектора Ван Монтфорта. Это в Леопольдвиле. Написано: «Белым и черным, погибшим в кампаниях 1914–1918 гг., в 1940–1945 гг.». Где? В Эфиопии, на Мадагаскаре, в Нигерии, в Бирме, Родезии, Уганде, на Среднем Востоке, в Восточной Африке... Изображены солдаты, согбенные, припавшие к земле, стоящие в рост, на коленях. Чугунные плиты скрасили различие в цвете кожи: металл — материал солдатского подвига, и ему чужд расизм! Памятник сделан хорошо и — честными людьми.

Черное и белое... Это не только названия ночных баров и шотландского виски: это и любовь. Европейцы женились на африканках, африканцы привозили из Европы бледнолицых белокурок красавиц. У них появлялись дети. Ими восхищались все, пока они оставались детьми. Взрослые превращались в мулатов, цветных и уже поэтому навлекали на себя презрение. Узы Гименея обращались в духовные цепи. Европейцы осуждали девушку из их круга, вышедшую замуж за негра, а африканцы не оставались в долгу и порицали своего собрата, женившегося на блондинке, так неприспособленной к африканскому быту.

Есть расизм белых, но нельзя забывать о существовании расизма черного. О нем гораздо меньше говорят и пишут, но он есть, этот страшный в своем примитивизме черный расизм. Иной африканец готов учинить физическую расправу над белым только потому, что он белый. Иной — что у него особняк и автомашина, что у него деньги и образование, связи и положение в обществе. Не каждый африканец, нет, но любителей погромов в кварталах для белых вполне достаточно. Их не меньше, чем европейцев,

готовых перестрелять сотни африканцев. Разноцветные грани расизма никем не измерены, не взвешены.

Одно время Патрис заинтересовался работами французского мыслителя-энциклопедиста Шарля-Луи Монтескье. В частности, его привлек трактат «О духе законов». Ему импонировало авторское кредо, сформулированное в словах: «Принципы свои я вывел не из предрассудков, а из самой природы вещей... Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие... Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага».

Выводить принципы из природы вещей, а не из предрассудков — это же подлинная философия банту! Но о ней ничего не знал французский мыслитель, писавший двести с лишним лет назад. Дух закона должен вбирать в себя дух народа. Лумумба знал, что все мироощущение африканца базируется не на отвлеченных понятиях, а на фактическом материале. Предельная конкретность мышления испокон веков присуща жителю жаркого континента. Витание в облаках ему не свойственно. Философ не только тот, кто сочиняет книги и читает лекции в университетах: им может быть и простой крестьянин, рассуждающий о смысле бытия.

«Крайности сочинений», о которых писал Монтескье, порой ставили Патриса Лумумбу в тупик. Иные европейские авторы захваливали африканцев и превращали их в ангелов, лишенных недостатков. Другие отводили европейцам роль благодетелей. Третьи кляли на чем свет стоит и африканцев и европейцев. «Крайности сочинений» сказывались и влияли на мировоззрение учащихся, студентов, интеллигенции. В кругах эволюэ, к примеру, велись дискуссии о географических открытиях. Лумумба читал Генри Мортон Стэнли, Давида Ливингстона, Страбона, Марко Поло, Васко да Гама, Генри Джонстона и Альфреда Шарпа, Маринеля и Делькоммюна, Юнкера, Спика, Бейкера, Клаппертон и многих других открывателей Африки. Обилие имен. Но вызывало досаду то обстоятельство, что среди исследователей не было ни одного африканца. Это задевало патриотические чувства. Географическая карта пестрит европейскими именами. В Конго не было ни одного крупного города с местным названием: Леопольдвиль, Стэнливилль, Кокийавиль, Альбертвиль,

Костерманвиль, Элизабетвиль... Континент, как утверждалось в школьных учебниках, открыт и исследован европейцами без участия африканцев. История целого континента началась с прихода европейцев. А что было до этого? Невежество, варварство, нищета и, как утверждают многие путешественники, людоедство...

Условность и натяжка в заслугах географических экспедиций бросалась в глаза. Вообще есть стремление всячески умалить вклад в географические открытия африканцев. Из отчетов следует, что знаменитые путешественники влекомы были какой-то интуицией, помогающей им совершать сенсационные открытия в дебрях Африки. Выли случаи, когда африканский следопыт вел, что называется, за руку заморского пришельца, показывал все, что того интересовало, а в Европе «открытие» приписывалось тому или иному путешественнику. Европейец своим поведением зачастую отталкивал от себя население: африканцы или скрывались в лесу, или прикидывались ничего не знающими. И пошли домыслы о лени и косности африканцев. Под боком у них великие реки и озера, кратеры и горы, а они не знают об их существовании, и приходится европейцам заниматься открытиями! Эти приемы Лумумбе представлялись непорядочными. Происходило ограбление африканца. Расписывалась мнимая пассивность банту.

А как падки европейские авторы до африканского быта, до тайных обрядов! Лумумба и хохотал и возмущался, когда читал сочинения врачей и миссионеров об африканских свадьбах, об интимной стороне супружеской жизни и многоженстве. Сочинять глупости о каком-либо европейском народе небезопасно: автора могут высмеять, уличить в невежестве. В школе Лумумба с товарищами устраивали суд над такими «горе-авторами. Собирались на школьном дворе, избирали «трибунал», выносили приговор: книжку с небылицами об африканцах прокалывали копьем, затем клали на тачку и увозили на захоронение...

Свадьба самого Лумумбы была веселой и торжественной. Его избранница, Полин Опанга, покорила всех скромностью, учтивостью, умением вовремя сказать нужное слово. Это произошло в 1952 году. Лумумбе было 27 лет. Он всегда называл Полин «моя девочка», всегда — даже когда появились дети. Играли свадьбу дважды — в Стэнливиле и в родной деревне Оналуа. Приехали друзья из Леопольдвилья. Там функционировал кружок САКО — общество авторов и композиторов Конго. Был и театральный институт, вокруг которого группировались любители африканской музыки, пения и танцев. Артист Пьер Канку, прибывший в Стэнливиль со своей труппой, был родом из провинции

Касаи и пел песни на языке чилуба. Он и открыл свадебные торжества...

...А книга о банту не давала ему покоя: он начал собирать материалы, намереваясь опубликовать ее в Брюсселе. Ему есть что рассказать и есть о чем поспорить... Нужно правильно понимать факты, природу вещей, как писал Монтескье. В Европе все еще удивляются, почему африканцы ходят в одних набедренных повязках...

Его друг Морис Мполо рассказывал, как много надо положить труда, чтобы приучить солдат носить обувь. При первой же возможности солдаты снимают ботинки, вешают их на штык и совершают многокилометровые переходы босиком. Настоящий африканский охотник никогда не пойдет в лес обутом: голая нога ступает мягко на землю, покрытую листьями и сушняком, и охотник бесшумно может приблизиться к хищнику на близкое расстояние. К слону, стоящему против ветра, можно подползти вплотную и рубануть тяжелым ножом по сухожилиям задних ног. Слон оседает в беспомощности, крутится на месте, и охотники добивают его.

Признаком отсталости считалось и то, что в африканском лексиконе отсутствуют слова «колесо», «колодец», «телега». Но если нет лошадей, то зачем обзаводиться телегами и колесами? Африканцы все грузы переносят на себе. И колодцы не нужны — питьевой воды вполне достаточно и без них. Бельгийцы расписывали «конголезских дикарей», тысячами согнанных на строительство железной дороги Леопольдвиль — Матади. Подрядчики привезли тачки: до этого их в глаза не видел ни один конголезец. Тачки набивали землей или щебенкой, взваливали на голову и несли в указанное место. Когда появились электрические карманные фонарики, то образованные бельгийцы насмерть запугивали ими африканцев. Фонарей боялись пуще огнестрельного оружия. Подойдет цивилизованный господин к африканской хижине в то время, когда там все спят, и начнет щелкать огненной игрушкой. Ночь, ничего не видно. В хижине поднимается паника. Семья выбегает наружу. Раздаются крики. А визитер заливается хохотом, довольный, что выискал еще одно доказательство дикости африканцев...

Африканец не так смеется — налицо проявление дикости. Он не владеет европейским языком — разве это не веское доказательство отсталости? Африканская женщина, тем более если она замужняя, ходит обнаженной до пояса — на что это похоже? Мать носит детей на спине, взваливает всю поклажу на голову — ну не варварство? Считаются католиками, а живут с тремя-четырьмя женами. А какое пренебрежение к обогащению, к накоплению! Ему бы вырученные деньги положить в банк или купить на них акции процветающей компании, а он собрал со всего

Конго родню и кормит ее. Эбеновое дерево, баснословно дорогое в Европе, африканец, не раздумывая, бросает в костер. Клыки слона идут у него на изгородь. Какая непрактичность! Разве эти люди когда-нибудь будут жить нормально? И какое неимоверно тяжелое бремя выпало на долю Бельгии! Нет, Бельгия не наживается за счет Конго, наоборот — она отдает чуть ли не последние накопления, чтобы цивилизовать конголезцев...

Все эти постулаты заучивались школьниками как таблица умножения, запоминались как собственное имя. В официальном учебнике утверждалось: «Деятельность колониальных держав дает полное основание утверждать, что прогресс, достигнутый африканским населением под их бескорыстным руководством, составляет предмет гордости и является наиболее светлой главой в истории западной цивилизации».

Так густо врать в самом Брюсселе не отважилась бы и самая проколониальная газетенка, в Конго же подобные формулировки преподносились школьникам. Как разобраться африканцу что к чему? И писали: «Закон от 12 августа 1925 года, согласно которому территории Руанды-Урунди присоединяются к Бельгийскому Конго... был на редкость прогрессивным. Все было организовано с учетом опыта, приобретенного за время управления Конго, а развитие этой территории является лучшим доказательством того, что методы управления были прекрасными. После второй мировой войны Бельгия продолжала насаждать культуру и развивать экономику. Ей удалось установить порядок среди местного населения. Колониальные власти продолжали борьбу против эпидемий и заразных болезней, насаждали систему образования, объединили туземцев в единой системе гражданских государственных служб и отдавали все силы ради улучшения моральной и материальной сторон их жизни. Бельгия развила производство сельскохозяйственных культур для экспорта и улучшила все виды земледелия. Она также подняла животноводство, организовав на местах курсы и чтение лекций. Бельгия создала в 1934 году Институт по изучению конголезского земледелия в Янгамби. Бельгия повсеместно создала национальные парки, чтобы сохранить поголовье диких животных. Она улучшила орудия производства, построила железные и шоссейные дороги, в результате чего значительно уменьшилась ручная переноска грузов...»

И все в таком же роде — в начальной школе, в специальных технических учебных заведениях, в только что открывшемся университете Лованиум. Неимоверное бахвальство пронизывало все: речи официальных представителей и рекламные брошюры, послания папских легатов и проповеди священников. Когда бизнесмены наводнили Конго и

Леопольдвиль превратился в современный город с многоэтажными зданиями и асфальтированными магистралями, о нем писали: «С закатом солнца конторы и фабрики закрываются. Тысячи велосипедистов едут по столичным улицам. Туземный город напоминает в эти часы Копенгаген. Сияют неоновые рекламы. Американские лимузины везут элегантных конголезок, одетых в яркие ткани. Маленькие керосиновые лампы, стоящие на земле между нарядно-броскими лотками на вечернем рынке, светятся в каких-нибудь ста ярдах от неоновых витрин, освещающих главную улицу Леопольдвилья. Массивные манговые деревья прошлого века постепенно уступают бетону. Цивилизованный и дикий, северный и тропический, Леопольдвиль наглядно демонстрирует соединение двух культур, двух цивилизаций, которые, пережив взаимное отчуждение, стараются в настоящее время лучше понять друг друга и объединиться. Посмотрите: виртуоз пианист, кумир лучших концертных залов Европы, выступает перед избранным туземным обществом. А в то же самое время черный художник выставляет свои картины в самом большом банкетном зале африканской столицы».

Какой-то колониальный бакалавр соорудил исследование, в котором с соответствующей эрудицией доказывал, что Бельгия в Конго начала с нуля. Обращаясь к прошлому веку, подающий надежды ученый подчеркивал то обстоятельство, что Бельгия активно выступала против работорговли.

Одно открытие следовало за другим: Бельгия, оповещал бакалавр, организовала конголезское общество без расовой дискриминации. Конголезская демократия сливается с традиционной бельгийской, о чем каждый день вещает по радио первый конголезский диктор мадемуазель Кабало. Бельгия не намерена нарушать африканские традиции: она поддерживает их и сохраняет клан как основу конголезского общества. В бельгийско-конголезской коммуне вожди племен занимают достойное почетное место. Бельгия в высшей степени уважает философию банту. Суть этого бельгийского колониального взгляда на конголезское общество такова: оно должно застыть, законсервироваться, очистившись от некоторых недостатков, шокирующих цивилизованных европейцев. Пусть африканец остается в саваннах и джунглях. Пусть он слепо подчиняется вождю деревни и племени: бельгийские франки сделали свое дело, и относительно лояльности вождей не может быть сомнений. Африканец покорен властям тогда, когда он проживает в своей хижине. В этом случае он не утрачивает своих добрых качеств. Его развращает городская обстановка. По своей природе африканцы — ораторы. Дай им волю, и они будут митинговать сутками, забросив свои занятия. Европейца образование

возвышает, африканца оно портит. Поэтому все должно быть умеренным. Африканец ни в коем случае не должен забывать, что он негр и что его ведет к прогрессу и процветанию европейская держава...

В некоторую благотворность бельгийского влияния Лумумба верил, хотя эта вера все более подтачивалась и таяла. По крайней мере, он считал, что без Бельгии Конго не сможет нормально развиваться и существовать. Стэнливилль укреплял его взгляды. В городе существовала коммуна батетела: Лумумбу избрали президентом землячества. Рамки этой общины, родной и близкой, казались ему тесными, а в ряде случаев консервативными. В 1955 году он становится одним из руководителей бельгийско-конголезской ассоциации, в создании которой принимал активное участие господин Отрик, президент богатейшей компании «Бельжика». Капиталист, который никак не желал, чтобы его считали капиталистом.

Крупный колониальный чиновник Воссери выступал с иных позиций: он заявил, что полностью согласен с Патрисом, когда он требует независимости для Конго. Но, по его мнению, политика не делает человека великим в наше время. Лидеры политических партий или продажны, или жалки сами по себе. Лучше вовремя отойти от этого неблагодарного занятия. Он, Воссери, бельгиец, преклоняется перед литературным талантом Лумумбы.

— Если ты согласишься, — откровенничал он, — то я тебя устрою в одном из лучших университетов Бельгии. Ты будешь читать лекции по истории, географии и этнографии. Популярность тебе обеспечена. В Брюсселе будешь издавать свои книги. Ты по призванию ученый, аналитик. В Бельгии ты будешь членом многих обществ и университетских коммун. Мне нужно твое согласие...

В Кизангани существовали и религиозные секты: «Свидетели Иеговы», кинтвади, пророка Дьедоннэ, миссия черных, движение хаки, организации «Армии спасения», секта китавала и многие другие. Из лесного массива Итури прибыла в Кизангани большая группа пигмеев и создала свое общество, которое провозгласило своим лозунгом: «Пигмеи — тоже люди». Были переселенцы из Уганды, Южного Судана, из Руанды и Бурунди. В Конго они выискивали политическую партию или лидера, с которыми они смогли бы соединить свою судьбу. Секта китавала была запрещена, члены ее действовали подпольно. Они собирались в ночное время и каждый раз в новых местах. Лумумба ходил к ним, и они считали его своим человеком, доверяли ему. Секта присылала ему извещения: приглашали на собрание. Адреса не указывали. Но африканец, который

вручал послание, изъявлял готовность быть проводником. Неудобно было отказываться, и Лумумба согласился пойти к отцам китавала.

И им нужен был вождь. Членами секты китавала были одни африканцы. Главное требование — Африка для африканцев. Движение выступало также за равенство в оплате независимо от национальности рабочего. Антиколониальная направленность была очевидна. Что же такое китавала в политическом плане? Подземный ручей, которому так и не суждено пробиться на поверхность. Конспиративность секты настораживала бельгийские власти, которые обвиняли китавала в тайном отправлении обрядов, запрещенных законом. Африканец, вступая в секту, давал торжественную клятву, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сознается, не раскроет своего членства, не выдаст руководителей.

Лумумба так ни о чем и не договорился с лидерами китавалы. Он не смог убедить их в том, что сектантское движение в силу его узости и ограниченности не в состоянии решить общеконголезских проблем. Нужно мощное национальное течение, которое бы вобрало в себя отделения в провинциях, городах и деревнях. Как найти слово, объединяющее всех конголезцев независимо от религиозных и племенных различий?

Лумумба основывает газету «Ухуру» («Свобода»), Материалы публиковались в ней на двух языках — французском для интеллигенции, и для сельского населения провинции — на суахили. Он начинает издавать еженедельник «Индепенданс». По инициативе Лумумбы создается Национальный союз конголезских трудящихся. В 1955 году он избирается председателем провинциальной секции профсоюза служащих-африканцев. Он писал статьи для газеты, тираж которой все время возрастал, сочинял стихи и отправлял их то в Брюссель, то в Париж, выступал на митингах и собраниях и в городе, и за его пределами.

В 1956 году Лумумба с группой конголезцев побывал в Брюсселе: перед Всемирной выставкой, открытие которой готовилось в бельгийской столице, шла усиленная идеологическая обработка африканцев. Лумумбу приглашали министры, лидеры бельгийских политических партий. Ему предлагали высокий пост в министерстве колоний. Отказался. Ну, а согласен ли он быть бургомистром Леопольдвилья? Нет, и на это не согласен. Тогда колониальные власти испробовали другой метод: Лумумбу арестовали. Он отбыл шесть месяцев предварительного Заключения. Первое знакомство с конголезской тюрьмой состоялось. Выйдя из заключения, Лумумба собирает своих единомышленников и обсуждает с ними устав новой политической партии: Конголезское национальное движение (НДК) заявило о себе в октябре 1958 года. Он все реже

встречается с либералами и социалистами: в Кизангани белые поселенцы создали либеральную партию и социально-христианскую. И в ту и в другую входило несколько африканцев — преимущественно эволюэ.

После возвращения из Аккры Лумумба вместе с другими конголезскими делегатами опубликовал манифест с требованием независимости для Конго уже в 1960 году. С этого момента началась колониальная кампания против «учеников Нкрумы и Секу Туре», против «конголезских коммунистов». Лумумба несколько раз выступал в Леопольдвиле: нигде до этого он не собирал такой большой аудитории. Он проводил мысль о едином и неделимом Конго. Касавубу поддерживал эти требования, иногда сопровождая их оговорками насчет того, что относительно незначительных расхождений во взглядах партий можно будет легко прийти к соглашению после независимости. На митинге в общине Калуму Лумумба заявил:

— Бельгийский колониальный режим переживает в настоящий момент самый острый кризис за все время своего существования. Бельгия не в состоянии справиться с национальным движением миллионов конголезцев. Ее африканская политика зашла в тупик. В одном Леопольдвиле насчитывается около двадцати пяти тысяч безработных. Они не получают никакого пособия. Правда, сердобольная администрация находит выход из положения в том, что за свой счет — подумайте: какое разоренье! — покупает билеты этим нищим людям, чтобы они отправились в провинцию. А что ждет их на родине? Конголезца изгоняют из родной столицы. Киншасу хотят превратить в город белых поселенцев. Оказывается, мы с вами мешаем благополучию господ капиталистов. Что нам делать в так ж ситуации? Выход в борьбе, дорогие соотечественники! Высылка африканцев — это провокация с негодными средствами и целями. Полицейские сейчас заняты переписью иноплеменных, они пока что оставляют в покое жителей Баконго. Таким образом, бельгийцы намерены поссорить национальности нашей страны и учинить межплеменную резню. Братья, держитесь вместе! Все мы — сыны и дочери единого Конго. Перед нами Юдин враг. Кто из вас поверит, что колонизаторы лучше относятся к народу баконго, чем к другим национальностям?

Полицейские схватили Лумумбу, отвезли в участок, но вскоре выпустили. Репрессии властей усиливались. Единственная конголезская газета, выходящая в Леопольдвиле под названием «Конго», была запрещена. Полицейские рыскали в африканских кварталах.

Четвертого января 1959 года в квартале Фонкобель была подожжена полицейская автомашина. В этом квартале находились торговые дома

португальских и греческих бизнесменов. Начались погромы. Народ вышел из-под контроля: прибывшие полицейские были разогнаны толпой. Усилия абаковцев, которые пытались сдержать разъяренную толпу, ни к чему не привели. Конголезцы поджигали дома всех европейцев, грабили магазины. На подавление стихийно вспыхнувшего мятежа прибыли воинские части из Тиесвиля и военной базы Камина. Пролилась кровь. Несколько африканцев было убито. Много ранено. Броневики мяли африканские хижины, прочесывали улицы из пулеметов. Через несколько дней с восстанием в Леопольдвиле было покончено. В Брюсселе бельгийский монарх выступил по радио с заявлением. «Ныне, — говорил король Бодуэн, — мы полны решимости вести конголезское население в условиях процветания и мира к независимости, избегая при этом как пагубных проволочек, так и неразумной поспешности».

Патрис Лумумба вскоре был снова арестован. Это произошло в Стэнливиле. Полицейские шпики давно ждали своего часа. На одном из собраний провинциального отделения партии Национальное движение Конго разразился скандал: в зал были подсланы провокаторы. Началась свалка. Полицейские применили оружие. Свыше пятидесяти конголезцев убито, около двухсот ранено. Лидера НДК объявили человеком, который подбивает конголезцев к выступлению против «законной власти» и подрывает безопасность Бельгийского Конго. Одновременно компания «Браконго», занимающаяся производством пива, предъявила денежный иск Лумумбе, коммерческому директору стэнливилевского пивного завода. Лумумба был приговорен к шести месяцам тюрьмы и направлен в Катангу, в тюрьму города Жадовиля.

Подвергся заключению и Жозеф Касавубу. Сразу же после леопольдвильского мятежа партия АБАКО объявила о формировании временного правительства Республики Нижнее Конго. Ему вменялось в обязанности вступить незамедлительно в переговоры с Бельгией, чтобы определить характер будущих взаимоотношений между двумя «суверенными странами».

Философские рассуждения о банту разлетались вдребезги: у конголезцев, как показали события, нет ни покорности, ни чувства признательности к Бельгии, чего она так долго и так упорно добивалась. Идея о бельгийско-конголезской коммуне терпела полное фиаско. Конголезец требовал не опекуна, не снисходительного отношения к себе, а свободы и суверенитета. Вопрос о равенстве, рассматриваемый ранее как проявление наглости этих отсталых банту, в новой ситуации приобретал права гражданства и ложился на стол переговоров между

ответственными деятелями Бельгии и Конго.

Леопольд Сенгор, поэт, философ и государственный деятель Сенегала, писал свои эссе, в которых доказывал с присущим ему блеском и фундаментальным знанием материала существование особого мира африканской души, ее отличия от других. Африканские интеллигенты учились и учатся на книгах Сенгора. Каждая его новая работа превращается в предмет острых споров. Ему принадлежит тезис об отсутствии классов в африканском обществе. Он утверждает, что до прихода европейцев уклад жизни в странах Африки был социалистическим. Сенгор неустанно доказывает: движущей, определяющей силой общества является духовная деятельность человека.

Распространенное мнение, заложенное в высказывании Киплинга о том, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток и им никогда не понять друг друга, в современных условиях не устраивало ни европейцев, ни африканцев. История властно диктовала взаимное сближение, а оно могло прийти лишь с предоставлением независимости угнетенным народам Черного континента. О помыслах банту говорилось и в стихотворении поэта Лумумбы:

*Плачь, мой любимый черный брат,
в тысячелетях скотской ночи!
Твой прах развеян по земле самумами и ураганом.
Ты, некогда воздвигший пирамиды
Для всех своих державных палачей,
Ты, загнанный в облавах, ты, разбитый
Во всех боях, где сила торжествует,
Ты, затвердивший в школе вековой
Один лишь лозунг: рабство или смерть!
Ты, прятавшийся в джунглях безысходных,
Встречавший молча тысячи смертей
Под маскою болотной лихорадки,
Иль под клыкастой маской зверя,
Или в объятьях топкого болота,
Душивших постепенно, как удав...
И день пришел, когда явился белый.
Он был хитрей и злее всех смертей.
Выменивал он золото твое
На зеркальца, на бусы — безделушки.
Насиловал твоих сестер и жен,*

И спаивал твоих сынов и братьев,
И в тюрьмы загонял твоих детей.
Тогда гремел тамтам по деревням,
И люди узнавали, что отчалил
Чужой корабль к далеким берегам,
Туда, где хлопок — бог, а доллар — царь.
Приговоренный к каторге бессрочной,
Работавший, как вьючная скотина,
Весь день-деньской под беспощадным солнцем,
Ты был обучен славить в песнопеньях
Их господа и распят был под гимны,
Сулившие блаженство в лучшем мире,
И только одного просил у них —
Позволить жить тебе, позволить жить.
И у огня в тревоге, в смутных грезях
Ты изливался в жалобных напевах,
Простых и бессловесных, как тоска.
Случалось, ты и веселился даже
И вне себя, в избытке сил плясал.
И все великолепье возмужанья,
Все сладострастье юное звучало
На медных струнах, в бубнах огневых,
И в этой мощной музыке начало
Из ритма джаза выросло, как вихрь,
И громко заявило белым людям,
Что им принадлежит не вся планета.
Ты, музыка, позволила и нам
Поднять лицо и заглянуть в глаза
Грядущему освобожденью расы.
Пусть берега широких рек, несущих
В грядущее свои живые волны,
Твоими будут!
Пусть жаркое полуденное солнце
Сожжет твою печаль!
Пусть испарятся в солнечных лучах
Те слезы, что твой прадед проливал,
Замученный на этих скорбных нивах!
Пусть наш народ, свободный и счастливый,
Живет и торжествует в нашем Конго,

Здесь, в самом сердце Африки великой!

Лумумба много читал: книги западных авторов раскрывали перед ним историю и характер европейского человека, и это спасало его от одностороннего подхода при оценке деятельности Бельгии в его родной стране. И Бельгия неодинакова, как неодинаковы Англия, Франция, Соединенные Штаты и другие страны. Как же можно говорить о философии банту, если нелепо представлять политику или мировоззрение бельгийского народа как нечто единое и монолитное? Банту проживают не только в Конго, но и во многих районах африканского континента. Банту Конго лишь понаслышке знают о банту Уганды, Кении или Танганьики. Банту Центральной Африки отличаются от банту Восточной или Западной Африки не меньше, чем фламандцы от валлонов. Само понятие «банту» — совершенно условное, введенное в употребление для удобства. В одной семье бывают люди с совершенно разными характерами и взглядами. Что же сказать о банту, коих миллионы во всей Тропической и Южной Африке?

Он приходил к выводу, что нельзя противопоставлять Африку Европе, несмотря на огромный вред, нанесенный Черному континенту европейскими поселенцами. Лумумба сказал: «Наше движение не означает бунта против белых. У нас один-единственный враг — колониализм, а вовсе не люди европейского происхождения».

Лумумба верил в революционную, демократическую Европу. Из философии банту он брал одно рациональное зерно — необходимость борьбы за свободу.

Короли, вожди, президенты

И язык и племя имеют одно и то же название — баши, или кинья бонго. Расселившись в провинции Киву, баши имеют несколько родов или кланов: кабаре, варега, нгвеше, пиангези, катана, бахоле, мутанта, никязиба, панинджа и другие. У каждого клана имеется свой вождь: клан объединяет порой десятки деревень, в каждой из которых тоже есть вожди.

Верховный вождь, мвами, пригласил на совет много муфрума и мнуганга, то есть знахарей и волшебников. Они и выбрали после многодневных трудов Ньякигимба — Добрый холм, где наконец и поселился избранник династии Кабаре. У него не менее 100 тысяч подчиненных. Его родитель поклонялся фетишам, а сын пошел в ногу со временем и принял католичество, как и большинство грамотных конголезцев. Так и стал мвами Александр Кабаре полновластным хозяином значительной части провинции Киву.

Вождь переходного периода. От каких-то традиционных обрядов, клановых ритуалов и поверий он отказался: жизнь идет вперед, а с нею и вожди. Александр Кабаре запретил идолопоклонство и лично уничтожал статуи божков, когда обнаруживал их в домах африканцев. Он стоял за то, чтобы его подданные носили европейскую одежду, чтобы дети их посещали школы, хотя школ почти не имелось, а на европейские костюмы не у всех хватало денег. Прогресс состоял и в том, что мвами охотно заменял натуральный оброк денежными приношениями. Но и тут не все было ладно — в королевстве Кабаре жители так мало имели в своем распоряжении благородного металла, отчеканенного в виде монет в той же Европе! Выход современный король нашел в том, что отправлял африканцев на различные работы, а их заработную плату получал сам.

Город Букаву, который не, являлся его вотчиной, но где трудились многие сотни подданных мвами, считался чуть ли не лучшим в Конго. Он разместился на изящной узкой стрелке озера Киву, занял сравнительно небольшую долину и поднимался, расстраиваясь, все выше и выше в горы. Конголезская Швейцария — так называли город справочники. В Букаву насчитывалось около 50 тысяч населения: почти пятая часть его приходилась на европейцев. Кого тут только не было! Бельгийский натуралист, увлекавшийся сбором африканских бабочек, индийский магараджа, проводивший время на охоте, греческий торговец, израильский банкир, американский консул, французский парфюмер, итальянец, владевший

модным кафетерием, англичанин, открывший яхт-клуб, пакистанские и индийские плантаторы, инженеры из бывших русских подданных, пристроившиеся на золотых рудниках. В титулах не было недостатка: князья, бароны и другие превосходительства. Например, фон Пален — сыночек того самого Палена, который служил последнему царю России.

Между европейским обществом и верховным вождем установились замечательные отношения. Особенно примечательна была светская сторона общения: в день рождения, в праздники монарх Кабаре получал разнообразные подарки. В особнячок на холме слали все — от индийского сари до смирновской водки. Не оставался в долгу и его превосходительство Александр. Время от времени он приглашал к себе любителей африканской экзотики и закатывал пиры. Приглашался прославленный танцевальный ансамбль из Бурунди «Чангве ету», в котором подбирались солисты ростом в два метра двадцать сантиметров. Фантастические прыжки в высоту сменялись мягкой, лебединой поступью, а песня мирных пастухов переходила в грозный воинственный напев. Изготовив луки, натянув тетивы и вытащив из колчанов боевые стрелы, батутси молниеносно бросались к публике и застывали, вызывая у нее оторопь. Разрядку вносили женщины. Они выбегали стайкой почти обнаженные и бились час, другой, третий в жарком африканском танце. И когда некоторые из них падали, то невозможно было определить — не то от усталости, не то по определенному заранее плану.

На площади устраивались выводы коров уджиджийской породы — красавиц с могучими лирообразными рогами, украшенными золоченой и посеребренной фольгой. На шеях животных висели разнокалиберные колокольчики, издающие звон. Кожа их лоснилась от пальмового масла. Копыта аккуратно обрезаны, выкрашены краской. Пастухи, ведущие их на поводу, одеты в длинные расшитые тоги. Священнодействовали барабанщики, взвалившие свои инструменты на головы. Воинскую выучку демонстрировала личная охрана верховного вождя, его детище, его гордость. Хор избранных, от которых всегда пахло пивом из банановой муки, исполнял величальную песнь великому хозяину. Судя по словам песни, такого правителя никогда не бывало ни в самом Конго, ни за его пределами...

В Букаву, кроме организаций землячества, действовали кружки, создавались политические партии. Особую активность проявляла Федерация бывших фронтовиков. В нее вошли люди с военной закалкой, побывавшие с войсками союзников на африканских и европейских театрах военных действий. Благословенная Киву с ее мягким климатом, земельной

дешевизной, рабской покорностью населения объединила людей всех национальностей, отшлифовала их былые крайности в мировоззрении и слила в один кулак колонистов. Свои взгляды они излагали открыто, а меморандумы и пожелания направляли в Брюссель. Требования сводились к следующему: бельгийское правительство должно гарантировать всеми имеющимися в его распоряжении средствами частные инвестиции бельгийских подданных в Конго; всемерно усиливать власть конголезских вождей и местной знати; вести беспощадную борьбу с политическими демагогами, которые подбивают конголезцев на необдуманные действия. В требованиях содержался призыв к тому, чтобы исключить женщин — и европейских и африканских — из политической жизни колонии. Политикой должны заниматься ответственные лица, то есть плантаторы, бизнесмены, предприниматели. Собираясь вечерами, колонисты живейшим образом обсуждали все перипетии, связанные с положением в колонии. На всякий случай они выработали план разрыва с Леопольдвилем, выхода из Конго. Они помышляли о создании федерации Центральной Африки, которая бы включила в будущем Киву, Катангу и Родезию. В дальнейшем это объединение богатейших земель Центральной Африки могло бы вступить в контакт с Южной Африкой. Материальные и финансовые предпосылки для такого шага уже налицо: многие бельгийские, американские, английские и западногерманские компании имеют свои филиалы и в Киву, и в Родезии, и в Катанге, и в Южной Африке.

Бельгиец Вэн официально значился функционером: на этот пост назначались люди, умеющие ладить с местными конголезскими вождями, знающие язык африканцев. Они являлись связующим звеном между колониальной администрацией Леопольдвилья и всеми теми, кто представлял конголезский народ в провинциях. Они отлично знали обстановку на местах. У них хорошие контакты с вождями, с руководителями политических партий, с провинциальными органами управления.

Господин Вэн с его услугами появился на колониальной арене как раз тогда, когда к сложившимся и апробированным жизнью институтам (бельгийские власти — местный вождь) прибавился третий, совершенно незнакомый элемент в виде африканских политических партий. Проколониальные группировки поначалу стремились выдать себя за представителей всего конголезского народа. В провинции Киву существовал так называемый Прогрессивный сельский альянс, в который входили плантаторы. Альянс поддерживал вождей, вожди ратовали за альянс.

Функционер Вэн сам редактировал меморандумы и заявления альянса. В одном документе содержалось заявление о том, что независимость в Конго немыслима без превращения конголезцев в... бельгийских граждан! Одна партия так и называлась — Бельгийский союз конголезских жителей. В союзы принимались бельгийцы, и эти ряженые участвовали в собраниях, на которых неграмотное население деревень «единодушно» голосовало за пространные резолюции об уважении бельгийцев, о благодарности конголезцев метрополии.

Мнение вождей выдавалось за мнение всего народа. Грубость такого подхода замечали и сами защитники колониального режима.

Положение в Киву не являлось исключением. Мода на создание политических партий перебросилась на Катангу. Исторически сложилось так, что Катанга заняла ведущее положение в экономике и финансах. Промышленно развитая провинция претендовала на особую роль в любом Конго — в бельгийском, колониальном, и в конголезском, независимом. Бельгийская прослойка в Катанге была значительно многочисленнее, чем в других районах страны. Профессора и преподаватели из бельгийского института «Сольвей» создали Конголезскую социалистическую партию. Католические миссии имели свою партию — Конголезский прогрессивный союз. Колонисты не оставались в долгу: появился Катангский союз. Бельгийский адвокат Рю'ббенс, либерал по убеждениям, сколотил Конголезский союз. Томас Чомбе возглавил Национальное движение для защиты сельской среды.

Его родной брат Моиз Чомбе создал Катангское объединение — КОНАКАТ. Партия отстаивала необходимость сотрудничества с Бельгией, чем и привлекала в свои ряды европейских поселенцев. Делая реверансы в сторону бельгийских компаний, КОНАКАТ стремилась заручиться поддержкой и местного населения, в частности рабочих, занятых в «Юнион миньер». В одном из заявлений партии говорилось о желании привлечь к управлению горнопромышленными предприятиями африканцев. КОНАКАТ пропагандировала идею о децентрализации власти, о создании из конголезских провинций «будущих федеративных штатов». Каждая составная часть проектируемого бельгийско-конголезского сообщества сохранит свою внутреннюю автономию.

Вначале компания «Юнион миньер» довольно прохладно относилась к партии Моиза Чомбе. В силу чисто экономических причин промышленники были заинтересованы в сохранении единого Конго. Руководителей «Юнион миньер» настораживало то обстоятельство, что Чомбе выступал против привлечения на работу конголезцев из других провинций и из соседних

африканских стран. Компании легче было эксплуатировать раздробленных рабочих, разъединенных языковыми и этническими перегородками. Но таких пролетариев труднее было объединить КОНАКАТу. В пригороде Элизабетвиля — Катуба — проживало до тридцати национальностей! Среди них были батраки из Малави и Бечуаналенда, квалифицированные рабочие из Родезии и Южной Африки, выходцы из Азии. Подобные поселения существовали и в других городах промышленной Катанги — Жадовиле, Колвези, Луилу. Катангский пролетариат находился в стадии формирования, был организационно и политически слаб. Классовые интересы подменялись региональными, клановыми, этническими соображениями. Интересы племен диктовали политику вновь созданным партиям. В это слабое место национально-освободительного движения и метили колониальные провокаторы.

Почти одинаковое влияние КОНАКАТ и БАЛУБАКАТ определялось почти равной численностью населения двух различных племен, а не прогрессивностью или реакционностью партийных программ и заявлений их лидеров. Картель БУЛАБАКАТ, как тогда говорили в Конго, качало ветром. Если договоренность с партией Лумумбы можно было при поверхностном подходе истолковать как союз на политической или даже на идеологической основе, то блокирование с Альбером Калонжи у БАЛУБАКАТа произошло на основе этнической общности. Впрочем, на первой робкой стадии своей политической карьеры Альбер Калонжи примыкал к позициям Патриса Лумумбы и входил в руководящее ядро партии Национальное движение Конго.

В Касаи фамилия Калонжи весьма распространенная. Эварист Калонжи — брат Альбера, был президентом Движения солидарности балуба. Сенатор Исаак Калонжи вошел в коалицию с картелем БАЛУБАКАТ, с ФЕДЕКА и АТКАР. У него были прекрасные взаимоотношения с Жозефом Касавубу и его партией. Тимофей Калонжи, президент объединения «Нгонга Мулуба», сколотил свою партию в Леопольдвиле из касайских беженцев. Был жив еще Герман Калошки, отец Альбера и Эвариста, также принимавший участие в политических делах. Эммануэль Мокупа Калонжи возглавлял провинциальное бюро партии Альбера Калонжи, отделившейся от лумумбистского движения. Раскол в партии Национальное движение Конго произошел летом 1959 года: Жофер Илео. Альфонс Нгувулу, Сирил Адула и Альбер Калонжи, входившие в состав руководства партией, обвинили Лумумбу в узурпировании власти и демонстративно вышли из НДК. После этого в Касаи начали создаваться новые партии. Кроме лулуа (400 тысяч) и балуба (500 тысяч), там

проживали басонге, батетела, бачоко, бамиенде, бакуба, бабипджи, бакуалупту, бакете, басаланпасу, балуалуа и другие более мелкие этнические группы. Один за другим возникали союзы и картели всех без исключения племен. Межфедеральное объединение выходцев из Касаи в Леопольдвиле имело свои партии и союзы. После разрыва с Лумумбой Альбер Калонжи направил свои усилия на то, чтобы обосноваться в конголезской столице и шумными демонстрациями своих приверженцев доказать колониальным властям, сколь велик авторитет лидера, противопоставившего себя Лумумбе.

В Кокийавиле возникла Партия национального прогресса — ПИП. Африканцы переделали ее в «пепепе», что на языке лингала означает «продажная». Ее еще звали «партией подкупленных африканцев». В Экваториальной провинции Жан Боликанго обнародовал манифест о создании Объединенной партии конголезцев — ПУНА. Многие партии назывались социалистическими, народными, патриотическими, африканскими и т. д. Каждое племя старалось не отстать от другого. Возникали Партия защиты парода лулуа, Объединенное движение басонге, Коалиция касайцев, Союз народа баянзи, Объединение племени монго. В 1960 году было зарегистрировано свыше 40 политических партий.

Дробность течений и направлений была поразительна. В провинции Леопольдвиль в апреле 1959 года возникла Партия африканской солидарности. Главенство АБАКО было поколеблено. В комитет новой партии вошли: Антуан Гизеига, Клеофас Камитату, Пьер Мулеле, Габриэль Юмба, Рафаэль Кинки, Массена, Мулунду и другие. Жозеф Касавубу по замедлил с предложениями: он направил своих представителей к Антуану Гизенге, с тем чтобы выработать единую программу действий. Партия африканской солидарности не спешила с ответом. Она заняла выжидательную позицию. Гизеига несколько раз встречался с Патрисом Лумумбой.

Вожди и президенты партий получили возможность высказать свои взгляды на страницах печати. АБАКО заявило о своем намерении объединиться с Браззавильским Конго. Газета «Ремарк конголез» писала: «Белый будет находиться в пашен стране в большей безопасности, чем у себя на родине. Его капиталы дадут богатые прибыли. А его участие в административных органах обеспечено». Вождь из Восточной провинции Эбандромби изложил свою программу в следующих словах: «Ни одни колонист не отнимал у нас земель... Мы хотим работать рука об руку с европейцами, которые стали, как и мы, жителями нашей страны. Между колонистами и нами не может возникнуть никаких разногласий».

‘Жозеф Касавубу в это время подружился с Панзу Фумукула, киамфу, королем племени банка. Тот выступал за немедленное изгнание всех европейцев и в первую очередь бельгийцев. В сложном политическом водовороте можно было, однако, уловить некоторые закономерности: о них писала газета «Авенир», издающаяся на бельгийские деньги. «Прежде всего следует отметить, — констатировала газета, — что патернализм не оправдывает себя и что Бельгия сохранит в запасе козыри на будущее, если она согласится обдумать свое отношение к имеющимся в настоящий момент перед ней двум диаметрально различным течениям общественного мнения в Конго. Предельно четкий раздел пролегает между теми, кто посматривает на Аккру или другие места, и теми, кто в отчаянии обращается к Бельгии».

Аккру вспоминали частенько. В глазах колонизаторов Гана при Кваме Нкрума была олицетворением нового африканского государства, которое намерено последовательно бороться с засильем империалистов и постепенно вытеснять позиции сильнейшего британского хищника. Коммунистический ярлык приклеивался к ней ради того, чтобы отпугнуть от подобного направления конголезцев, раздумывающих над выбором пути. Да, многие видели будущее Конго в тесном союзе с Бельгией. Нельзя такие взгляды назвать проколониальными: союз с метрополией диктовался практическими соображениями. Перед независимостью ни о, на политическая партия в Конго не выступала за разрыв бельгийско-конголезских отношений. Националисты всех оттенков возлагали надежды на Бельгию с ее фундаментальными позициями в экономике колонии. Сложность политической ситуации определялась и противоречиями между националистическими партиями Конго и Бельгией, и раздорами между самими конголезцами.

Незрелость политического движения в Конго — результат исторического процесса. К руководству партиями пришли служащие средней руки. Почти все они длительное время вращались в бельгийской сфере обслуживания и без опекунов Бельгии не мыслили своего существования. Клерк компании или банка отрывался от родной почвы: он ушел из деревни или города, оставил семью, его воспитавшую, и в значительной степени утратил, растерял характерные черты своего народа. Образование у него жиденькое: он ничему серьезному не учился. Бельгийские курсы и школы, куда принимались конголезцы, готовили служащих, пригодных лишь для работы в колониальной стране.

В мае 1959 года Национальное движение Конго опубликовало свою первую программу. В ней говорилось о необходимости создания

независимого демократического государства Конго, о проведении всеобщего голосования. Программное заявление партии осуждало расовый подход к разрешению национального вопроса. В экономической части программа предусматривала пересмотр статуса монополий и компаний, введение твердой заработной платы для конголезцев. Говорилось и о «разумном уважении» европейских вложений в конголезскую экономику. Национальное движение Конго разработало программу социального обеспечения трудящихся, о чем ни слова не говорилось в программах других партий. Был выдвинут лозунг об обязательном школьном обучении. Значительное место отводилось работе партии с молодежью, привлечению к движению женщин. Съезд партии, проходивший в Лулуабурге, осудил федералистские тенденции, проявляющиеся в тактике многих союзов и организаций. Национальное движение Конго наживало врагов внутри страны...

Король Каса, постоянно сидевший в Леопольдвиле, приглашал лидеров наиболее влиятельных политических партий в столицу, вырабатывая с ними общую программу действий. Партия африканской солидарности, имевшая солидные позиции в районах Кванго и Квилу, поддерживала федералистские тенденции АБАКО. Партия Жозефа Касавубу претендовала на исключительное положение и выставляла себя единственной, имеющей законное право вести переговоры с бельгийским правительством от имени всего Конго. Любое посягательство на это право встречалось в штыки. Появление новых партий в Баконго причиняло беспокойство деятелям АБАКО, но, оказавшись перед фактами, они стремились подчинить себе руководителей новых объединений. Сам Касавубу смотрел скептически на возможность создания единой конголезской партии, как и единого Конго: эти лозунги он относил к митинговым, которым никогда не суждено будет прочно осесть на конголезской земле. Он находил собеседников, разделяющих его точку зрения. Однажды в Леопольдвиль прилетел Моиз Чомбе. Они и до этого встречались, но на этот раз основательно поговорили и остались довольны беседой.

Касавубу обрадовался прибытию катангского гостя. Пожалуй, никто, кроме Моиза Чомбе, не имел таких связей с бельгийскими государственными деятелями. С ним вели беседы министры из Брюсселя, миллионеры катангских компаний, профессора, публикующие статьи и книги о будущем Конго. Политическую атмосферу в бельгийской столице он знал в деталях.

Чомбе преуспевал и как политик, и как предприниматель. Он умел

ладить со всеми: с вождями, с бельгийскими капиталистами, с католическими священниками, со своими сторонниками и противниками. При случае разносил в пух и в прах бельгийцев, но в их компаниях состоял держателем акций. В городах Катанги и самом Элизабетвиле имел свои отели и магазины. Частную собственность он уважал, поскольку сам являлся собственником. Чомбе был прирожденным оратором — он в любой момент готов был произнести импровизированную речь. Он оперировал примерами, взятыми из практики всех стран современного мира. На митинге рабочих возьмет и скажет, что в Советской России нет безработицы, а в Катанге она есть. Он заявлял о том, что народное образование и медицинское обслуживание он организует с помощью советских специалистов, которых пригласит, как только Катанга станет независимой. Соединенные Штаты хвалил за дух предпринимательства, но резко критиковал за расистскую политику по отношению к «негритянским братьям».

Все это импонировало Жозефу Касавубу, который в частных беседах развивал мысль о том, что он отдает все свои силы и способности народу баконго и Конго.

С Патрисом Лумумбой Касавубу был в более простых отношениях, хотя и расходился с ним во взглядах. С Чомбе они были во многом единомышленниками.

Чомбе первым начал задавать вопросы, волновавшие его.

— Как себя ведут бельгийцы в нашей столице? — спросил он.

— Вы прекрасно знаете, уважаемый гость, что столица бельгийцев находится в Элизабетвиле, — говорил Касавубу. — Здесь находятся чиновники, и они ничего не решают. Это — чак, попугай. Не думаю, что это явится для вас новостью, но все они перепуганы. Бегают, суетятся, переводят свои вложения в Европу. Некоторые даже упаковывают багажи и отправляют своих жен и детей в Брюссель.

— Печально, печально, — с улыбкой сказал Моиз Чомбе. — Не надо их пугать. Это не в наших интересах. Просто непрактично. Антибельгийскую шумиху следует прекратить. Иначе мы останемся перед независимостью с одним нашим маниеком. Испуганные бельгийцы опустошат банки, свернут производство, запустят плантации. Конго обеднеет. Мы окажемся наследниками пустой казны. Сейчас как никогда надо развивать идею о тесном союзе с бельгийцами, заверять их о гарантии частной собственности, о незыблемости священных прав иностранных компаний.

— Это тактический шаг или ваше убеждение? — прощупывал

собеседника Касавубу.

Чомбе расплылся в улыбке. Он не спешил с ответом.

— Самое главное сейчас — не спешить, не поддаваться энтузиазму толпы, которая абсолютно ничего не понимает в большой политике...

Беседа закончилась мирно. До чего же хороши бывают поговорки! Чомбе произнес на суахили распространенную в его провинции фразу: «Когда два слона дерутся, то от этого страдает даже трава». И тут же перевел ее на французский. Касавубу припомнил аналогичную поговорку на лингала: «Когда схватятся два крокодила, то охотник пляшет от радости, зная, что убьет обоих».

— Кстати, — спросил перед самым уходом Чомбе, — что делает Лумумба? Я слышал, что вы в близких отношениях. Каковы его планы?

— Он бывает у меня, — отвечал Касавубу. — Что вам сказать о нем? Он мечтатель, идеалист. Одержим идеей единого Конго.

— Вы с ним согласны?

— Не больше, чем с вами, господин Чомбе. Мне кажется, что вы с ним стоите на различных полюсах. Я же хочу придерживаться разумной середины. Наши разногласия мы урегулируем потом — после независимости. Перед бельгийцами надо выступать сейчас единым фронтом. По этому вопросу между нами нет расхождений. Вы, Лумумба и я — за независимость. Разве этого мало?

А Патрис Лумумба предпринял большую поездку по стране. Среди руководителей Национального движения Конго были представители многих племен: это отличало партию Лумумбы от других. Впервые в Конго так широко распространялась идея национальной общности, ломавшая межплеменные перегородки, выбивающая опору у региональных образований. С кем он только не встречался! С политическими противниками и единомышленниками, с вождями и крестьянами, с европейцами и азиатами, банкирами и нищими, с рабочими и безработными, с женщинами и школьниками, с учителями и врачами, с охотниками и лесорубами, с волшебниками-колдунами и простыми смертными. Во многих местах митинги, на которых выступал Лумумба, заканчивались созданием отделения партии Национальное движение Конго. Тут же избирали руководителей. Он вступал в контакты с вождями племен, и они обещали ему полную поддержку.

— Мы не можем огульно охаивать все действия вождей, — говорил Лумумба в Стэнливиле. — Мы отдаем себе отчет в том, что некоторые свои поступки вожди совершали под нажимом колониальных властей. Я думаю, что большинство вождей — националисты, и им ближе интересы нашего

народа, чем интересы бельгийской администрации. Вожди должны перейти на сторону национального конголезского движения.

Летом 1959 года Лумумба прибыл в район Катако-Комбе. Родная сторона встретила Патриса восторженно. На митинг собралось несколько тысяч жителей. Его приветствовал верховный вождь района Басамбала Пене Сеньха, его товарищ по детским годам. Он сказал:

— Я обращаюсь к Патрису с просьбой принять меня в члены его великой партии. Я буду выполнять все ее указания и готов сотрудничать с Национальным движением Конго.

Патрис был растроган. Они обнялись с Пене Сеньха под неистовые выкрики толпы. Здесь Лумумба впервые увидел в таком огромном количестве свои портреты. Его фотографии продавались во всех магазинах. Мальчишки на улицах носили их пачками и предлагали прохожим. Не хватало членских билетов: их раскупали моментально. Целые деревни и районы объявляли себя сторонниками Лумумбы. Наиболее сильные позиции Национальное движение Конго завоевало в Восточной провинции и Касаи. Генерал-губернатор ввел осадное положение в Стэнливиле и Лулуабурге. Командующий «Форс публик» бельгийский генерал Янсене вылетел в Стэнливиле. Лумумбистское движение, не успев окрепнуть, принимало на себя удары карателей. Тюрьмы заполнялись людьми со значками, на которых был изображен Лумумба. Конголезцы носили их на груди, прикалывали к волосам, а при арестах зажимали в кулак или отправляли в рот, под язык...

Медный пояс

Тюрьма Булуо в катангском городе Жадовиле...

Убийца знает, что он сидит за убийство, а вор — за ограбление банка или магазина. Тюрьма предназначена убивать в правонарушителе дурные наклонности. Жестокость методов вроде бы оправдывается жестокостью совершенных проступков. Но что совершил Патрис Лумумба, брошенный в каземат жадовильской тюрьмы? Нет, ему не грозила физическая расправа: тюрьма в нем убивала волю, его решимость бороться за добровольно избранные, никем не навязанные идеалы. Власти намеревались умертвить не самого Лумумбу, а широчайшее народное движение, названное его именем. Замышлялось политическое убийство. Избрана самая надежная тюремная плаха — катангская...

Бельгийское Конго было богато тюрьмами: официальными, колониальными и местными, африканскими. Тюрьма имелась у каждого вождя. Бельгийцы не вмешивались в традиционное африканское правосудие — оно не наносило им вреда и даже служило предметом забав. Вождь отправлял в тюрьму чью-то провинившуюся супругу. Рядом с ней сидел на земляном полу молчаливый крестьянин: участь его решена — он после отсидки станет рабом соседа, с женой которого он согрешил. Сей африканский рогоносец сумеет отомстить счастливому любовнику и вдоволь поиздеваться над ним, загрузив его тяжелой работой. Срок рабства определяет потерпевший. Торчит в тюрьме и деревенский колдун, в чем-то оскандалившийся перед вождем. Обманщики, утаившие золото или алмазы. Отбывают наказание трусишки, бежавшие во время драки с соседним племенем. Разгневанный отец привел на исправление непокорного сына. Хижина полна — и вождь доволен. Арестанты убирают его дом, они обрабатывают его поле, приносят ему дрова, плетут корзины. Охранников нет. А сама тюрьма — сарай без окон и дверей. Нет ни прокуроров, ни адвокатов. Нет никаких письменных документов, подшитых и пронумерованных. Все заменяет властное слово вождя.

В тюрьме Жадовилия Патрис Лумумба превратился в номерок, который ему дали в регистратуре. На руки надели кандалы. Водворили в камеру. Два раза в сутки тюремщик отворял дверь и наспех ставил на пол пластмассовую тарелку с едой, подвигая ее ботинком в глубь камеры. Тюремщик был африканцем из племени лунда. На попытки Лумумбы заговорить он отвечал злобными взглядами. Наверное, с бельгийским

стражем было бы легче договориться. Конголезцы из различных племен порой ненавидят друг друга сильнее, чем бельгийцев.

Тюрьма — самоанализ, самый строгий, самый беспощадный. Время для раздумий. Каждый заключенный подводит итог прожитой жизни.

Лумумба теперь все яснее понимал недостатки недавно созданного Национального движения Конго. Предпочтение отдавалось массовым митингам. Отдельные голоса тонули в общих криках толпы. Особые надежды возлагались на митинги и собрания с участием Патриса, и ему во время поездок по стране приходилось выступать по нескольку раз в день. Почти не оставалось времени, чтобы в спокойной обстановке поговорить с местными руководителями партии о насущных делах. Не успели как следует заняться организационным укреплением партии. Практиковалась продажа билетов, и их мог купить кто угодно. Партия необычайно быстро пошла в рост благодаря тому, что смогла верно оценить настроения народных масс и приподняться над местничеством.

Однако допускались грубейшие извращения самой идеи единого Конго. Объяснялось это и неграмотностью населения, отсутствием у него опыта в проведении политических компаний, и неподготовленностью руководителей в деревнях, районах и провинциях.

В Стэнливиле не без участия сторонников Лумумбы распространились слухи о намерении партии Национальное движение Конго сформировать правительство и провозгласить провинцию отдельным государством. Затем, когда оно окрепнет, Стэнливиль тем или иным путем присоединит к себе все остальные провинции Конго. Среди жителей Касаи распространялось убеждение, льстившее их патриотическим чувствам, что центральное правительство в Леопольдвиле будет сформировано в недалеком будущем из касайцев, которые одни и являются — наиболее верными последователями Лумумбы. На собраниях и митингах наносились оскорбления руководителям других партий. Неизвестно кем сказанные резкие слова приписывались самому Патрису.

Колониальная печать вносила свою лепту в общую путаницу, публикуя отчеты о практической деятельности Национального движения Конго в искаженном виде. Бесконечные разъезды по Конго требовали денег и опустошали партийную кассу. Крикливость, проявляемая некоторыми сторонниками Национального движения Конго, вызывала серьезные осложнения во взаимоотношениях между населением и европейскими поселенцами. Лумумба в своих выступлениях призывал к уважению прав, всех без исключения иностранцев, разъясняя, что в настоящий момент главной задачей является достижение независимости. Решение

экономических проблем отодвигалось на будущее, когда Конго сформирует свое национальное правительство. Вопреки этим положениям многие ораторы в провинциях призывали к вооруженной борьбе с бельгийцами, к разделу их имущества, к изгнанию их из пределов страны. Бельгийцы стали вооружаться. Фабриканты формировали специальные отряды. Плантаторы устанавливали пулеметы в своих домах. Общая ненависть к колониальной системе сводилась к избиению отдельных бельгийских граждан.

Как поправить положение? Нужна дисциплина: она одна может спасти партию. Из жадовильской тюрьмы Лумумба пишет письма Жозефу Окито, Морису Мполо, Жан-Пьеру Финанту, Джорджу Гренфелу, президенту катангской провинциальной организации Национального движения Конго Ананису Гохи и другим. Последний, узнав о заточении Патриса, проявил изобретательность и установил надежную связь с заключенным.

Ананис Гохи родился в районе Канда-Канда, на самой границе между Касаи и Катангой. Он принадлежал к небольшому племени каньока. Его отец Илунга Гохи всю свою жизнь проработал на предприятиях компании «Юнион миньер». Он знал, что такое ручная добыча катангской меди. Сын служил в заводской администрации. Женился на девушке по фамилии Мунонго: так он стал родственником богатейшего и могущественного Годфруа Мунонго. Их отношения испортились после того, как Ананис Гохи вступил в партию Патриса Лумумбы.

...Перед заходом солнца всех арестованных выводили на прогулку. Они ходили по кругу. Разрешалось присесть и покурить. Сигарет было мало — их как-то доставали в городе и передавали в тюрьму. Владелец пачки «Белга» становился центром внимания, вокруг него толпились жаждущие покурить. Сделав несколько затяжек, заключенный передавал окурки другому, другой — третьему. Конвоиры не обращали внимания на группы курящих, которые обособлялись и толковали обо всех делах в уголках тюремного двора.

Лумумба не курил. Однажды к нему подошел молодой парень с сигаретой в руках. Одежка на нем была оригинальная даже для арестанта: коричневые плавки, белая сорочка с короткими рукавами, на голове бумажный конус.

— Пожалуйста, покурите, — предложил он, протягивая сигарету.

— Благодарю вас, но я не курю, — ответил Лумумба.

— Здесь вы должны курить. Отойдем в сторону, я вам все объясню...

Задание попасть в тюрьму и связаться с Лумумбой дал ему Ананис Гохи. Но как его выполнить? Паренек работал официантом в

элизабетвильском ночном клубе «Черное и белое». Клуб имел скандальную славу. В черно-белом обществе случались драки, ограбления. Посетителями клуба были южноафриканцы и англичане, работавшие в родезийском Медном поясе и приехавшие сюда покурить, бельгийцы и французы, греки и израильтяне, состоятельные африканцы. Официанту не столь уж трудно было вмешаться в какой-либо скандал, чтобы наутро оказаться в полицейском участке, а затем и в тюрьме. Но Патрис Лумумба сидел в тюрьме Жадовиля, а не в столичной, катангской. Тогда официант в выходной день поехал в Жадовиль на своем велосипеде и приступил к выполнению заранее обдуманного плана. Около ресторанчика, в который по обыкновению приезжали пообедать европейцы, стояли автомашины. Официант облюбовал одну из них и врезался в нее, поцарапав правую сторону «мерседеса». Затормозив, он ударил гаечным ключом в — ветровое стекло и разбил его. Из ресторана выскочил владелец автомашины — уса́тый бельгиец. В руках у него был стэк, которым он начал колотить незадачливого велосипедиста, сопровождая потасовку оскорбительными выкриками по адресу всех чернокожих. Парень не остался в долгу и начал дубасить упитанного джентльмена. Стекла́сь публика: за бельгийца вступались белые, за официанта — африканцы. Подросла полиция, которая всегда действовала по неизменному принципу: раз в драке принимает участие африканец, то, значит, во всем виновен именно он. Его и следует схватить, а там суд разберется...

На суде паренек усугубил свою вину тем, что поносил всех бельгийцев, угрожая им физической расправой: ему так хотелось проникнуть к Лумумбе! Его приговорили к трем месяцам тюремного заключения с последующей высылкой из столицы Катанги.

— Вот так я и оказался около вас, — рассказывал посланец Ананиса Гохи. — Я вас сразу узнал, но в первые дни не решался подходить. Надо было оглядеться. Теперь вы курите, пожалуйста. Это необходимо — очень хороший повод для разговоров. Я буду вашим поставщиком сигарет. Что надо — пишите. Здесь есть наши люди. Они все доставят по назначению...

Из тюрьмы пошли письма. Лумумба вздохнул облегченно: движение, возглавляемое им, не погасло. Он это чувствовал и гордился этим. Когда его вызвал на допрос прокурор, он держался уверенно и спокойно отвечал на все вопросы. Прокурор особо предупредил, что любое политическое выступление в тюрьме осложнит и без того сложное положение заключенного.

— Вы шутите, господин прокурор, — сказал Лумумба. — Я нахожусь не просто в Катанге, а в катангской тюрьме. Насколько мне известно,

население этой провинции не проявляет никакого интереса к тому, что происходит в далеком Леопольдвиле.

— В этом я с вами полностью согласен, — подхватил прокурор. — В ваших словах сказывается наблюдательный политик. Катанга останется Катангой. Ее дело добывать медь, а не заниматься политикой. Достаточно пожить в Катанге, чтобы убедиться в неосуществимости так называемой африканской независимости. Здесь даже не каждый европейский инженер сможет работать. «Юнион миньер» отбирает элиту со всего мира — из Бельгии, Канады, из Западной Германии и Соединенных Штатов. Лучшие инженеры, лучшие администраторы...

— И лучшие юристы, осмелюсь заметить, — вставил Лумумба.

— Благодарю вас, — улыбнулся прокурор. — Чем я могу облегчить ваше положение? Ваше дело, как вы знаете, затяжное. Все будет зависеть от общей политической ситуации. Если события пойдут на убыль и все успокоится, то, как я полагаю, не будет повода задерживать здесь ваше пребывание.

— Вы мне сочувствуете, господин прокурор, не так ли?

— Как слугитель Фемиды — да, определенно и твердо. Но как гражданин Бельгии я не разделяю ваших политических концепций. В них много наивного, нереального. Мне чужд расовый подход, но каждая нация должна иметь место, отведенное ей историей. В Конго же, согласитесь, нет даже единой нации. Впрочем, я увлекся, здесь не место для политических дискуссий. Так о чем вы хотели меня попросить?

— Мне нужны книги, господин прокурор. Я хочу заняться историей Катанги, структурой ее промышленности.

— Это можно. Я распоряжусь. Из газет вы можете получать «Мвана шаба» — «Дитя меди». Ее издает компания. Трудно придумать более удачное название! Катанга — дитя меди, дитя Европы и больше всего Бельгии.

Разговорчивый прокурор вышел. Слово свое он сдержал: Лумумба стал получать книги, альбомы, газету. В Катанге он бывал и раньше — приезжал сюда по служебным делам из Кинду и Стэнливиля. Командировочных выдавалось мало, и он останавливался не в отелях Элизабетвиля, а в дешевеньком доме для приезжих, расположенном в африканском квартале под названием «Кения». Тут проживали рабочие и служащие компаний. Незначительный процент африканцев составляли мелкие чиновники и квалифицированные рабочие: эти жили более или менее сносно. Имели даже собственные домики, разъезжали на мотоциклах и на автомашинах — роскошь, неведомая конголезцу в других районах

страны. «Юнион миньер» ввела страхование рабочих: увечье на рудниках, где все еще широко практиковался тяжелый ручной труд, несмотря на усиленное внедрение машин и автоматов, приносило деньги. Просто надо было иметь увечье, подтвержденное консилиумом врачей, да до увечья следовало проработать солидный срок...

И все же рабочие в Катанге в материальном отношении жили заметно лучше своих собратьев в других концах Конго. Не то что в Мбужи Майя — Козьем потоке, как называлась еще касайская Бакванга с ее алмазными россыпями. Группа Оппенгеймера из Южной Африки, получившая право на добычу промышленных алмазов в провинции Касаи и занимающая первое место в капиталистическом мире по их производству, не находила средств, чтобы приодеть африканских алмазоискателей: они ходили босиком и голыми руками перебирали речную гальку и песок. Нет мест, богаче алмазами, чем Мбужи Майя, где сливаются, образуя Санкуру, реки Бушимайя и Луилу. Нет их глуше — и нет обильней. Рабочие устраивали забастовки, требуя выдачи... резиновых сапог и перчаток. Это на приисках миллиардера! В Катанге орудовала более опытная рука хищника. Эксплуатация прикрывалась демагогией либералов, существованием «рабочего» профсоюза. Для рабочих были открыты бесплатные вечерние курсы, им выдавали премиальные, некоторых из них направляли в Бельгию на практику.

В Катанге свили гнездо действительно способные бельгийские администраторы. Годфруа Мунонго мог предаваться воспоминаниям, рассказывая слушателям о своем дедушке, который сражался с первыми отрядами первых европейцев, об отце, заключенном бельгийцами в тюрьму. Все это отошло в прошлое. В настоящее время верховные вожди Катанги тесно сотрудничали с администрацией компании «Юнион миньер дю О'Катанга». Здешние вожди давно вышли из тесных хижин; теперь они проживали в роскошных особняках, разъезжали на современных американских машинах, носили европейскую одежду, летали в Брюссель, имели бельгийские ордена.

Семь китов поддерживали катангское небо над предприятиями компании: вождь племени балуба Касонго Ниембо с резиденцией в городе Камина (Северная Катанга), братья Киконджа и Кабонго, верховные вожди балуба и басонге, Мутомбо Мукулу — вождь коренных катангских балуба, Мвакисенге, вождь племени чокве в районах Дилоло и Сандоа, Мвато Ямво, вождь лунда, Мвенда Мунонго, вождь народности баеке, и жадовильский вождь Мпанде, повелитель всех басонге. Они Срослись с «Юнион миньер», так как ее промышленная активность приносила им и

прямые и косвенные доходы: компания выплачивала им деньги за использование земель, а их подчиненные, занятые на производстве, обязаны были приносить часть заработанного вождям.

Катангская родоплеменная верхушка служила надежной опорой бельгийским предпринимателям, которые во всем действовали через верховных вождей. Представители компании решали с ними вопросы о найме рабочей силы, о переселении крестьян, о покупке новых участков земли, о заработной плате и о наказаниях уваливающим от работы. Трудовые конфликты разбирал вождь. Компания стояла в стороне, на чем приобретала моральные и политические дивиденды. В качестве почетных гостей вожди приглашались на открытие новых горных разработок, школ для детей рабочих, спортивных сооружений, больниц и домов отдыха, библиотек и читален. Велась продуманная игра, достигавшая своей цели. Когда в 1958 году отмечалось пятидесятилетие установления «Свободного государства Конго», в элизабетвильском «Гранд-отеле Леопольда II» собралась вся европейская знать Катанги. Прибыли гости из Брюсселя, Лондона, Йоганнесбурга и Солсбери. Между сэрами, графами и принцами торчали, как колья в колониальном частокле, верховные вожди меднорудной провинции.

Медный пояс поднял Катангу на гребень мирового промышленного производства. А начиналось все с медных больших крестов, изготавливаемых деревенскими кузнецами в специальных шалашиках и используемых в качестве денег. На кресты приобретали соль, ткани, табак, спиртные напитки, украшения, домашний скот. 28 октября 1906 года бельгийские и английские инженеры-предприниматели создали «Юнион миньер дю О'Катанга». Компания ежегодно отмечает эту дату своего рождения, вывешивая портреты основателей — Жана Жадо и Роберта Вильямса. Компания разрасталась, привлекая капиталы из Европы и Америки, вкладывая их в новые отрасли. Горные реки покрылись сетью электростанций. Заводы переводились на автоматическое управление. Невдалеке от Жадовилия сохранилась одна старая хижина. Приезжие могут посмотреть: медные кресты отливаются африканцами, одетыми в униформу компании; взять на память о старой Катанге теплый ярко-оранжевый подарок. Да прихватить куски малахита из пирамидки, сложенной около музейного шалашика.

Тайная сила катангского чудовища неизмерима. Она, в частности, проявилась во время урановой лихорадки. Бельгийцы одними из первых в мире начали эксплуатацию урановых залежей в местечке Шинколобве, находящемся в Катанге. Во время второй мировой войны Соединенные

Штаты Америки вели лихорадочные исследовательские работы по созданию атомной бомбы. Нужно было сырье. На помощь США пришла Бельгия — не та европейская Бельгия, территория которой была оккупирована фашистскими войсками, а катангская Бельгия, «малая Европа в Черной Африке», как образно именовали эту провинцию Конго.

Бельгийские предприниматели доставили научным лабораториям за океаном ценный груз. Пароходы с ураном охранялись и конвоировались военными судами. «Юнион миньер» зарабатывала баснословные деньги. Первый атомный взрыв возвестил начало новой эры в науке и промышленном производстве. Тогда мало кто знал, кроме небольшой группы посвященных, что материальная база атомного века имеет непосредственное отношение к Катанге. Отсюда потоком шли кобальт, германий, цинк, кадмий, радий, серебро. Катанга вывозила промышленной продукции и сырья в несколько раз больше, чем все остальное Конго. К 1960 году одна провинция давала дохода на сумму в 60 миллионов долларов, в то время как вся колония выручала около 140 миллионов. Медь потоком устремлялась в Бельгию и Францию, ее охотно закупали Италия, Западная Германия, Швеция. Кобальт в основном направлялся в Соединенные Штаты и Японию. Крупным импортером была и Англия. Катанга с африканским населением в полтора миллиона человек и двадцатью пятью тысячами европейских поселенцев занимала третье место в капиталистическом мире по производству меди и первое по добыче кобальта. В 1960 году, году конголезской независимости, Катанга дала 300675 тонн меди и 8222 тонн кобальта: до этого ни один год не приносил компании «Юнион миньер» таких высоких доходов. Общее количество руды, добытой со времени первой плавки, опытной и примитивной, превысило семь миллионов тонн!

Это было промышленное явление необычайной жизненной силы. Доходам «Юнион миньер» могли позавидовать многие государства. Свои банки. Система железных дорог. Вертолеты. Своя радиостанция, самая мощная в Конго. Телетайпная связь с важнейшими для компании центрами в Европе, Америке, Азии и Африке. Свое издательское дело. Свои школы и больницы. Своя полиция. И свои порядки, своя катангская атмосфера, 25 тысяч рабочих африканцев изумленно следили не только за тем, как плавится медь, как добывается кобальт: они поражались умению европейца зарабатывать деньги. Инженеры, администраторы, техники и даже служащие учреждения, проработав несколько лет в Катанге, возвращались в Бельгию с капиталом. Служба в Катанге считалась почетной. Катангское лобби в бельгийской столице занимало центральное место по влиянию на

внешнеполитический курс бельгийского правительства. Недаром сами бельгийцы в шутку называли «госпожу Катангу» подлинной королевой.

В Бельгии издавна сложилась и отшлифовалась профессия квалифицированного инженера или администратора для работы вне пределов страны. Отец, допустим, жил в Китае или царской России, сын, продолжая семейные традиции, оказывался в Конго. Бельгийские монополистические группы Ламбера, Сольвей, Лонуа, Амлена, Софина и другие имеют своих агентов в снегах и тропиках, на суше и морях. Группа Ламбера является держателем акций «Юнион миньер», в руках которой сосредоточено три четверти всей продукции, выпускаемой горнорудной промышленностью Бельгийского Конго. В районе Манано (Северная Катанга) обосновалась «Жеомин», специализирующаяся на добыче олова. Строительством дорог, распределением электроэнергии, всеми видами транспорта ведает «Коминьер». Еще в 1906 году Леопольд II предоставил исключительное право на геологическую разведку вдоль среднего и нижнего течения Конго американской промышленной группе Томаса Райяна и Даниэля Гугенхейма. Тогда были заложены основы горнорудной компании «Сосьете энтернациональ форэстьер э миньер» — будущей алмазной «Форминьер», управляющей обществом «Миньер дю Бесека», которому принадлежит первое место в мире по добыче промышленных алмазов.

Таким образом, бельгийский капитал, вложенный в катангскую промышленность, слился с потоком американского и мирового. Дом Рокфеллеров через «Танганьика консешнз» связан с «Юнион миньер». Дэвид, Лоуренс и Нельсон Рокфеллеры владеют акциями нескольких монополистических компаний в Конго. Рокфеллеровский нефтяной трест «ЭССО» прорвался в Конго. В 1959 году Дэвид Рокфеллер приезжал в Леопольдвиль, совершил ознакомительную поездку по стране. Он выдвинул идею о строительстве сверхмощной электростанции на водопадах Инга (район порта Матади, Нижнее Конго), о разработке конголезских бокситов. Джон Гансхоф Ван дер Мерш, сын бельгийского министра по африканским делам, переехав в Соединенные Штаты и став одним из руководителей банка «Диллон, Рид энд К°», также наведывался в Конго, изучая возможности новых американских вложений в конголезскую экономику.

В Конго внедрялась мировая банкирская знать именами, ставшими символами баснословного богатства. Группа Оппенгеймера и Ротшильда, имеющая колоссальные вложения на юге континента и в Северной Родезии, постепенно просачивалась в Катангу и другие провинции Конго.

За лондонскими Ротшильдами последовали парижские — последние стали сотрудничать с Ламбером и «Сосьете женераль». В Конго заявили о себе банкирские дома Мирабо, Малле, Верна, Лазара, Хоттингера и многих других. Крупп из Западной Германии, ФИАТ из Италии, швейцарская фирма «Цемент Обург», голландские «Филиппе», «Хейнекен», шведские, канадские, израильские, японские фирмы... Это было нашествием, денежными гонками в обнищавшей колониальной вотчине. Лабиринт, в котором терялись богатства страны вместе с ее обитателями.

Разные эксперты по-разному оценивали состояние так называемого «конголезского портфеля», но никто не называл суммы, меньшей 32–35 миллиардов бельгийских франков. В загадочный портфель стекались доходы отовсюду: «Специальный комитет по Катанге», созданный еще в 1900 году, являлся единственным органом, предоставляющим право на строительство новых промышленных предприятий, на отвод земельных участков. Как правило, до 20 процентов акций новых компаний переходило в руки комитета. Куда угодит этот конголезский портфель? Кто будет вести борьбу за возвращение его Конго?

Было над чем призадуматься. Лумумба делал пространные выписки из книг, присылаемых адвокатом, анализировал астрономические цифры доходов катангских предприятий. Он готовил материалы к исследованию о Катанге. Уже после гибели Лумумбы в Брюсселе вышла его книга под названием «Под угрозой ли Конго, земля будущего?». Африканскому автору удалось многое сказать о положении своей родины.

В самом начале 50-х годов все заговорили о новых веяниях в бельгийской колониальной политике. Речь шла об отношении к развитым африканцам — эволюэ. Молодое поколение жадно тянулось к знаниям: юноши усиленно изучали французский язык, сдавали заочно экзамены, бросали родные деревни и уходили в города. Три-четыре конголезца обладали даже европейскими дипломами. За образованного конголезца шла борьба. К кому должны примкнуть африканские дипломаты? В деревни они не желали возвращаться. Колониальные власти нашли выход в том, что взяли на учет всех юношей, получивших какое-либо образование, выдавая им специальное свидетельство — карточку гражданского состояния. Положение об этих бумажках предписывало, что они могут быть вручены лишь тем африканцам, которые зарекомендовали себя «благопристойным поведением и привычками, доказывающими желание достигнуть более высокого уровня цивилизации». Это была проверка на лояльность, принимающая унижительные формы. Собиралась комиссия, состоящая из бельгийского директора компании или администратора, из местного вождя,

преданного властям и проверенного ими неоднократно, из служителей культа, из знатных граждан города. Когда писалась книжка, во всем Конго не было и тысячи обладателей карточек гражданского состояния.

Удивительное кощунство в обращении с африканским населением: миллионы конголезцев остались вне гражданского состояния! В африканской семье, состоящей из десяти или двенадцати человек, лишь один ее член, окончивший миссионерскую школу, удостоивался чести именоваться гражданином, да и то условно. Было немало случаев, когда пресловутые карточки отбирались обратно, так как конголезец, по мнению главрей моральной слежки, не оправдал надежд...

Лумумба подсчитал тогда: должно пройти одно тысячелетие, чтобы сто тысяч конголезцев удостоились такого гражданства. А после ста тысяч лет все жители Конго будут иметь бельгийские карточки. О бельгийских филантропах, которые выдавали специальные аттестаты африканцам, Лумумба писал: «Для них все негры были макаками, а наиболее интеллигентные из них — эволюэ — в первую очередь. Их жены были еще более опасными. Они совершенно обленились, так как всю работу за них выполняли слуги-африканцы. В Бельгии им самим приходилось вести хозяйство других, а в Африке они мнили себя герцогинями. Оскорблять нас было для них приятным времяпрепровождением и, уж во всяком случае, совершенно обыденным делом». Бельгийские власти намеревались оторвать от народной массы эволюэ и приспособить их к своим нуждам. Лумумба разгадал этот замысел. Он писал: «Правительство ведет нечистую игру, занимается вместе со своими агентами мелкими интригами, рассчитывая нас умаслить. Оно нам обещает то одно, то другое, издает законы и постановления, выступает с эффектными речами, но его агенты делают противоположное: может быть, они получили секретные инструкции. Ведь их даже в специальных школах в Европе обучают неискреннему поведению по отношению к неграм... До прихода белого человека в Африку африканец страдал физически от болезней. Ныне африканец, будучи физически исцеленным, начинает все больше и больше страдать от другой болезни: речь идет о нравственном страдании. В некоторых отношениях последнее мучительнее физического недомогания».

Избегая резких выражений, Лумумба между тем рисовал перед читателем ужасающую картину духовного гнета, в котором оказалась выходящая на арену конголезская интеллигенция. «Когда негр обнаруживает, — писал он, — что по своему образованию, зрелости, нравственным качествам, образу жизни, поведению и профессиональной квалификации он равен европейцу, но с ним обращаются не как с этим

европейцем, а как с низшим существом, то есть исходя из его этнической принадлежности к так называемой «низшей расе»; когда под влиянием слепой расовой вражды его выбрасывают из «вывшего общества», если он на законных основаниях появится в баре, ресторане, гостинице, магазине, кинотеатре и т. д.; когда над ним насмехаются люди, которые нередко хуже воспитаны, менее образованны и более далеки от цивилизации, чем он; когда, несмотря на его способности и старательность, он не может выдвинуться и занять надлежащее место в обществе; когда с помощью ловких аргументов и расистских тезисов ставят предел росту его общественного положения и не позволяют ему руководить даже менее способным белым; когда решительно отказываются признать его основные права как гражданина великой семьи человечества — все это является не чем иным, как той самой болезнью, от которой безотчетно страдает сознание африканца, — это расовая дискриминация».

Что же может в таких условиях сделать конголезская интеллигенция со всей условностью этого названия?

Было два пути. Или вступить в борьбу со всей колониальной надстройкой, или, наоборот, сотрудничать с бельгийской администрацией и до конца жизни носить бельгийскую карточку о гражданстве. Второй путь легче — его диктовал и практический подход к жизни. Политической деятельностью, которая к тому же запрещена законом, можно заниматься долгие годы, не добившись ощутимых результатов. Тюрьма охладит пыл заблуждающегося и наставит его на путь истины. Лояльность к властям вознаграждается незамедлительно. Смотришь, африканца продвигают по службе, увеличивают ему заработную плату, направляют на обучение в Бельгию — за терпимость и послушание. Преуспевающие африканцы, поднакопив денег, занимались бизнесом. Их сокровенная мечта — стать вровень с материально обеспеченными бельгийцами и тем самым подтвердить пропагандистский тезис колонизаторов о том, что и среди африканцев могут появиться свои Ротшильды.

Никто из конголезцев в Стэнливиле так и не сделался владельцем фабрик и заводов, директором банка или компании. Но какое-то подобие того класса, название которому — буржуазия, — появилось. Бельгийцы не видели в богатеющих конголезцах сколько-нибудь серьезных конкурентов. Слабая, лишь нарождающаяся африканская буржуазия не в состоянии была выполнить отводимую ей историей роль: у нее не было сил и средств, чтобы противостоять нажиму иностранных монополий.

Катанга вносила поправки в этот вывод, пригодный для Стэнливиля и других провинций Конго. Катангские вожди вставляли на путь обогащения.

Правда, у них был противник гораздо сильнее. По богатству и влиянию, по международным связям с «Юнион миньер» никакая другая компания не могла тягаться. Но, верно также и то, что в Катанге появились африканские миллионеры. Чомбе, прозванный «денежным сейфом», Годфруа Мунонго и другие обладали состоянием, ставящим их в один ряд с богатыми европейцами. Особенность Катанги состояла и в том, что политическое движение в провинции возглавляли или европейцы, или африканцы из богатых, знатных семей.

На митингах Мунонго приказывал, а не убеждал, что считалось само собой разумеющимся для отпрыска могущественного вождя. Национальное движение докатывалось в Катангу в значительной степени ослабленным. Препятствовала и ничем не прикрытая полицейская слежка. В особом положении находилась катангская жандармерия: она не подчинялась непосредственно бельгийским властям из Леопольдвилья, а состояла при «Юнион миньер». Собственную охранку имели все предприятия. Личная стража была у каждого высокопоставленного администратора. Элизабетвиль всегда претендовал на роль первого города бельгийской колонии. Межплеменные перегородки, ревностно охраняемые вождями, разделяли отсталое крестьянство, сохраняли его консерватизм и порой сбрасывали со счетов в серьезной политической кампании.

Знакомясь с заключенными, расспрашивая их о жизни, Лумумба убедился, что большинство из них — выходцы из Касаи и Восточной провинции. Катангские тюрьмы считались самыми надежными.

...Если бы сейчас оказаться на воле! Мысленно он произносил речи перед рабочими «Юнион миньер», разъезжая по Катанге, встречался с Чомбе, с вождями. Но больше всего его тянуло в родную касайскую провинцию, где его понимали лучше всех и где каждый житель узнавал его издали. Впрочем, теперь вряд ли узнают. Оброс, похудел, одежда доистрепалась. А время движется и в тюрьме: официант из Элизабетвиля отсидел свой срок и пришел прощаться. Они успели подружиться, сблизиться.

Жаль было расставаться с парнем. Но он сделал свое дело, подготовил и замену — перепиской Лумумбы будет заниматься другой, надежный, проверенный, третий раз угодивший в тюрьму по одному и тому же обвинению: оскорбление белого человека. Через пару дней он вручил Лумумбе письмо от жены Полин, которая переехала к родственникам в Леопольдвиль. Редкая радость для арестанта.

Время суда по-прежнему не назначали. Значит, сидеть. Значит, работать, анализировать, готовиться к тому, что может произойти за

тюремной стеной, в Катанге и за Катангой.

Брюссельские кружева

Почти три четверти века бельгийцы дотошнейшим образом изучали эту африканскую страну. Наука сказала свое веское слово во всех областях: в истории, географии, этнографии, социальной сфере. Бельгийцев, владевших конголезскими языками, было отнюдь не меньше, чем конголезцев, знающих французский. На библиотечных полках стояли тома о Бельгийском Конго. Была издана Конголезская энциклопедия.

Надо отдать должное бельгийским ученым: многие из них десятилетиями жили в колонии и опубликовали превосходные работы о Конго. Собран фундаментальный фактический материал. Диалекты племен, рост и вес африканца, его пища и род занятий — все было известно, ничто не укрылось от зоркого взгляда наблюдателя. Бельгийское правительство направляло в Леопольдвиль администраторов, которые знали страну не по книгам. Министр-резидент в Конго Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш в начале 30-х годов принимал участие в бельгийской научной экспедиции на горы Рувензори. Он объездил всю страну, бывал в других местах Африки. Рассуждал трезво и выгодно отличался от тех иностранных послов, которых дружно называют «почтовыми ящиками» или еще более резко. «Почтовый ящик» не имеет своего мнения: он пересылает запрос президента или премьера страны пребывания своему правительству и ждет ответа. По получении соответствующей депеши посол едет с ней к президенту, премьеру или министру иностранных дел и излагает ее содержание. Отсюда — «почтовый ящик». Вместо чрезвычайного и полномочного посла — рассыльный, курьер, не имеющий своего мнения.

Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш своей жизнью в Конго и своей деятельностью как бы опровергал суровый приговор некоторых критиков, суть которого в том, что классическая дипломатия умирает и ее место занимает импровизация на современные дипломатические темы. Нет, подождите ставить крест над старой буржуазно-колониальной внешней политикой!

Управляя Конго от имени Бельгии, Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш издевался в душе над теми, кто определял бельгийскую политику за океаном. До поры до времени. С некоторых пор этот воспитанный и эрудированный человек, считавший Конго своей второй родиной, все больше и больше начал сомневаться в своих знаниях.

Внешне все осталось так, как было и раньше: Конго течет в прежнем

русле, те же народности и языки, такие же бабочки и крокодилы, слоны и жирафы, такие же набедренные повязки в глухих провинциальных местах. Изменился сам конголезец, стал совершенно иным политический воздух, которым он дышит. Нет прибора, который бы зарегистрировал день и час этого очень важного превращения.

Конголезский толчок оказал влияние и на Брюссель: произошел раскол в правительстве, за которым последовало расхождение во взглядах на будущее Конго и среди колониальной администрации в Леопольдвиле. Из Конго шли донесения, свидетельствовавшие о разброде и отсутствии единства в оценке сложившейся ситуации. Министр по делам Конго Ван Хемельрайк предлагал отозвать генерал-губернатора. Летом 1959 года в Леопольдвиль был направлен помощник начальника кабинета премьер-министра граф Эспремон Лиднен. В его докладе, представленном после поездки правительству Бельгии, содержались рекомендации о максимальном сокращении сроков предоставления независимости и сохранения Конго в качестве унитарно-децентрализованного государства. В самом кабинете боролись два течения: некоторые бельгийские государственные деятели выступали за проведение более гибкой колониальной политики. Другие настаивали на усилении политики репрессий. Разногласия привели к отставке министра по делам Конго. Новый человек на этом посту — де Скрейвер — выступил вскоре с заявлением о создании правительственных органов в Конго не позднее 1960 года. Провозглашение независимости в плане де Скрейвера откладывалось на несколько лет.

Национальное движение Конго, АБАКО, Партия африканской солидарности и большинство других альянсов и объединений выступили с резкой критикой нового бельгийского курса, видя в нем уловку и стремление колонизаторов уйти от ответа на основной вопрос — о сроках и условиях предоставления Конго суверенитета. Осень и конец 1959 года прошли в колонии под знаком все усиливающегося политического кризиса. Не прекращались выступления африканцев в Стэнливиле и Матади. Крестьяне объявляли бойкот и не выходили на работу: урожай на плантациях стоял необранным. Остановились маслосеяльные фабрики. По всей стране прокатилась забастовка транспортно-речной компании ОТРАКО. Губернаторство предложило провести политические консультации с руководителями конголезских партий. Последние выдвинули условие: они не возражают против обмена мнениями с колониальной администрацией, но только если все политические заключенные будут освобождены. «Шахматная игра, где фигуры черных не

уступают фигурам белых» — так охарактеризовал положение в Конго известный политический комментатор из журнала «Пуркуа па?» Пьер Дэвистер.

Но «фигуры черных» брали инициативу и одерживали успех даже... пассивностью. В декабре 1959 года губернаторство с одобрения Брюсселя решило провести «пробные выборы», правда, неизвестно во что. Предлагалось создание советов, состоящих из представителей администрации, вождей племен и населения. Функции задуманных органов были неясны. Ведущие партии бойкотировали выборы.

В отсутствие Патриса Лумумбы руководство Национального движения Конго занимало непоследовательную позицию: НДК призвало своих членов принять участие в голосовании. Выборы показали полное банкротство замыслов колонизаторов. В Леопольдвиле голосовало немногим более 30 процентов избирателей. ПрокOLONиальная группировка — Партия национального прогресса — потерпела поражение. В Стэнливиле внушительное число голосов получила партия Лумумбы. В Катанге на первое место вышла партия Моиза Чомбе. Формировать советы при таком разном было рискованно.

Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш, учитывая мнение ведущих лидеров конголезского национального движения, предложил провести в Брюсселе Конференцию круглого стола. В Бельгии одобрили эту идею. Последовало указание: освободить всех лидеров политических партий перед самым открытием конференции — проведение ее было назначено на январь — февраль 1960 года. В январе начальник жадовильской тюрьмы сам вошел в камеру заключенного Лумумбы и сообщил о декрете. Лумумбу поджидала автомашина, которая доставила его в аэропорт. С машины — на самолет, взявший курс на Леопольдвиль. Невообразимая спешка! Не с кем поговорить, обменяться мнениями, проинформироваться. И какое превосходное обслуживание! Какая деликатность сопровождавших его бельгийцев, одетых в гражданскую форму! Они спросили его, где он может приодеться, а когда приземлились в Нджилли, то сразу же повезли его в африканский квартал. И все на скорую руку: Лумумбу ожидает сам Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш, с которым они много раз встречались и до этого.

Машина подкатила к генерал-губернаторству: оно находилось в новом шикарном здании на берегу Конго. Стоявший в воротах бельгийский офицер отдал честь. На широкой лестнице Лумумбу встретил один из секретарей генерал-губернатора. Вот и второй этаж. В приемной из-за стола привстала секретарша и мило улыбнулась. Словно все были несказанно рады его освобождению! И это беспрерывное повторение:

«Пройдите, пройдите, пожалуйста». Генерал-губернатор стоял посередине кабинета: он улыбался.

— Очень рад, мой дорогой Лумумба! — начал он. — А что я вам говорил? Бельгия в высшей степени демократическая страна. И ваше появление здесь — лучшее тому доказательство. У нас есть и прогрессивные деятели, и консерваторы. Уверяю вас, они появятся и у вас по мере развития просвещения и-образованности. Впрочем, оставим в покое политику и все наши прошлые недоразумения. Вы знаете, что летите в Брюссель? Желанная мной и вами конференция открылась... то есть открывается.

— Впервые слышу об этом...

— Ваше присутствие там необходимо, господин Лумумба. Вы это отлично понимаете. Ваш ум, ваш опыт, ваше мнение, как я надеюсь, будут способствовать успешному исходу конференции. В ней примет участие и король.

— Но я там буду присутствовать не как частное лицо, а как один из руководителей известного вам движения в Конго. Не так ли? Я нуждаюсь в консультациях с моими коллегами. Мне нужны советники. Прошло немало времени, и я даже не знаю, остался ли я президентом партии...

— Смею вас уверить: остались, остались! Понимаю и ценю вашу иронию, господин Лумумба. На сборы остается совсем мало времени. Побудьте с семьей, отдохните. Если нужна какая помощь, я к вашим услугам.

— У меня к вам единственная просьба, ваше превосходительство: в состав делегации от нашей партии должен входить Финант из Стэнливиля. Надо, чтобы он прибыл вовремя.

— Никакой проблемы нет. Ваше пожелание будет исполнено. На всякий случай оставьте ваш столичный адрес. Вас отвезут. Сейчас я распоряжусь...

Суматоха продолжалась и в Брюсселе: словно кто-то незримо стоял за конголезскими событиями и без устали подгонял их, чтобы поскорее разделаться с неприятным и надоевшим всем вопросом. Есть государственные деятели, обязанные позаботиться о благополучии своих подданных, выполняющих возложенную на них миссию по подготовке конголезцев к самостоятельному существованию. Кажется, теперь всерьез взялись за Конго: подготовкой конференции занимались кабинет министров, королевский двор, все политические партии. Бельгийская печать словно забыла, что в громадном мире, кроме крошечной Бельгии с ее запутанными африканскими делами, есть и другие проблемы. Газеты и

журналы обсуждали конголезский вопрос, печатали статьи бельгийских и конголезских авторов, интервью с прибывшими из Конго.

Брюссель переживал нашествие африканцев. Они заполняли гостиницы, устраивали пресс-конференции, проводили встречи, знакомились и обсуждали план общих действий. Между ними сновали бельгийцы: они выясняли позиции делегатов, консультировались с лидерами политических партий, узнавали мнение вождей. А потом сравнивали точки зрения, согласовывали и докладывали организаторам конференции о расстановке сил. Однако докладная записка, составленная сегодня, после только что состоявшихся многочисленных бесед с конголезцами всех рангов, назавтра уже не отражала существующей ситуации, меняющейся как никогда быстро и не поддающейся точной оценке.

Бельгийцы исходили из того, что многие политические партии в Конго значительно ослаблены репрессиями. Им казалось, что в колонии дело еще не дошло до создания общенациональной партии с четко выработанной программой. Зато со всей силой проявились региональные образования, охватывающие определенный этнический район или часть провинции. Ни одна из существующих партий Конго не была в состоянии выступать от имени всей страны, опираясь на большинство народа. Касавубу с его АБАКО имеет сильные позиции в Нижнем Конго, но и он все чаще и чаще прибегает к тактике компромисса с другими партиями. На почве федерализма АБАКО во время прошлогодних выборов кооперировалось с Партией африканской солидарности, Партией народа, с калонжистским крылом Национального движения Конго. Моиз Чомбе в своих заявлениях от имени КОНАКАТа приветствовал и поддерживал АБАКО, хотя позиция ведущей партии Катанги на данной стадии развития конголезского кризиса не имела серьезного практического значения.

Касавубу, отстаивая идею о создании Нижнего Конго, встретил противников в самом Леопольдвиле, а также в районах Среднего и Верхнего Конго. В столице объединились мелкие картели, в которые входили трибалистские организации: ЛУКА — Объединение жителей Кванго в борьбе за независимость (племя баяко), ЮНИБАТ — Объединение племени батеке, ПУНА, партия Боликанго, включавшая племена бангала и нгомбе, а также Партия национального прогресса, всегда служившая опорой бельгийцев. Создав единый фронт, все эти партии выступили против АБАКО. Бельгийцы направляли свои усилия к тому, чтобы подорвать влияние региональных партий, каковой зарекомендовало себя АБАКО, и противопоставить им более мелкие, трибальные

образования, охватывающие порой всего несколько деревень.

Четырнадцать партий Конго прислали сюда своих представителей. От ПДК в конференции участвовали Патрис Лумумба, Жозеф Касонго, Жан Мари Юмба, Жан-Пьер Финант, Себастьян Иколо и Бруно Букаса. Делегацию АБАКО из семи человек возглавлял Жозеф Касавубу. Партия национального прогресса была представлена 22 членами. Самыми многочисленными были делегации вождей от всех шести провинций Бельгийского Конго: в их симпатиях к Бельгии не было никаких сомнений.

Катангскую шеферию представлял верховный вождь племени баеке Антуан Мвенда Мунонго. Наиболее влиятельным партиям Конго колониальные власти противопоставляли дробные организации из провинций, а также вождей племен. Положение националистов осложнилось еще больше в связи со странной тактикой, применяемой АБАКО. Жозеф Касавубу, выступавший ранее за созыв брюссельской конференции, вдруг начал резко критиковать ее. За этим последовал демонстративный уход делегации АБАКО с заседаний уже открывшейся конференции. В одном из отелей Брюсселя Касавубу выступил с заявлением, раздав присутствовавшим журналистам несколько документов партии. В так называемых тезисах АБАКО говорилось: «Единство Конго, которое мы допускаем в принципе, было бы желательным в виде какой-либо федерации автономных провинциальных образований. Это единство, которое не должно быть ни хрупким, ни искусственным, можно облегчить формированием провинциальных правительств в январе 1960 года и конголезского правительства в марте 1960 года».

Старые абаковские тенденции федерализма приобретали в настоящих условиях характер непосредственной угрозы национальному движению. Теперь уже поздно бойкотировать конференцию — она идет. Задача состояла в том, чтобы объединиться, создать на конференции единый блок партий, общее наступление которых опрокинет расчеты бельгийского правительства на провал конголезского освободительного движения.

Касавубу всегда переоценивал значение своей партии. Он ошибался, подчеркивая исключительное положение провинции Леопольдвиль в колонии. Касавубу был одержим идеей немедленного формирования провинциального леопольдвильского правительства, во главе которого стоял бы он. Касавубу считал само собой разумеющимся тот бесспорный, по его мнению, факт, что править страной будет тот, кто возьмет власть в провинции Леопольдвиль. Лумумба решил с ним объясниться. Они встретились в ресторанчике около отеля «Метрополь».

— Многие из политических лидеров только и говорят о борьбе с

бельгийским колониализмом, особенно когда они находятся за пределами Конго, — начал с обвинения Касавубу. — Почему вы не поддерживаете нас? Надо сорвать конференцию или же перенести ее на другое время. Разве вы не видите, что бельгийцы растеряны? После нашего бойкота они пойдут на уступки. Теперь мы хозяева положения, мы! И какой благоприятный момент мы упускаем!

— Ты не прав, Жозеф, — спокойно сказал Лумумба. — Своим уходом с конференции ты ослабил позиции конголезских националистов и предоставил хороший козырь бельгийцам. Они обрадовались твоему шагу. У них двойное представительство: если политическая партия исключает себя из дискуссий, то остается провинциальный вождь, с которым они договорятся. За спиной АБАКО сидит леопольдвильский вождь Мишель Мпутела. У меня положение лучше, чем у тебя: из Касаи прибыл Пене Сеньха. Мы с ним, как ты знаешь, заключили союз и выступаем единым фронтом. Присутствие АБАКО сдерживает действия Мишеля Мпутелы. Без вас он примет бельгийскую сторону.

— Бельгийцы обходят АБАКО, они сбрасывают со счетов нашу партию, которая длительное время одна во всем Конго вела борьбу с бельгийцами. Это политическая расправа! Вы представляете, каков будет эффект, если лидеры АБАКО возвратятся домой? Мы вышибем бельгийцев из провинции, пусть они отсиживаются в джунглях...

Куда девался всегда сдержанный, спокойный и рассудительный Касавубу! Лумумба видел его впервые таким возбужденным и обиженным.

— В холодном Брюсселе ты более горяч, чем в жарком Конго, Жозеф, — пошутил Лумумба, продолжая разговор. — Твое возвращение домой будет означать усиление террора. Ты вызовешь новую волну репрессий и арестов. Этого надо избежать. Я полностью согласен с тобой, что бельгийцы заколебались. Не от хорошей жизни привезли они ораву подкупленных африканцев из Партии национального прогресса. Нам надо объединенными усилиями вырвать независимость. Так что ж ты хочешь? Чтобы лавры предоставленной независимости приписала себе пенепе, партия продажных негров? Потом ты забываешь, что, кроме провинциальных правительств, будет создано центральное. АБАКО по праву может выдвинуть своего кандидата на пост президента страны. Посты будет определять не Бельгия, а мы, конголезцы. Откровенно скажу, Жозеф, без твоей партии нам здесь диктовать свою волю трудно или почти невозможно. Тебе говорит это человек, который никогда не питал к тебе враждебных чувств...

Лумумба умолк. Касавубу не прост, с бельгийцами он хитрит. Но как

за это осуждать: в отношении колониальных агентов все методы и приемы хороши и оправданы даже с моральной стороны. Бельгийцы несколько раз меняли о нем свое мнение. Одно время его считали одним из верноподданных колониальной короны. Потом он выбрался из-под этого бельгийского головного убора. Слыл умеренным конголезским националистом, то есть вполне приемлемым, устраивающим власти. Противопоставлялся другим — неумеренным, к разряду которых относили Патриса Лумумбу. В связи с запутанной позицией АБАКО в канун конференции лидера Нижнего Конго кое-кто стал называть «конголезским алжирцем», сторонником чуть ли не революционных, насильственных действий.

А он, как и прежде, оставался себе на уме и был ни тем, ни другим, ни третьим, а единственным в своем роде Жозефом Касавубу, некоронованным королем Нижнего Конго, которому мешают вступить на престол интриги и бельгийцев, и своих политиканов. Аббат Юлу опередил его, став во главе Браззавильского Конго. Но разве это страна? Пятьсот тысяч населения. По сравнению с Браззавилем левобережное Конго будет империей и объединит три миллиона жителей баконго. Не большое тянется к малому, а малое примыкает к большому! Потом присоединятся браззавильцы, Кабинда, часть Анголы. Нижнее Конго — магнит, сплоченный, сильный, самостоятельный.

Лумумба знал цену этому магниту. Народность баконго ближе всех подошла к процессу формирования нации: здесь нет такой невообразимой россыпи племен и народностей, как в Касаи, на экваторе, в северных районах и Восточной провинции. Понятие «конголезец» — скорее географического порядка, а не национального. Пигмей никогда не назовет себя конголезцем. Националисты взяли на свое вооружение это слово, исходя из соображений борьбы за будущее единое Конго, которого пока нет в действительности и которое еще необходимо создавать. Сепаратизм абаковцев, если дать ему волю, вызовет цепную реакцию в других частях страны. Отделится Катанга. После Южной Африки провинция Киву может завтра превратиться во второе государство Африки с правлением расистского белого меньшинства. Налицо сепаратистские устремления в Лулуабурге и Стэнливиле. И тогда — прощай единое Конго! Национальное движение будет потоплено в крови. Правители карликовых государственных образований попадут в еще большую зависимость от Бельгии и других империалистических держав. Нет, с Касавубу надо договориться.

Лидер АБАКО длительное время не присутствовал на конференции.

Наконец появился и сел бок о бок с катангским вождем Мунонго. Делегация Национального движения Конго всегда соседствовала с группой Моиза Чомбе...

Вначале была путаница из-за нечеткой повестки дня. Ораторы устремлялись в дебри истории, используя возможность высказать наболевшее. Рисовали светлое будущее Конго, идущего вместе с Бельгией к прогрессу и процветанию. Подчеркивали выдающуюся роль миссионеров, которые принесли в Конго свет христианства. Анализировали экономическую ситуацию. Благодарили короля и бельгийское правительство.

— Мы, вожди и представители правящего класса, — заявил Мвенда Мунонго, — питаем надежду, что престолонаследник короля Леопольда II, который придал Конго его нынешние очертания, согласится вести нас и дальше так, чтобы мы смогли использовать все новые институты для фундамента рождающейся нации. Я не могу удержаться от того, чтобы не сказать несколько слов о наших европейских помощниках и советниках. Я выражаю глубокую благодарность этим господам...

Даже Унисет Кашамура, не без основания слывший экстремистом, сказал на конференции, что его партия пересмотрит свои позиции: она готова сотрудничать с бельгийцами и жить с ними под одним конголезским небом. Ясон Сендве призвал всех конголезцев выступить единым фронтом с требованием независимости. То и дело брал слово бельгийский премьер-министр Гастон Эйскенс, повторявший: «Я полагаю, господа, что успех конференции будет обеспечен...» Моиз Чомбе выразил пожелание подписать специальную декларацию о правах человека в Конго, которая бы гарантировала его безопасность, его вложения, его движимое и недвижимое имущество...

Опять сенсация: лидер АБАКО Жозеф Касавубу отказался обсуждать вопрос о будущем Конго, потребовав передачи всей полноты власти конголезцам без всяких дебатов и проволочек. И опять недоумение на лицах конголезцев...

Конференция круглого стола прояснила обстановку. Позиции партий, как и позиция бельгийского правительства, определились более четко. Можно подводить итоги. Националистические силы, колеблясь и временами расходясь, все же выработали единую платформу в определении даты провозглашения независимости: торжество было назначено на 30 июня 1960 года. Конголезцы одержали верх в очень деликатном вопросе: они отказались признать молодого и всеми уважаемого короля Бельгии хотя бы номинальным главой нового африканского государства. Обсуждение

этих вопросов дало новые стимулы к перегруппировкам, к пересмотру ранее занятых позиций. Кашамура сблизился с Лумумбой. Калонжи продолжал колебаться между АБАКО и партией Лумумбы. Иногда он присоединялся к Партии африканской солидарности, однако этот союз не был прочным — он возник без лидера ПСА — Антуан Гизенга не присутствовал на конференции. Федералистский картель АБАКО становился порой на точку зрения унитаризма, затем отмежевывался от достигнутой договоренности и искал контактов с сепаратистами.

По существу, бельгийское правительство согласилось с конголезскими националистами, выступавшими за единое Конго. Бельгия не была заинтересована в расчленении колонии по разным причинам, и одна из них — давление монополий, компании которых в Конго разрослись, вышли за пределы какой-либо одной провинции и охватывали всю территорию страны.

Экономически Катанга связана с Родезией и Южной Африкой. В провинции сильны проанглийские тенденции. Сепаратистская Катанга может ускользнуть из рук Бельгии и переметнуться на сторону англичан. Моиз Чомбе близок Брюсселю, но логика толкала бельгийское правительство на то, чтобы поддержать националистов в их стремлении сохранить целостность Конго. Вот почему, доставив в Брюссель местнически настроенных вождей и руководителей трибальных партий, официальная колониальная Бельгия не стала подогревать их настроения. Но Бельгия и не отталкивала их: резервы всегда пригодятся.

На заключительном заседании Конференции круглого стола Патрис Лумумба выступил с речью. Он сказал:

— В эту минуту, когда закрывается Конференция круглого стола, мы просим разрешения выступить от имени Национального движения Конго и выразить наши чувства и чаяния.

Мы очень удовлетворены результатами переговоров, которые мы только что вели с представителями бельгийского правительства.

Мы требовали немедленного и безоговорочного предоставления нашей стране независимости. И мы именно этого добились.

Мы требовали, чтобы эта независимость была полной и абсолютной. В соответствии с этим требованием бельгийское правительство заверяет нас, что после 30 июня 1960 года Бельгия отменит все меры контроля. В этот день Конго получит международный суверенитет. Конголезское и бельгийское правительства с гордостью будут сидеть бок о бок на заседаниях международных организаций, где они будут защищать свои общие интересы.

Мы требовали, чтобы в промежутке между сегодняшним днем и 30 июня конголезцы были тесно связаны с правительством страны. И наше требование было удовлетворено посредством создания постоянных коллегий при министерстве по делам Конго, генерал-губернаторе и губернаторах провинций. С нынешнего дня вплоть до объявления независимости политическое и административное управление в Конго будет осуществляться через эти коллегии совместно — конголезцами и представителями Бельгии. Без общего согласия не будет принято ни одного решения как со стороны Бельгии, так и со стороны Конго.

Мы исполнены радости в связи с этими великолепными результатами, достигнутыми путем мирных и дружеских переговоров...

То, что Бельгия освободила Конго от колониального режима, который мы не могли больше выносить, завоевало ей дружбу и уважение конголезского народа.

Мы хотим, чтобы эта дружба была длительной и свободной от всех форм лицемерия. Этим мы докажем всему миру, что принцип дружбы народов имеет вполне реальное значение...

Независимость нашей страны, которая будет провозглашена через четыре месяца, является только первым шагом по пути нашего освобождения. Завоевав политическую свободу после длившейся многие месяцы борьбы, мы не должны пренебрегать никакими усилиями, чтобы достичь:

1) создания во всех частях Конго обстановки доверия и спокойствия, чтобы новые институты могли быть созданы и в духе братского сотрудничества;

2) искоренения всех остатков колониализма, в частности — немедленного уничтожения всех следов расовой дискриминации и несправедливых законов, принятых в условиях колониального режима;

3) немедленного прекращения мер угнетения, широко применявшихся против местного населения в некоторых районах Конго;

4) укрепления национальной независимости путем создания устойчивой и процветающей национальной экономики. До тех пор пока наша независимость не будет способствовать поднятию уровня жизни рабочих и крестьян, она не будет иметь никакого значения.

Мы будем также бороться против всяких попыток раздробить нашу национальную территорию. Величие Конго основывается на сохранении его политического и экономического единства.

Что же касается европейцев, живущих в Конго, мы будем просить их остаться и помочь молодому конголезскому государству в строительстве

его национальной мощи. Мы нуждаемся в их помощи. Мы гарантируем им безопасность для их имущества и их самих...

Мы по-братски обращаемся к демократической молодежи Бельгии с просьбой приехать и служить молодому конголезскому государству.

Что же касается вождей племен, мы попросим их осознать необходимость эволюции и сотрудничества с политическими лидерами в деле строительства нашей страны. Мы предоставим им почетное место в наших будущих учреждениях.

Граждане Конго, мы просим вас объединить ваши усилия ради построения великой, единой, трудовой и процветающей нации в сердце Центральной Африки.

Таким языком никто не говорил на конференции. У некоторых делегатов не было и попытки анализа сложнейшего конголезского кризиса, который мог вылиться в международный. Они как бы состязались в изящных комплиментах по адресу высоких и высочайших бельгийских особ: заметно было, как они стеснялись и волновались перед знатными сановниками. Конференция, созванная в Брюсселе, рассчитывала и на психологический эффект. Одно дело митинговать в конголезской провинции или в Леопольдвиле, другое — произносить речь в обществе изысканных господ, которые привыкли издеваться над французским произношением конголезцев.

Выступая, Лумумба видел одно перед собой — свое многострадальное Конго. Он не высказал всего того, что наболело на душе, что просилось в речь и будоражило мозги. Пришлось сдерживать себя, и он снова и снова испытал мучительное чувство упрека самому себе. Кто же выскажет боль конголезской тюрьмы, кто покажет этим выхоленным господам рубцы на спине, кто превзойдет их интеллектом? Много ли ума надо, чтобы славить сотни раз прославленное! Славить безобидно, а иногда и выгодно для продвижения по служебной лестнице: опасно критиковать, разоблачать, уличать фальшивых. Но все впереди, и не стоит расстраиваться. «Независимость везем в чемоданах...»

Конференция завершилась. Ее продолжением явилась экономическая конференция: лидеры партий не могли принимать участия в ее работе — им надо было выезжать в Конго и вести подготовку к предстоящим выборам, к провозглашению независимости. Экспертов по экономическим проблемам у конголезцев не было.

В Брюсселе делопроизводством партии Национальное движение Конго занимался 29-летний студент Жозеф Дезире Мобуту. Возраст для студента несколько обременительный. До этого Мобуту служил в «Форс публик» и

работал в оперативном отделе штаба генерала Янсенса. В армии он и стал пробовать свои силы в журналистике, сотрудничая в газете, издававшейся для солдат и печатавшей в основном бельгийских авторов. После демобилизации Мобуту поступил на работу в газету «Авенир».

В апреле 1958 года его приглашают на Всемирную выставку в Брюссель, где он выступает в роли пресс-атташе конголезского павильона и гида. Посетителям надо было подробно объяснять, из какого дерева изготовлена пирога, как охотятся на крокодилов, из каких шкур сделан барабан, как приготовить пищу из банановой муки и т. д. В парке Хейсель, что на северной окраине Брюсселя, было оборудовано семь просторных павильонов, экспонаты которых были доставлены из Бельгийского Конго. Знаменитый Атомиум, сооруженный бельгийским архитектором Ватеркейном, представляет собой в 160 миллиардов раз увеличенную молекулу железа. Об этом говорится в путеводителе и в статьях о брюссельской выставке, публикуемых в энциклопедиях. Во сколько раз были раздуты успехи Бельгии в специальной выставке под названием «50 лет социальной, экономической и миссионерской работы в Конго», подсчитать никому не удалось...

Жозеф Мобуту показывал посетителям настоящий тропический сад с искусственным обогревом почвы, водил по «типичной» конголезской деревне. Чем-то он себя зарекомендовал, кому-то понравилась его выставочная деятельность. Его определяют в Бельгийский институт журналистики с намерением устроить потом в информационном агентстве Конго. Однако, не окончив курса, Мобуту переходит в Институт социальных наук. В это время он вступает в партию Патриса Лумумбы. Мобуту и представлял Национальное движение Конго на экономической конференции.

Экономические переговоры велись весь апрель и май. Бельгийская финансовая олигархия одержала полную победу над «студентиками», как пренебрежительно называли в Брюсселе конголезских делегатов. Будущему конголезскому правительству вменялось в обязанность строгое соблюдение всех заключенных ранее соглашений с иностранными компаниями. Иными словами, власти независимого Конго в экономических вопросах должны были выполнять функции генерал-губернаторства. За Бельгией сохранялось право на свободный экспорт и импорт. Не исключалась возможность ограниченной экспроприации при условии полного выкупа отдельного предприятия или целой компании. Бельгийские советники предложили создать «Общество развития», с чем согласилась конголезская сторона. Новая организация наделялась необычайно широкими полномочиями в

области контроля за всей экономической деятельностью в стране. Капитал общества должен состоять из бельгийских и конголезских вкладов. Но правительство Конго не располагало никакими капиталами. Выход был найден в том, что будущее суверенное Конго передаст «конголезский портфель» в распоряжение вновь создаваемой финансовой организаций. После этого бельгийские монополии сняли все свои претензии к своему правительству, которое декларировало предоставление независимости Конго. То, что, казалось, было проиграно бельгийскими политиками на Конференции круглого стола, с лихвой компенсировано на экономических переговорах в Брюсселе. Это был реванш деловых кругов. Движимое благороднейшими побуждениями, как отмечала колониальная печать, бельгийское правительство решило принять на себя все расходы, связанные с торжествами по случаю независимости Конго...

Какая маленькая страна! Лумумбе захотелось поехать по Бельгии перед отъездом на родину. Он пригласил с собою конголезского студента Кордозо, у которого была автомашина. Отправились в путешествие. За один день успели побывать в Дамме, Генте, Брюгге, Антверпене. В крохотном городке Дамме задержались. Лумумба долго не отходил от памятника Тилью Уленшпигелю, стоящего напротив собора. «Во Фландрии, в Дамме, — читал по памяти Патрис, — когда май уже распускал лепестки на кустах боярышника, у Клааса родился сын Уленшпигель. Повитуха Катлина завернула его в теплые пеленки и, осмотрев головку, показала на кожу:

— В сорочке родился, под счастливой звездой! — весело сказала она. Но тут же заохала, увидев на плече ребенка черное пятнышко...»

— Ты о чем, Патрис? — спросил Кордозо.

— Это священное место для Бельгии, — отвечал Лумумба. — Да и для нас тоже. Тиль — народный герой Фландрии. Борец за свободу. И Бельгия когда-то была в нашем положении — угнетенной. И у нее во времена оккупации были свои лесные братья — гёзы. Они сопротивлялись испанскому господству, уходили в лес и партизанили. Наши касайские симба, львы, похожи на них. У нас есть свои конголезские гёзы свободы. Тиль бродил по стране, сочинял песни и сам распевал их. Вот, послушайте:

Пепел бьется в сердце.

Пришли палачи, принялись за работу.

Меч, огонь и кинжал — инструменты у них.

Ждет подлых доносчиков щедрая плата.

Где раньше Любовь и Вера парили,

*Насадилы они подозрение и сыск.
Рази палачей ненасытных!
Бей в барабан! Да здравствует Гёз!*

— Bravo, bravo, — воскликнул Кордозо. — Вы поэт, Патрис, настоящий поэт!

— Я люблю эту изумительную легенду о Тиле Уленшпигеле. В Брюсселе я приобрел новое издание книги Шарля де Костера. Советую и вам купить. Бейте в барабаны скорби и радости, конголезцы!

В Брюссель они возвратились вечером. Мобуту уже не в первый раз уверял Лумумбу, что большинство конголезцев, обучающихся в Бельгии, поддерживает Национальное движение Конго. И он рад представлять свою партию в метрополии. Просил об одном — дать ему возможность работать в новом правительстве Конго. Учебу он готов бросить хоть завтра: надо служить своей стране...

В газетном киоске при отеле Лумумба купил две открытки: «Головы негров» Рубенса и цветную фотографию пожилой кружевницы. Он рассматривал их в номере, намереваясь послать в Конго, семье.

Неожиданно вошел Виктор Нендака, а за ним и Жозеф Касонго. Расселись. Говорили о партийных делах — Нендака был вице-президентом партии Национальное движение Конго. Он, Финант, Касонго и другие требовали освобождения Лумумбы и прибытия его в Брюссель. Вспоминали подробности, связанные с началом конференции. Нендака неодобрительно отзывался о Жозефе Касавубу.

— Я думаю, — излагал он свое мнение, — что абаковцы не были заинтересованы в твоём прибытии сюда.

— Почему? — спросил Лумумба.

— Твое освобождение не входило в их планы. Касавубу намеревался вести переговоры с бельгийским правительством один на один. Огромный политический эффект: Бельгия передает всю власть АБАКО. Касавубу хотел быть центральной фигурой на конференции, но этого не произошло. От имени Национального движения Конго мы потребовали твоего немедленного освобождения. Первые заседания были посвящены обсуждению «дела Лумумбы». Мы заявили, что покинем Брюссель, если наш лидер не прибудет сюда. Касавубу и АБАКО отошли на второй план. Вот почему я уверен, что временный и ненужный бойкот конференции преследовал одну цель — набить цену президенту АБАКО...

— Виктор, — строго сказал Лумумба, — об этом не стоит больше

говорить. Область психологических догадок — самая темная. Важно вовремя отбросить все лишнее, мешающее нашему объединению. Наша партия — общенациональная, и мы не можем допустить, чтобы нас кто-то втянул в нелепую ссору. Касавубу был и остается убежденным противником бельгийской колониальной системы, что он доказал, кстати, и во время работы конференции.

— Я знал, что ты именно так и скажешь, Патрис! — с непонятной радостью воскликнул Нендака. — Еще раз убеждаюсь, как много ты можешь простить человеку, которого иногда обвиняют, критикуют, уличают...

Тогда Лумумба не знал еще, что Нендака взял из партийной кассы солидную сумму денег, истратил ее на личные нужды, что этот его поступок обсуждали руководители партии, когда Патрис находился в заключении, но окончательного решения не приняли в ожидании возвращения своего президента. Зато Нендака с особой силой клеймил бельгийских колонизаторов, заточивших в тюрьму Лумумбу. Вот и сейчас он так кстати обратил внимание на замечательное качество Лумумбы — всепрощение: оно пригодится самому Нендаке...

Пирога конголезской жизни

Африканца учат все: администраторы, бизнесмены, плантаторы, врачи, учителя, учат жены и малолетние дети европейцев. Но никто не может сравниться в назидательных способностях с католическими миссионерами. Администратор отругает конголезца за мнимый или действительный проступок — и дело кончено. Учитель общается со школьниками лишь во время занятий, плантатор с батраком — в период уборки урожая.

Миссионер же опекает конголезца всю жизнь.

Миссионеры никогда не следовали в точности за колониальной администрацией. У них была своя программа действий, и если говорить об африканизации в сфере религиозной жизни, то она начала практиковаться здесь задолго до провозглашения независимости. Еще в 1952 году на арене духовной жизни появился первый конголезский епископ. В декларации епископов Бельгийской Африки, опубликованной в 1956 году, содержатся положения, свидетельствующие о том, что церковь во многих вопросах отмежевывалась от колониальной администрации, которая все заметнее компрометировала себя в Конго.

Естественно, оппозиция церкви была кажущейся, и в основных вопросах она не расходилась ни с администрацией в Конго, ни с бельгийскими государственными деятелями, определяющими колониальную политику. Однако поставленную цель можно решать и штыком, и искусной дипломатией, и умной пропагандой. Вопрос о «человеческих отношениях между белыми и неграми», о котором говорили в Бельгии в преддверии конголезской независимости, удачнее всего решала армия католиков — прибывших из-за океана и доморощенных.

Бельгийская административная система, взявшая под свой контроль провинции, округа и районы, оставила без должного надзора конголезскую деревню. В выборах деревенского вождя бельгийские власти прямого участия не принимали. Деревня, заброшенная в саванны или джунгли, в горные или заболоченные места, служила объектом редких и кратких наездов чиновников и полицейских: это когда власти заподозрят что-то неладное, узнают о невыплате налогов, об увиливании от трудовой повинности, об убийствах, грабежах, насилиях. 70 процентов конголезского населения, занятого в сельском хозяйстве, почти не имело возможности систематически соприкоснуться с бельгийским административным аппаратом. Крестьяне чаще видели католического миссионера, чем

официального представителя власти. Фанатики «божьего дела» отличались от других прослоек европейских поселенцев и своим поведением. Рядовые миссионеры довольствовались малым: одевались просто, ели африканскую пищу, не обзаводились имуществом. Многие из них окончили жизненное поприще в глухих местах: их могилки можно видеть при въезде в деревню или на площади.

Следует отметить и состав католической паствы. Свыше 50 процентов населения Конго составляла молодежь в возрасте до 25 лет. На нее и делался упор. Молодежь тянулась к миссиям, при которых, как правило, работали начальные, а кое-где и средние школы. В колониальном Конго не было и в помине светского образования. Тяга молодежи к знаниям ловко использовалась миссионерами. Хочешь учиться — становись католиком! Принадлежность к религии открывала двери школ. Религия и образование сливались в одно понятие: церковь безраздельно господствовала в духовной жизни конголезской провинции, то есть в духовной жизни абсолютного большинства населения.

Церковные деятели не скрывали намерений, заявляя: «Распространяя среди доверенного нашей опеке населения христианскую религию, которую исповедует большинство бельгийцев, мы устанавливаем между этим населением и населением нашей страны общность верований, обычаев и привычек. Мы привлекаем его к участию в такой же самой религиозной жизни и тем самым сближаем нашу расу с их расой, мать-родину с колонией».

Желаемого сближения бельгийцев с «их расой» не произошло, но католическая церковь все же пустила достаточно крепкие корни на конголезской земле. Глава католиков в Конго Пьер Можайский пользовался огромным влиянием. Его разъезды по провинциям собирали многотысячные толпы народа. Миссионеры выводили на дорогу всех школьников, и те простаивали часами на боковых тропинках, сопровождающих любую дорогу в Африке. Многие лидеры политических партий воспитывались в католических миссиях: без осмысления этого факта нельзя во всей полноте представить расстановку конголезских патриотических сил перед независимостью и после нее, как немыслимо понять политическую борьбу в Катанге без «Юнион миньер». Католическая система в Конго являлась духовным империалистическим синдикатом, своеобразной идеологической «Юнион миньер».

В политической жизни некоторые африканские католики, достигшие заметного положения, играли реакционную роль. Магистр Жозеф Мадула, апостольский викарий в Леопольдвиле, выступил с проповедью,

направленной против Национального движения Конго. Он был тесно связан с высшими лицами правящей бельгийской иерархии. Частый гость Рима и Брюсселя. Одно время был назначен администратором леопольдвильского университета Лованиум. Жозеф Мадула обрушился с личными нападками на Лумумбу за то, что Патрис в одном из своих выступлений высказался за введение наряду с церковным и светского образования, за открытие государственных школ. Были и другого рода католики.

Лумумба встретился с одним из них сразу же по прибытии из Брюсселя — оказывается, отец Атанас Джади уже несколько дней поджидал своего земляка в столице. Он приехал из Санкуру, где его избрали администратором, и привез оттуда тревожные вести.

Население поддерживает партию Национальное движение Конго. Но другие партии засылают в провинции своих агитаторов. Появился какой-то провокатор из Катанги, выступил на митинге и от имени Лумумбы заявил, что после провозглашения независимости в Конго будет установлен коммунистический строй. Другой, также ссылаясь на «директивы партии», призывал учинить разгром домов бельгийцев.

— Ну и учинили? — спросил Лумумба.

— К сожалению, да. Благодарение богу, что не было жертв. А имущество растащили. Кое-кто из бельгийцев скрылся. Бельгийский комиссар сидит в Лулуабурге, выехать на место не решается. Может быть, к лучшему. Наступило безвластие. Вот меня и избрали администратором. Успел проявить данную мне власть: несколько человек наказал...

— Ах, как хорошо ты сделал, что приехал, отец Атанас! Теперь все будет определяться подготовкой к майским выборам. События в Касаи показывают, что кто-то уже опередил нас. Провокации направлены на то, чтобы отпугнуть избирателей от Национального движения Конго. Надо включаться в кампанию.

— Я благословляю тебя, Патрис, и надеюсь на успех. Ты не относишься к глубоко верующим людям, но ты сын нашего племени. Мы — братья...

— Я не отвергаю религию, отец Атанас, — стал защищаться Патрис. — Откуда это вы взяли, что я неверующий? Как руководитель политической партии я считаю, что школу надо отделить от церкви...

— А церковь от государства? — перебил его Атанас. — Как у коммунистов?

— Светское образование, как тебе хорошо известно, давно уже введено в большинстве буржуазных стран мира. Почему то же самое нельзя

сделать у нас? Из-за боязни нелепых обвинений?

— Не горячись, Патрис. Я тебя понимаю, но поймет ли тебя простой народ? Я тебя очень прошу — продумай все, прежде чем поехать по стране. Беспокоюсь за тебя. Уж очень много приписывают тебе из того, чего ты никогда и нигде не говорил.

— Вот за это спасибо! Мы еще поговорим, Атанас. А куда ты спешишь?

— У моего велосипеда оборвалась цепь. Сам никак не смог починить. Пойду в мастерскую... Конечно, встретимся и поговорим. А как же! Ну, храни тебя бог...

Патрис Лумумба давно уже заметил эту закономерность: с приближением независимости росло число проблем, возникающих на конголезской почве, между самими жителями страны. Кроме конголезско-бельгийских отношений, так или иначе решаемых то в Брюсселе, то в Леопольдвиле политическими деятелями, существовали конголезские дела, касающиеся земель, расселения, положения племен и их представительности, оплаты батраков и постоянных рабочих и т. д. Общенациональная партия, каковой считало себя Национальное движение Конго, должна была отвечать народу на все эти запросы, и в этом состояла трудность. Мелким, трибальным организациям, претендующим на руководство незначительными родоплеменными образованиями, было значительно легче — их поле деятельности было ограничено, круг вопросов сужен.

Партия Лумумбы входила во все районы страны и вбирала в себя все ее большие и малые заботы. Многие собеседники Лумумбы ставили перед ним конкретные вопросы и ждали конкретных ответов. Необычайно запутанным было положение в конголезских профсоюзах. Разброд, пестрота, соперничество, отсутствие единого центра. Странно, что Ассоциация служащих колонии АФАК открыто выступила против независимости. Профсоюзы были раздроблены по профессиям, по провинциям, по связям с бельгийскими профессиональными союзами. Конфедерация христианских профсоюзов Бельгии насаждала в Конго подчиненные ей профсоюзы. Профсоюзная федерация Катанги слилась в единый центр и действовала под руководством Всеобщей федопаии профсоюзов Бельгии.

В Конго прибывали профсоюзные боссы из Брюсселя. В начале 1959 года оформился Национальный союз трудящихся Конго, который сделал шаг к размежеванию профсоюзного движения колонии и метрополии. Заявка на самостоятельность была встречена в штыки: новый профсоюз

подвергся резкой критике за то, что ставил своей целью разрешение не только экономических, но и политических проблем. Лумумба часто встречался с секретарем Национального Союза трудящихся Конго Антуаном Чиманга. Двадцатитрехлетний руководитель «политического союза», как его окрестили лидеры других профсоюзов, обратил на себя внимание антиколониальными выступлениями. Он требовал введения равной оплаты европейским и конголезским рабочим. Факты, приводимые им, были убедительными и давали полную картину угнетения. Средняя заработная плата конголезца в 1958 году была меньше, чем у европейца, в 30 с лишним раз! Миллионная армия конголезских чиновников и служащих получала столько же, сколько выплачивалось 24 тысячам европейцев, занятых в колониальной администрации. Бельгийцы в Конго зарабатывали в три, четыре и более раз больше, чем их коллеги на таких же постах в Бельгии. И это при условии равенства конголезского и бельгийского франков!

Христианские профсоюзы осуществляли свою деятельность в тесном контакте с предпринимателями и компаниями. Они пропагандировали лозунг: «Рабочий класс Конго, как молодой и неопытный, необходимо охранять как от чуждого влияния извне, так и от собственных заблуждений». Ассоциация африканских средних классов, созданная администрацией, подхватила это теоретическое новшество и стала внедрять его в практику. В леопольдвильских поселках Дамье, Барумбу, Сен-Жан, где проживали конголезские рабочие и служащие, развернулось строительство макомоно — домиков из сырого кирпича. В них вселялись семьи африканцев. Колониальная администрация создала специальное Управление африканских поселков, куда были привлечены и африканцы. Там работал Жозеф Илео, редактор ежемесячника «Консьянс африкэн», со страниц которого раздавались неясные призывы, вроде: «Мы хотим быть цивилизованными конголезцами, а не чернокожими европейцами».

К кому только не примыкал Илео! Одно время состоял в партии Патриса Лумумбы. Затем вошел в контакт с Альбером Калонжи. Выступал заодно с Партией африканской солидарности. Поддерживал АБАКО. То расходился, то сближался с бельгийцами. Над его поведением иронизировали, а самого его называли: «Мы хотим, мы не хотим», намекая этим и на переменчивость позиций, и на то, что многие статьи редактируемого им органа начинались словами: «Мы хотим», «Мы, конголезцы, не хотим...» Жозеф Илео был связан с кругами высшего духовенства в Леопольдвиле: его друзьями были апостольские викарии, префекты, настоятели церквей и соборов, выступавшие в его журнальчике

под различными псевдонимами и определявшие позицию церкви перед независимостью. Теоретики из капиталистических стран обсуждали характер будущей конголезской конституции, государственного уклада нового независимого государства Африки, которое, по их мнению, должно избежать «светской агрессивности» и не забывать о существовании бога... «Мы не хотим, чтобы внешняя видимость политической независимости стала в действительности лишь средством порабощения и эксплуатации, — говорилось в «Манифесте» сотрудников ежемесячника. — Мы никогда не допустим, чтобы бельгийско-конголезская федерация была нам навязана без нашего согласия или же чтобы ее сделали условием нашего политического освобождения».

«Мы хотим, мы не хотим...» Низкорослый, щупленький Илео выезжал на строительство «образцовых» поселков для учителей, санитаров, Панферов, механиков гаражей, столяров, сапожников, портных, приказчиков, рассыльных, служащих компаний и банков. Улицы в них выглядели благоустроенными, чистенькими. Женщины брали воду из колонок, а не из грязного ручья. Стирку производили в бетонных ваннах, сооруженных около колонок. Опрятнее выглядел и африканский рынок. В поселках действовали магазины, мастерские по ремонту велосипедов, принадлежащие новой африканской буржуазии, существованием которой начали гордиться даже бельгийцы, ставя себе в заслугу ее рождение.

Антуан Чиманга не скрывал своей антипатии к Жозефу Илео. Лумумба занял позицию примиряющего. Чиманга предлагал избавить национальное движение от людей «Мы хотим, мы не хотим» — отмежеваться от них.

— Нельзя этого сделать, Антуан, — внушал Лумумба. — Сейчас как никогда нужно единство. Авторитет нашей партии будет измеряться голосами избирателей, числом депутатов, прошедших в парламент от нас. Илео пошел на поводу у бельгийцев — болезнь, свойственная многим из нас. Не забывай, что я ведь тоже работал в Стэнливиле вице-председателем провинциальной секции либеральной партии, состоящей в основном из бельгийцев. Там я основывал бельгийско-конголезский союз. Политическое развитие событий меняет наши взгляды и представления. Обострять отношения с Илео не следует. Разберемся после независимости. Все экономические проблемы будем решать потом. Некоторые твои призывы, Антуан, преждевременны...

— Это какие? Меня во всем поддерживают рабочие!

— Все это так, Антуан. А как мы будем решать этот вопрос, когда приобретем независимость? Мы не сможем пойти на это. И тогда нас обвинят в том, что мы не выполняем своих обещаний. Квалифицированный

рабочий везде и всегда получает больше неквалифицированного. Сможем ли мы чернорабочему конголезцу выплачивать столько же, сколько получает европейский инженер или техник? Кто из европейцев согласится работать на таких условиях? А без них наша промышленность остановится. Мы можем обещать некоторое повышение заработной платы, выступать за обучение рабочих в технических школах, за подъем их квалификации, с тем расчетом, чтобы со временем они смогли заменить европейцев. Предстоит длительный процесс. А ты все это подменяешь требованием равенства в оплате. Надо поправлять положение, друг мой Антуан, иначе мы прослышем людьми несерьезными. Ты чаще беседуешь с рабочими. Скажи, как они представляют свою жизнь после независимости?

— Кто как, Патрис. Но все надеются на лучшее...

— А откуда эти слухи о том, что новое правительство отменит всякие налоги, что на плантациях и заводах не надо будет работать, а деньги будут раздаваться каждый месяц, что жен можно будет брать сколько угодно и без всякого выкупа? Смеешься? Нельзя расходиться с бельгийцем только потому, что он европеец, и соглашаться во всем с конголезцем только потому, что он наш соотечественник. Так мы растеряем все принципы и отступим от правды.

— Обниматься с бельгийцами я не намерен, Патрис...

— Никто тебя не заставляет! В народе более чем достаточно ненависти к колонизаторам, но это Чувство конголезцев надо использовать разумно, с выгодой для страны, для нашего общего дела. Ты знаешь, что бюджет будущего конголезского правительства будет состоять из отчислений европейских компаний? Знаешь? Отсюда следует вывод: переход от колониального правления к независимости не должен повлиять на бесперебойную работу фабрик и заводов, плантаций и транспорта. Дадим волю анархии — останемся у разбитого корыта. И тогда вслед за бельгийцами народ погонит и нас, конголезских правителей. Головные уборы из шкур леопарда носить легче, чем руководить страной. Мы приобретаем кое-какой политический опыт, но у нас нет никакого навыка в хозяйствовании. Ты думал о том, как нам удастся ликвидировать безработицу?

— Организуем общественные работы, создадим фонд...

— Да, да, фонд помощи безработным! Я так и знал! — воскликнул Лумумба. — Откуда возьмем деньги? Я считаю, что Сесиль Родс не так уж далек был от истины, когда говорил: империя есть вопрос желудка. Сказано нарочито грубо. Так вот этот «вопрос желудка» придется разрешать и нам...

— С помощью бельгийцев? С каких пор ты стал пессимистом, Патрис?

— Не надо путать пессимизм с реализмом. У батетела есть поговорка: на одной пироге всю деревню не увезешь. А мы с тобой не имеем ни одной пироги! Не знаю, как еще сложится избирательная кампания и кому народ предоставит пирогу, на которой можно въехать во дворец генерал-губернатора и сформировать правительство. Наша независимость двинет вперед весь континент! Это тебе не Конго аббата Юлу. Каждый активист нашей партии должен проникнуться чувством ответственности за судьбу Конго. Мы переживаем исторический момент...

В ту пору Конго напоминало собой дискуссионный клуб, в котором каждый посетитель был оратором и политиком, обвиняющим колониальную систему и ратуящим за независимость. Появлялись все новые и новые политические союзы. Кто-то уверял даже, что подпольно действует коммунистическая партия. Предприимчивые торговцы стали распродавать хлопчатобумажные ткани с цветными изображениями Лумумбы, Касавубу, Калонжи, Боликанго, Чомбе, Гизенги, Кашамуры, Илео. В большом ходу были ваксы — набедренные повязки, изготавливаемые в Голландии, испещренные портретами конголезских лидеров. Африканские джазы наигрывали песенку «Индепенданс чача», в которой перечислялись фамилии наиболее известных политических деятелей. «Памба, памба, памба!» — «Даром, даром, даром!» — выкрикивали мальчишки, сновавшие по улицам и переулкам, раздавая фотографии «гребцов конголезской пироги», устремленной к независимости.

В леопольдвильском пивном баре «Рубенс» встречались африканцы и европейцы: запрет на доступ в город местным жителям был снят. Обстановка диктовала равенство, которое проявлялось за кружкой пива. Теперь уже на африканцев не покрикивали: их выслушивали, хвалили за ум и ораторские способности. А уж потом, оставшись наедине, бельгийцы позволяли себе откровенность:

— Конголезцы хороши тем, что они ничего всерьез не принимают.

Больше всего доставалось Бельгии от бельгийских граждан в Конго. Между официальной точкой зрения и мнением поселенцев в колонии расхождение шло решительно по всем пунктам. «Правительство нас предает» — таков был общий вывод. Бельгийских министров именовали кретинами, и это не было самым сильным выражением. Какая независимость? Кому она предоставляется? Кто возглавит страну, по своим размерам превышающую Бельгию в 77 раз? Где конголезцы наберут министров и комиссаров? Что прикажете делать: этих недоучившихся

черных придется называть монсеньерами и превосходительствами. Так это же величайшая комедия! Понятно, политика требует игры, гибкости, изобретательности. Но, господи, с кем ведется игра!

Ученые, казалось, убедительно доказали, что интеллектуальное развитие конголезца затормаживается или совсем прекращается в период наступления половой зрелости. Какое верное наблюдение! Весь опыт поселенцев говорит в пользу такого учения. Конголезские дети умилительны в своем послушании белым. В начальной школе они учатся отлично, а дальше — хуже и хуже. Из средних учебных заведений выходят одни говоруны, политики. А техника? Она им противопоказана. На все Конго ни одного инженера! Все хотят сделаться адвокатами или экономистами. Не все политические лидеры знают таблицу умножения. Ну, не позор? В какой ловушке мы оказались! Дали детям в руки спички. Несчастливая Бельгия!

Колониальная пропагандистская кисть не жалела черных красок, упражняясь в изображении обобщенного типа конголезца. Упражнение в напраслине и клевете на целый народ, в изощренных, унижительных историях, появление которых продиктовано озлобленностью, страхом перед будущим. Предавалось забвению и то, что говорилось раньше хорошего о конголезцах самими бельгийцами. Перед независимостью расцветал еще один ее враг — расизм. Собственник, для которого в нажитом — все, готов защищать свои богатства с помощью любых средств. Пренебрежительное отношение к целому народу порождает ответную реакцию — прогрессировал африканский расизм, оживлялась слепая ненависть к любому белому на том только основании, что он белый. Классовый подход подменялся расовым. Обстановка накалялась. Все чаще стали случаи избиения европейцев, ограбления их особняков, насилия, оскорблений. В одиночку бельгийцы уже не появлялись в африканских кварталах больших городов. «Бельгийско-конголезское общество» дышало на ладан.

Колониальные власти круто повернули избирательный курс: в атмосфере антагонизма нечего было и помышлять о выдвижении в члены парламента депутатов от европейского населения. Колония бельгийцев оказалась в состоянии изоляции.

Расизм африканцев сдерживался военно-политической машиной, системой наказаний, тюрьмой, и все же он давал о себе знать и выходил наружу. В Леопольдвиле на бронзовый бюст короля Леопольда навешивали веревку, окрашенную в черный цвет. На пальмах и баобабах вешали чучела европейцев. Предпринимались ночные налеты на загородный

фешенебельный ресторан «Давиньер». Африканская прислуга отказывалась от работы в домах белых. Волна расизма захватила и цветных, мулатов, рожденных от браков европейцев с местными.

Собственно, настоящие браки были редки: в большинстве речь идет о временных связях. В Конго не существует бракоразводного института. Африканские браки базируются на традициях, на моральных обязанностях одной семьи, одного клана перед другими. Главную ответственность за воспитание детей несет женщина. Ребенок знает мать, и ее присутствие он ощущает всю свою жизнь. До многих случаев отец — понятие номинальное. Многоженство стирает личность родителя. Кроме того, супруг может оставить одну семью и обзавестись второй, а то и третьей. Дети остаются с матерями, которые и выступают в роли настоящих глав семей. Отец не несет материальных обязанностей перед брошенным на произвол судьбы потомством.

Нетрудно открыть ночное кабаре «Белое и черное», пригласив туда танцовщиц из Европы и Африки. Но мир знаком с черно-белым обществом Соединенных Штатов Америки, где, конечно же, не все американцы расисты и не все негры проникнуты жгучей ненавистью к белым. Жизнь — не красочная этикетка, она глубже легковесных слов о дружбе. Раздоры бывают даже в одной семье, среди одного народа, между родственными племенами и народностями, между самими белыми и самими черными. И если избавить страну от всех европейцев, схлынет ли волна гнева, воцарится ли спокойствие? Вряд ли. Да и без европейских специалистов страна не сможет нормально существовать. Так думал Лумумба, но... продолжал критиковать бельгийцев. Один случай внес существенную поправку в его разоблачение колонизаторов.

Лумумба выступал в Стэнливиле, где его знали, уважали, где большинство жителей шло за ним и беспредельно верило ему. Полно знакомых по работе, по партии. В политическом отношении этот город всегда опережал официальный и более сдержанный Леопольдвиль — лозунг «Долой бельгийских колонизаторов!» прочно вошел здесь в обиход ораторов, и никто не боялся произнести его. Этим призывом закончил свою речь и Лумумба. Вдруг из взволнованной публики раздался женский голос:

— Не все бельгийцы плохие!

Наступило замешательство. Лумумба ответил:

— Я не утверждал этого. Вы меня неправильно поняли. Подойдите сюда, мы объяснимся. А, это ты, Донасия! Я так рад тебя видеть...

Эта молодая бельгийская женщина прибыла в Конго на работу по контракту с колониальной администрацией — на родине она не могла

найти себе занятия. Вышла замуж за конголезца Мондеке и нарожала ему кучу детишек. Лумумба заходил в их семью. Он спрыгнул с импровизированной трибуны, подошел к Донасии и пожал ей руку.

— Я конголезцев не эксплуатирую, Патрис, и тебе это хорошо известно.

— Ну, полно, Донасия, сердиться! Я критикую монополии, систему эксплуатации в целом, а не отдельных людей...

— Про монополии я бы сказала не менее резко, чем ты. Тут у нас нет расхождений. Но ты задел всех бельгийцев. А мы с мужем не можем сколотить денег на билет до Брюсселя. У меня там больная мама...

В Стэнливиле только и разговоров было об этом происшествии на митинге.

Конфликтов и тяжб между конголезцами и европейцами становилось все больше и больше. Кто-то уже, чувствуя недоброе, ликвидировал свои дела, упаковал грузы и отправлял их через Леопольдвиль и Матади в Антверпен: морем дешевле. Старые отношения в «бельгийско-конголезском сообществе» лопались еще до официального объявления независимости, а как сложатся новые — никто не мог предвидеть. Председатель социал-христианской партии Бельгии Лефевр обратился с открытым письмом к союзу синдикалистов Восточной провинции, в который входили европейские предприниматели и часть служащих. Вот текст этого обращения к соотечественникам в Конго, датированного 12 мая 1960 года: «Господа, ответственные бельгийцы в Конго, которые сеют панику или позволяют, чтобы ими овладела паника, являются или преступниками, или никчемными людьми. Они компрометируют труд Бельгии в Конго, подрывая бельгийский авторитет зрелищем морального падения. Многие территории в Африке и в Азии уже перешли от колониального режима к полной независимости без всякого кровопролития. Я не вижу причин, доказывающих, что в Конго будет иначе. К тому же все предосторожности были сделаны для поддержания порядка — и это при помощи европейцев, сумевших сохранить хладнокровие».

Причин назревающего кризиса не видел не только господин Лефевр. Конголезская пирога заметно оседала под тяжестью больших и малых проблем, политических и расовых, экономических и социальных, финансовых и племенных, общественных и семейных. Но течение несло и несло ее вперед.

Лумумба не знал покоя. Летал самолетами. Из городов отправлялся в провинцию на автомашинах, украшенных лозунгами партии. Митинги длились по шесть-десять часов. Ночевал в деревнях у костров, где снова

начинались беседы, длившиеся до утра. На завтра то же самое. Собравшиеся настоятельно просили, чтобы перед ними выступил непременно Лумумба: других ораторов слушали не с такой охотой. И он говорил, вызывая на полемику, на спор крестьян. Каждый митинг убеждал его, что в народе пробуждается чувство человеческого достоинства, укрепляется понятие национализма с явным оттенком местничества. Этот национализм не был общеконголезским он всегда, упирался в то или иное племя, в гордость за своего вождя, который в какой-то схватке наголову разбил иноплеменных соседей.

В Конго не было общенационального героя. Отдельные вожди, как случалось в истории, объединяли родное им племя, а перед угрозой нашествия вступали во временные союзы с другими. Кончались войны — распадалась союзы. Недавние соратники ссорились, друг становился врагом, а вчерашний противник превращался в единомышленника. Корыстные цели примиряли конголезских вождей с европейскими предпринимателями, открывателями новых рынков на территории Африки.

В районе Кванго Лумумба услышал повествование о киамбу Наимба Нкумби, который сколотил войско и долго сопротивлялся бельгийскому отряду. В одном из сражений король был убит. Его нож, символ власти и одержанных побед, бельгийцы передали враждовавшему с Наимба Нкумби вождю Луко Низа. Тот не любил верховного повелителя племени банка, но еще больше ненавидел бельгийцев. Чтобы не запятнать себя сотрудничеством с иностранцами, Луко Киза сбежал в Анголу. Его сыновья не желали брать ножа Наимба Нкумби из рук бельгийцев. Свыше шестнадцати лет скрывались они в лесу. Когда район был усмирен и в нем утвердилась бельгийская администрация, народ все равно признавал своими вождями сыновей Луко Киза. В лес им носили подати, приводили жен, гнали в джунгли провинившихся, чтобы вожди определили наказание. Теперь полномочная делегация племени банка прибыла к Лумумбе за советом: кого выдвигать в парламент — наследников Наимба Нкумби или братьев Луко Киза?

Конголезская провинция навечно вписала вождя в свою повседневную действительность, теперь же у него появлялся реальный соперник не из числа прибывших из-за океана чиновников, а из среды своих соотечественников. Лумумбу считали большим вождем, его слушали и слушались. В провинции Киву после одного собрания к Лумумбе подошел плохо одетый африканец.

— Выслушайте меня, бвана Патрис, умоляю вас...

Лумумба провел с ним весь вечер. Проспер — так звали конголезца —

лишь на днях прибыл в родную провинцию из Уганды, где он скрывался от бельгийских властей. Ему мстили за отца, вождя глухой деревни. Бельгийские геологи искали золото. В свой отряд они взяли предводителя деревни, заявив ему, что не отпустят до тех пор, пока он не покажет места, в которых конголезцы добывают золото. Охотники до благородного металла были поражены внешним видом плохо питающихся и почти неодетых жителей. Морщинистая кожа рук и ног престарелой женщины украшена золотым ожерельем весом не меньше килограмма! Пепельница вождя — еще два с лишним килограмма. Местный кузнец не успевал справляться с заказами, горн горел круглые сутки, а мехи, сделанные из листьев банана, приходилось то и дело менять. Он отливал серьги и кольца, пуговицы и булавки, мундштуки и расчески. Все изделия отличались массивностью. В бедной деревне человек рождался и умирал в золоте и с золотом. Появившемуся на свет приносили дары — золотые колечки на шею, руки и ноги. По поверью, золото давало здоровье. Умершему оно давало спокойствие в загробной жизни. В могилу клали золотые маски, предметы домашнего обихода, украшения.

Никто из этих лесных людей не знал, что закапывать золото в могилы — значит проявлять дикость, отсталость. Геологическая группа решила положить конец столь расточительному и нелепому способу обращения с благородным металлом. Вскрывались могилы, оказавшиеся настоящими копиями. Конголезцы отдавали украшения за табак, за спички, за яркие кусочки материи. Но всего этого было мало: геологи хотели видеть золотоносную землю. Вождь согласился показать место, откуда «приносят слитки. Он привел партию к озеру, а сам бросился в воду и утонул. Обескураженные геологи вернулись в деревню и не обнаружили там ни единого жителя — все ушли в лес. Гибель вождя послужила сигналом к вооруженному выступлению против чужаков. Конголезцы истребили весь отряд. Золото вернулось к хозяевам. Через несколько лет бельгийцы снова навестили деревню: они нашли конголезца, который показал им золотые россыпи. В районе началась промышленная разработка.

— Мой брат сидит в тюрьме, — заканчивал рассказ Проспер. — Возможно, схватят и меня, когда узнают о моем возвращении. А сын человека, который показал бельгийцам, где растет золото, поставлен сейчас во главе районной организации вашей партии. Моя деревня не будет голосовать за него. Справедливость дороже золота, бвана Патрис, намного дороже. Так говорил мой отец. Вот все, что осталось от него...

Проспер развернул узелок и показал золотую рукоятку от посоха вождя.

— Спасибо, Проспер, что пришел и рассказал обо всем. Я распоряджусь, поправим положение. Да, золото отыскать легче, чем надежных людей. Твой отец был патриотом и мудрым человеком. Мы его не забудем. Ты иди в свою деревню и объяви народу, что я тебя прислал и назначил главным. Только ты выступай не как вождь, а как представитель нашей партии. Нелегко нам разобраться с вождями. Многие из них сотрудничали с бельгийцами. Их и прозвали лемба — ряжеными, потому что они носили бельгийские медали. Дочерей своих отдавали европейцам, чтобы спасти свои шкуры. А теперь рвутся в руководители. Отдыхай, Проспер, до утра. Солнце приносит свежие мысли!

В майские дни в Восточной провинции идет ливень: мвуля ико минди. Идет дождь. Конголезцы долгими часами просиживают в хижинах. В такое время хорошо ловится рыба самаки. В бухтах и заводах полно косакоса — больших креветок. Рыбаки трудятся и в дождь.

Деревня Батикалела стоит на берегу Луалабы. Рядом — речки Амуньяла, Мамболе, Моби, лес, кустарник, камыши. На возвышенностях грядки моинди — кукурузы. По тропинкам снует народ. Вождь деревни Пенелонгу выдвинулся вперед. Молодой паренек Жюль Мванга держит над ним большой зонт. На голове Пенелонгу шапка из леопардовой шкуры, украшенная перьями. Обнаженный торс с красной лентой через левое плечо. Длинные брюки, поддерживаемые веревкой. На ногах шлепанцы из пластмассы. В руках подобие жезла с наконечником из слоновой кости в форме змеиной головки. Поверье: пешехода с таким жезлом змея не укусит. Залитая дождем Батикалела ожидает гостя. Он должен появиться с минуты на минуту. Наконец показалась еле ползущая грузовая автомашина. Остановилась. Лумумба вместе с товарищами сидел в кузове. В кабине, рядом с шофером, находилась его жена Полин с сынишкой Роландом, уснувшим у нее на руках. Народ кричал: «Свобода! Лумумба! Конго!» Пенелонгу приблизился к машине, поздоровался со всеми и передал Лумумбе свой жезл и шапку.

— Теперь ты наш вождь, — сказал Пенелонгу. — Но ты должен выполнить мою просьбу. Пойдем в деревню — без обеда я вас не отпущу. Таких косакоса вы нигде больше не увидите и не попробуете. Женщины наготовили курочек. Есть и пиво. Машину оставьте на дороге. Мвуля ико минди, дождь идет, но у костра высохнете. А голосовать вся деревня будет за тебя, Патрис. Так что не беспокойся. Пошли, пошли. Скользко, не упадите. Я все понимаю, что к чему. Конечно, Конго нужен один большой-большой вождь. Умный-умный, честный и справедливый. И чтобы не боялся белых...

Пока шли до деревни, Пенелонгу успел нарисовать образ вождя всего Конго, каким он ему представлялся. Обрывками фраз коснулся множества тем и окончательно расположил Лумумбу своей непосредственностью и добротой.

В хижине, куда они вошли, было тепло и дымно: в углу, выложенном камнями, горел костер. Женщины увели Полин, а Патрис снял сорочку и повесил ее на просушку. Пенелонгу говорил без умолку, стараясь выяснить мнение Лумумбы по всем неясным для него вопросам. Одновременно он успевал ухаживать за прибывшими, подкладывая им в тарелки кусочки курятины в наперченном соусе, свежие и жареные бананы, рыбу и креветок, дымящуюся горячим паром кукурузу. Из бутылки тянули белесоватую жидкость — пальмовое пиво.

— Ты объясни мне, Патрис, — просил Пенелонгу, — почему не все племена поддерживают тебя? Что у них там — другое Конго? Нужно их проучить. Скажешь — все пойдем на войну. Так мы решили в деревне. Кое-кого вздернем на деревья, пусть висят и созревают! Остальные будут покорными. И нам лучше станет...

— А что думают об этом крестьяне? — поинтересовался Лумумба, удивленный странным рассуждением Пенелонгу.

— Я же сказал: все так думают. У большого вождя должно быть большое войско. Оружия мы наготовим. Есть и железо, и кузнецы...

Лумумба нахмурился, опустил голову и долго молчал. С чего начать, какими доводами опровергнуть опасные заблуждения человека, который так горячо поддерживает Национальное движение Конго? Он как-то горько заулыбался.

— Послушай, Пенелонгу, что я тебе расскажу. В нашей деревне жил один крестьянин. Крепкий, сильный. Любил работу. Не расставался с мупангой — то хижину строит, то рубит деревья, то делает табуретки. Однажды он пришиб себе палец. Возьмет мупангу в руки, а сила уже не та, что раньше: мешает больной палец. Лечил, да никак не заживает. Вот он и надумал отрубить его. Пошел к старику отцу и рассказал ему о своем намерении. Тот выслушал и ответил: «Я так и знал, что мне умирать еще рано. Господь видит глупость моего сына и сохраняет мне жизнь, чтобы я помогал ему своими советами. Твой палец, может быть, еще и заживет. Но если ты его отрубишь, можешь лишиться всей кисти и даже руки. Наберись терпенья и ума. Дай мне умереть спокойно». Вот ты и подумай, Пенелонгу, стоит ли отсекал пальцы только потому, что они больные или непослушные? Пожалуй, без рук останемся. А в Конго племен в сто раз больше, чем пальцев на руке! Ударь по одному — всем будет больно. Как

же ты думаешь о войне?

— Мой отец давно уже скончался, посоветоваться не с кем, вот и спросил тебя, — отшутился смущенный Пенелонгу. — Выпей еще пива и забудь про мою болтовню. Как ты скажешь, так и сделаем. А все-таки здоровые пальцы должны слушаться человека. Что, не так?

— Так, так! — воскликнул повеселевший Лумумба. — Тут я с тобой полностью согласен. А ты, Пенелонгу, можешь жить и без отца...

Полин вошла в хижину и увидела компанию хохочущих мужчин. Довольный Пенелонгу стоял у низенького столика в петушиной позе. Лумумба держал очки в руках, откинул голову назад и заливался смехом.

— Дождь напугался вашего смеха и перестал, — оповестила Полин.

Стали собираться. Роланд, оказывается, успел поспать. Он подошел к отцу, держа в руках охапку сахарного тростника. По дороге к машине шла вся деревня. Забравшись в кузов, Лумумба надел шапку, подаренную вождем, и низко поклонился толпе.

Были и огорчения: в Экваториальной провинции некоторые районы отказывались принять у себя Лумумбу, ссылаясь на то, что там у них есть свои лидеры. Соперничающие партии предупреждали о нежелательности визита Лумумбы в места, где они обеспечили себе большинство. Сама идея о едином Конго трактовалась по-разному. Племена выступали за единство.... одного племени. Многие представляли независимость как установление диктата нескольких больших племен над десятками малых и слабых. Катанга делала все, чтобы не допустить на свою территорию «опасных пропагандистов» из Леопольдвилля. Колониальные агенты сеяли слухи о том, что пойти на выборы — все равно что продать душу дьяволу...

Но выборы все же состоялись. Первые и единственно всеобщие в колонии. Они подтвердили, что большинство партий и союзов по своему влиянию на избирателей не смогло выйти за рамки регионально-этнического деления. Значительных успехов добились сторонники Патриса Лумумбы, но и у них наиболее сильные позиции были только в двух провинциях — Восточной и Касаи. Национальное движение Конго в Восточной провинции получило в парламент 56 мандатов из 70. Два места завоевали вожди, четыре — независимые депутаты, шесть — кандидаты злополучной «пенепе» (Партия национального прогресса).

В Касаи, чтобы противостоять Калонжи, партия Лумумбы выступила в Союзе с организацией племени басонге и коалицией касайцев. Этому тройственному объединению удалось провести в парламент 25 человек, а Калонжи — 21. Двадцать четыре места завоевали представители других,

более мелких партий.

Неожиданным оказались итоги выборов в провинции Леопольдвиль: АБАКО получила 33 места, уступив первенство Партии африканской солидарности, завоевавшей 35 мест. Национальное движение Конго довольствовалось лишь двумя местами от этой провинции, которая направила в первый конголезский парламент наибольшее число депутатов — 90. В Экваториальной провинции Лумумба собрал больше голосов, чем другие партии, но меньше, чем независимые кандидаты. В Катанге партия Лумумбы не провела в парламент ни одного своего кандидата, КОНАКАТ — 25, БАЛУБАКАТ — 18. На долю Калонжи досталось одно место. В провинции Киву большинство голосов собрала партия Кашамуры. Пробельгийские группировки потерпели поражение.

Формирование шести провинциальных правительств окончательно закрепило за ведущими политическими партиями сферы их наибольшего влияния. Клеофас Камитату, представитель Партии африканской солидарности, возглавил правительство в Леопольдвиле, Лаурент Габриэль Экетеби (ПУНА) — в Экваториальной провинции, Жан-Пьер Финант (Национальное движение Конго) — в Стэнливиле, Моиз Капенда Чомбе (КОНАКАТ) — в Катанге, Бартоломей Мукенге (сторонник Альбера Калонжи) — в Касаи. В провинциальных правительствах Леопольдвилья и Катанги не было ни одного депутата от партии Лумумбы. В Стэнливиле из десяти министерских постов девять принадлежали депутатам от Национального движения Конго: внушительная победа партии, одержанная в одной из шести провинций. В Касаи большинство министров также принадлежало к сторонникам Лумумбы, но чрезвычайно шаткими были взгляды самого председателя провинциальной ассамблеи Бартоломея Мукенге, который отстаивал идею создания автономного государства народности балуба.

Итоги выборов повергли в растерянность многих лидеров. АБАКО, сильные позиции которой в Нижнем Конго ни у кого не вызывали сомнений, не смогла добиться успеха в своем родном районе! Жозеф Касавубу срочно созвал совещание руководителей партии: оно приняло решение отказаться от участия в провинциальном правительстве Леопольдвилья.

В провинции Леопольдвиль создано двоевластие: наряду с законно избранным функционировало правительство, возглавляемое Гастоном Диоми. К этому времени бывший бургомистр леопольдвильской коммуны Нгири-Нгири успел побывать в руководящих деятелях многих политических партий. Порвал с Национальным движением Конго, занимал

особую позицию в группировке Калонжи, сотрудничал с Партией африканской солидарности, дружил с Боликанго и Чомбе, одно время поддерживал Партию народа, входил в клановый альянс Баянзи, прокламировал создание обособленного государства баконго, в чем нашел сочувствие со стороны беженцев из Анголы, проживающих в Леопольдвиле. АБАКО игнорировала правительство Клеофаса Камитату.

Раздоры в Леопольдвиле отрицательно влияли на положение и в других провинциях страны, где немало было сторонников «пересмотра выборов» и реорганизации недавно созданных правительств. Борьба за власть, честолюбивые устремления политиканов, которые не заняли никаких постов и оказались у разбитого корыта, а теперь жаждали реванша, толкали Конго в затяжной парламентский кризис. Помимо этого, отсутствие центрального органа власти вызвало разноречивость в работе провинциальных правительств; главы их руководствовались предписаниями партий, членами которых они являлись.

В Леопольдвиль перекечевали все недовольные, озлобленные политики. Они снимали помещения, открывали бюро, печатали листовки и воззвания, устраивали митинги протеста, зывали к помощи Бельгии, чтобы она вмешалась и восстановила «попранную справедливость». К обиженным стекались родственники, знакомые, единоплеменники. Прибывали семьями, кланами со всех уголков Конго и пополняли свои землячества в африканских кварталах. Число безработных и празднующих увеличивалось с каждым днем. Неистовствовал Альбер Калонжи, который из молодых касайцев создал отряды «добровольцев». Они сопровождали его всюду, производя внушительное впечатление на публику. Калонжи нападал на Лумумбу, утверждая, что он установит «новый и более худший колониальный режим», узурпирует власть и «накинёт удушающую цепь на все Конго». Касайский вождь говорил, что без его участия не может нормально действовать ни одно правительство Конго. Делал реверансы в сторону Касавубу, доказывал, что «лучшие и достойнейшие» люди Конго отстранены от участия в управлении страной, так остро нуждающейся в «государственных умах». Себе он требовал пост министра национальной обороны. Позднее он соглашался принять министерство сельского хозяйства...

Неудовлетворенным оказался и Жан Боликанго. Его сторонники тоже устраивали скандальные демонстрации, которые направляли угрозы уже не по адресу бельгийцев, а в сторону патриотических партий.

Леопольдвиль переживал бурные и тревожные времена. А между тем на повестку дня встал вопрос о формировании центрального

правительства. Проходили непрерывные совещания. Колониальные власти предпринимали попытку сколотить правительственную коалицию, благоприятную для Брюсселя. Жан Боликанго, которого бельгийцы прочили в президенты нового государства, зачастил к Жозефу Касавубу. Альбер Калонжи вступал в контакты с Партией африканской солидарности, с БАЛУБАКАТ и партией Унисета Кашамуры. В этих трех партиях находились сторонники объединения и с Лумумбой, и с Касавубу, и с Сендве, и с Калонжи.

Наступил июнь, приближалась дата провозглашения независимости, а Конго еще не имело центрального правительства. Официальный Брюссель, испытывавший удовольствие от ссоры конголезцев между собой, тем не менее тоже был обеспокоен затянувшимися переговорами, исход которых был неясен даже знатокам конголезского вопроса. Абаковцы активно заговорили о вполне возможном создании автономной республики Баконго. Бельгийцы могли пойти на военное вмешательство, на отсрочку обещанной независимости.

Обруч лопнул, бочка разваливается... Что не так? Распри между конголезцами служили самыми вескими доводами для колонистов, которые всегда утверждали: рано предоставлять африканцам независимость, они к ней неподготовлены. И что смотрит бельгийское правительство? Снова посыпались упреки и обвинения. Но это лишь казалось, что Брюссель бездействует и равнодушно смотрит на обострение общей ситуации в Конго. Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш, назначенный после окончания Конференции круглого стола министром-резидентом в Леопольдвиле, то и дело совещался с бельгийским послом Жаном Ван ден Бошем. Бельгийские министры зачастили в Конго. Политические партии Бельгии слали своих наблюдателей для изучения обстановки на месте. Университеты и различного рода общества направляли делегации. Не только Бельгия, весь католический мир проявлял повышенный интерес к тому, что творят «черные братья».

Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш продолжал встречаться с конголезскими деятелями, пытаясь сколотить подобие группировки, на которую можно было бы ориентироваться в дальнейшем. Ничего не получилось! Поддавалась провинциальная мелкота из легиона обойденных на выборах, но что с ней можно сделать! Правда, от подарков и поездок в Бельгию за счет колониальной казны никто не отказывался.

Министр-резидент встретился с Патрисом Лумумбой. Разговор протекал в мирной атмосфере до тех пор, пока не затронули главного. Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш с пристрастием и назойливостью пустился

в рассуждения о Касавубу, Калонжи, Илео и других, ожидая, видимо, оценок этим лицам со стороны Лумумбы. Получился конфуз. Лумумба, не скрывая раздражения, резко заявил:

— Оставьте все это, господин министр. Неужели вы не чувствуете, что ваши полномочия истекли? В Конго вам делать больше нечего...

Опытный колониальный чиновник, продолжавший верить в свое всеисие, получил первый чувствительный удар от конголезца. Раньше ничего подобного не происходило.

...Для Лумумбы этот день был памятным. Он решился на важный шаг — предложил пост президента Конго Касавубу. Одна фраза, как микроскопическая доза волшебного снадобья африканского колдуна, перевернула все.

— Я пришел сообщить вам, господин президент, что мне поручено сформировать центральное правительство...

В порыве благодарности Касавубу припал на колени, голос его дрожал. Оправившись от волнения, он привстал и стал пожимать обе руки Лумумбы. Трудно было начинать деловой разговор, но, как выяснилось, в нем и не нуждался Касавубу, сказавший, что он целиком и полностью доверяет Лумумбе формировать правительство. Конголезская пирога выскочила наконец из заводи!

Пост вице-премьера занял Антуан Гизенга. Из 23 министров, вошедших в кабинет Патриса Лумумбы, восемь представляли партию Национальное движение Конго. Жозеф Касавубу проголосовал за состав правительства, в котором был один абаковец — министр финансов Нкайи Паскаль. Портфель министра экономики получил член правления КОНАКАТА Жозеф Яв, Чомбе дал на это свое согласие. Председателем палаты представителей был избран Жозеф Касонго, известный деятель партии Национальное движение Конго, а председателем сената — Жозеф Илео, вышедший из партии Лумумбы и присоединившийся потом к Калонжи.

Когда довольный, улыбающийся Илео, у которого на шее раскрылилась синяя «бабочка» в белую горошину, вышел на сцену и начал благодарить депутатов за оказанное доверие, по залу прошел шепот:

— Мы хотим, мы хотим...

Была в результатах выборов и своя ирония — заместителем Илео был избран «папа Окито».

29 июня только что созданное правительство подписало свой первый внешнеполитический документ — договор о дружбе с Бельгией. В нем была одна важная статья, гласившая: «Всякая военная интервенция

бельгийских сил, размещенных на базах в Конго, может иметь место только по ясно выраженной просьбе конголезского министра национальной обороны».

Этот пост принадлежал главе первого конголезского правительства.

Договор был подписан всего за несколько часов до провозглашения независимости! Бельгия намеревалась сковать по рукам и ногам молодое африканское государство, используя политическую неурядицу в колонии, разные позиции лидеров конголезских партий, отсутствие национального правительства.

Компромисс между Касавубу и Лумумбой оправдал себя: в переговорах с бельгийской стороной оба они выступали единым фронтом, что неизмеримо усиливало позиции конголезцев. В первоначальном варианте договора содержались статьи, согласно которым все внешние, военные и финансовые дела Конго оставались в ведении Брюсселя. Приведенный выше пункт договора, по существу, блокировал бельгийские войска — главную ударную силу метрополии, нейтрализовал их.

Лумумба проявил замечательную последовательность в отстаивании национальных интересов страны. Он не поддавался шантажу и угрозам и в тяжелейших условиях выиграл бой с бельгийцами, сумев сплотить вокруг себя все патриотические силы, включая президента партии АБАКО. Лумумба зарекомендовал себя зрелым государственным деятелем, умеющим маневрировать, предпринимать неожиданные шаги, направленные на объединение националистов, на ослабление бельгийских колониальных устоев. Брюссель сделал окончательный вывод о том, что в лице Лумумбы он имеет основного противника.

Торжество из торжеств

Бывшая резиденция бельгийских властей стала называться Дворцом Наций. Различные службы, отжившие свое время, переводились в другие районы Леопольдвилья. Вместительное новое здание на берегу реки Конго было предоставлено в распоряжение правительства, сената, палаты представителей. Бельгийский буфетчик обслуживал конголезских избранников, а у входа по-прежнему стояли бельгийские полицейские. Но это обстоятельство уже никого не смущало: во Дворце Наций распоряжались все новые хозяева.

Накануне независимости в конголезских газетах появились снимки членов кабинета Патриса Лумумбы, сенаторов, депутатов палаты представителей. Правительство приступило к работе, состав его обнародован. Напряжение схлынуло. Министры окунулись в сутолоку буден.

Заметно спешила Бельгия, выкладывая на стол переговоров проекты договоров, соглашений, контрактов. Десятки компаний слали своих представителей в Леопольдвиль для установления деловых связей с новым правительством, с новыми министерствами и департаментами. На скорую руку был подписан декрет о ликвидации «Специального комитета Катанги», который нельзя было упразднить безоговорочно, без условий, выгодных национальному правительству. Иностранные тресты и компании подсовывали заранее приготовленные документы. Они соглашались на выкуп при «справедливой компенсации», на продление ранее заключенных соглашений на «прежних взаимовыгодных условиях».

К проблемам внутренним прибавлялись и международные. Газета «Авенир» от 29 июня 1960 года (за сутки до провозглашения независимости!) броско подала сообщение о том, что фонд Рокфеллера изъявляет желание принять участие в финансировании индустриального развития нового африканского государства. В приемной премьер-министра ожидали аудиенции финансовые и промышленные тузы западных и азиатских стран. Нахлынули организационные вопросы: подготовка города и всей страны к торжествам, утверждение программы празднеств, рассчитанных на два дня, приглашение иностранных делегаций.

Во Дворце Наций все ночи горели огни. Один за другим господа министры приходили к главе правительства на деловые переговоры: их было 23 человека, 9 государственных секретарей и четверо

государственных министров. Некоторых Лумумба знал сравнительно давно, с иными знакомство лишь начиналось.

Но прежде связи не давали и не могли дать полного представления о человеке: тогда, раньше, он проявлял себя исключительно в политической сфере, в митинговой, агитационной. Людей сближала полная или приблизительная общность в политике главным образом по отношению к бельгийскому колониализму. До формирования правительства этого было вполне достаточно. А теперь обстоятельства толкали на более широкий подход к деятельности министров, от которых ежедневно и ежечасно требовались совершенно конкретные познания в специфических областях, в основном им мало известных.

Некомпетентность была бы еще более бросающейся в глаза даже неискушенному, если бы не бельгийские советники, готовившие бесчисленные досье по самым замысловатым делам. Они состояли при каждом министре, сидели во всех департаментах и ведомствах — в центре и в провинциях. Конголезцы учились у них азбуке управления.

Заботы дня должны были укрепить шаткую политическую коалицию, воплотившуюся в центральное правительство, в первый конголезский кабинет. Были минуты полного и ни с чем не сравнимого отчаяния, когда Лумумба видел, как вырывались на простор центробежные силы, готовые разорвать на куски страну. Во многих районах идея единого Конго совершенно не воспринималась. Больше того, в ней усматривали главное препятствие на пути осуществления давних стремлений племен и народностей к самостоятельному существованию. Руководители микроскопических групп, несмотря на их фанатическую приверженность к обособленности, несмотря на боязнь, что их племя будет проглочено гигантским государством и растает среди других, неведомых и враждебных, все же составляли отряд националистов, выступающих единым фронтом против колониального угнетения.

За слом бельгийской системы выступали и большие партии, и незначительные, трибальные. Расхождения начинались с обсуждения вопроса о государственном строе, о характере будущих связей между племенами. И вот тут мелкие племена в лице своих руководителей проявляли поразительную приверженность к сепаратизму. Психологически и исторически понять такую позицию не так уж трудно. Колонизаторы в какой-то степени считались с крупными народностями и их вождями: мелкая россыпь племен сбрасывалась со счетов. Обезличенное, обреченное на вымирание племя угнеталось не только бельгийцами, но терпело притеснения и со стороны соседних более крупных. Парадоксально, но

факт, что многие этнические образования обращались за помощью к бельгийцам и жаловались на «угнетателей конголезцев». Они пуще всего боялись объединения, видя в нем новую форму угнетения. Руководители родо-племенных партий стремились к одному: объявлению отдельного государства или республики под всеспасающей эгидой Организации Объединенных Наций. С центральным правительством они готовы были установить договорные отношения, основанные на равенстве сторон.

Лумумба терпеливо и настойчиво разъяснял позицию своей партии, как общенациональной, у которой сочетаются интересы единого Конго с заботой о каждом отдельном племени. В ответ выдвигалось требование: раз это так, то включите в состав правительства нашего лидера. Неважно, что его никто не знает за пределами трех или пяти деревень. Племя, представитель которого не входил ни в провинциальное, ни в центральное правительство, считало себя обиженным, бунтовало, срывало всякие общие мероприятия.

В Касаи и других местах Лумумба вынужден был идти на союзы с партиями сепаратистского толка. Он сотрудничал с Грегуаром Камангой, председателем партии КОАКА (Коалиция касайцев). Она была создана, когда произошел разрыв во взаимоотношениях между балуба и лулуа. КОАКА выступила «третьей силой» в провинции, объединив вокруг себя мелкие народности — бапенде, бачоке, балуалуа, башилели, бакуба, бакега, басала, бабинджи, мпазу, вена, мпуту и некоторые другие. Лулуа, в свою очередь, объединились с басонге и выступили против балуба.

Национальное движение Конго, чтобы обеспечить успех, пошло на сотрудничество с Грегуаром Камангой и объединением басонге. Эта коалиция, пестрая, непрочная, включающая людей с противоположными политическими воззрениями, пришла к власти и создала провинциальное правительство Касаи. Грегуар Каманга был назначен министром здравоохранения центрального правительства. Дань сепаратизму.

Лидер партии Объединение конголезских националистов Касаи (лулуа и другие племена) Альфонс Илунга стал министром транспорта. Эдмонд Рудакиндва из Киву, представляющий группировку под названием Возрождение конголезцев, занял пост министра горнорудных дел. Министр общественных работ Антуан Нгвенза состоял в двух партиях сепаратистского направления: он был генеральным секретарем Федерации племени бангала, занимал пост национального секретаря в партии Боликанго. Двухпартийным был и министр-резидент в Бельгии Альбер Дельво: он был президентом ЛУКА (Союз жителей Кванго ради независимости) и секретарем национального комитета скандально

известной «пенепе». Одно время он декларировал создание «государства Кванго». Отец Дельво — бельгиец, имевший влияние в европейской колонии Конго. Перед независимостью Альбер Дельво обвинял Лумумбу и Кашамуру в том, что они якобы «настежь открывают двери коммунизму». Противники сходились теперь в одном зале.

Еще больше было врагов у центрального правительства за пределами Дворца Наций, в городах, в провинции. Лумумбе не могли простить, что восемь министров в правительстве — люди его партии, хотя конституционные правила были соблюдены полностью. Треть конголезских избирателей отдала свои голоса партии Национальное движение Конго — треть постов она получила и в кабинете. Расхождения обнаружились между политическими лидерами, с которыми Лумумба вел длительные консультации по вопросу о формировании правительства национального единства. Кашамура опротестовал кандидатуры Моиза Чомбе и Альбера Калонжи. «Надо подумать», — заявил Антуан Гизенга. Среди сторонников Лумумбы не было единой точки зрения об этих кандидатах в министры. Одни настаивали на том, чтобы включить в состав кабинета и Чомбе, и Калонжи, обосновывая такой шаг следующими соображениями. Калоцжи — фигура скандальная, но лучше ввести его в правительство и дать ему какой-либо второстепенный министерский пост. Потом, когда обстановка стабилизируется, от него можно будет легко избавиться. Калонжи связан с алмазной компанией мирового значения, он пойдет на сговор с промышленниками и может выкинуть любой трюк, направленный против центральной власти.

Моиз Чомбе одиозен, но нельзя ли, пусть временно, заставить этого явного сепаратиста работать на единое Конго, предоставив ему министерский пост в центральном правительстве? Перетащить Чомбе из Катанги в Леопольдвиль — значит по крайней мере ослабить тенденции этой провинции к обособлению. Нет, утверждали другие, ни Чомбе, ни Калонжи вводить в правительство не следует, ибо тогда большинство его будет состоять из представителей трибальных, сепаратистских движений, каковых и без этих господ вполне достаточно. Кабинет в таком случае не станет органом, выражающим идею единого и неделимого Конго. Кабинет министров и без того раздут в угоду трибальным соображениям. Если же остановиться на 23 министерствах, о чем была достигнута договоренность, то ввод Чомбе и Калонжи вытеснит кандидатов от националистических партий и ущемит их права, завоеванные в ходе майских выборов.

Лумумба согласился с этими аргументами.

Каждодневные встречи — что увеличительное стекло, приближающее

человека для изучения. Лумумба с особым вниманием выслушивал доклады и сообщения министров от региональных партий. Зато вступал в перепалку с товарищами по своей партии: со своими и ругань не в ругань! К удовольствию своему, Лумумба отмечал, что его единомышленников в правительстве оказалось значительно больше, чем он предполагал вначале. Существовали искусственные перегородки, возведенные скорее временем, чем желанием конголезцев. Каким тонким собеседником предстал перед Лумумбой Антуан Гизенга! Сдержанный, немногословный, не умеющий «работать на публику», он производил впечатление кабинетного министра, который превосходно знает содержание своего портфеля. Между ними состоялся примечательный разговор.

— Я не совсем понимаю, Антуан, — спросил в упор Лумумба, — в чем же состоит различие наших партий? Наши взгляды сходятся и в больших и малых вопросах.

— Я согласен с тобой, — ответил Гизенга. — Но позволь мне порассуждать. Твоя партия, подобно орлу, взмыла над Конго. Красивый взлет! Однако, поднявшись вверх, вы заметно оторвались от земли. Вы имели на это законное право: твой личный авторитет не нуждается в комплиментах. Ты один мог позволить себе выступления от имени всего Конго. У тебя имя. Тебя знают за пределами страны по твоим литературным произведениям. С тобой, как ни с кем другим, считаются бельгийцы. То, что вполне нормально и допустимо для тебя, для меня, например, было бы авантюризмом и прожектерством. Моя партия не получила бы ни одного голоса, если бы она заявила о себе лозунгами твоей партии. Смею тебя заверить, что в моей родной деревне Мушоко никто не проявляет интереса к общеконголезским проблемам. Обвинение жителей в провинциальной ограниченности и даже тупости не сделает их более прогрессивными. Твоя партия шла от общего к частному, а мы наоборот — от частного к общему. Потому мы и сошлись. Но если бы вдруг наши партии слились воедино, то я бы потерял всякое доверие избирателей.

— Я это понимаю, — сказал Лумумба.

— Не сомневаюсь в этом, — продолжал Гизенга. — Кстати, знаешь ли ты, что железное дерево, самое твердое из всех существующих в Африке, рассредоточено? Оно не растет рощами. Мощное дерево истощает землю, хотя и является ее украшением.

— Туманно несколько, но справедливо и поэтично, — сделал вывод Лумумба.

— Ты вправе как угодно воспринимать мои высказывания, Патрис, но если бы моя партия обосновалась в самом Леопольдвиле, то она бы ничего

не добилась. С АБАКО приходится считаться. У них наезженный тракт — побережье реки Конго. Мы же решили идти в обход, начав свою деятельность в юго-восточных районах провинции Леопольдвиль. Какая неожиданность! Партия африканской солидарности нанесла самый чувствительный удар могущественной коалиции АБАКО! Мы сбили спесь с господина Касавубу. Спустили его с небес на землю. Твое предложение Касавубу занять кресло президента — королевский жест, которого он не заслуживает, но у нас нет иного выхода. В Леопольдвиле на посту президента должен быть житель Баконго. Наша победа над Касавубу сломала региональные перегородки и открыла ворота в единое Конго, куда мы и вошли с твоей помощью. Ты понимаешь это, Патрис, как никто другой, и я думаю, что именно поэтому ты предложил мне пост своего заместителя. Не мне лично, а моей партии...

Интересно, интересно! Еще бы: в правительство входили министры, отличающиеся крайне правыми и крайне левыми взглядами. Патриса Лумумбу уже тогда причисляли к коммунистам, правда по недоразумению: коммунистом он никогда не был. Но к какой идеологии причислить Унисета Кашамуру, который был левым из левых и критиковал Лумумбу за его терпимое отношение и к бельгийцам, и к лидерам трибалистских партий?

Вот боец! В провинции Киву он наводил ужас на бельгийских колонIALистов. В этой конголезской Швейцарии, где каждый европеец чувствовал себя царем и богом, Кашамура провозглашал социалистические лозунги: национализация частной собственности европейцев, создание единого конголезского банка, запрещение обосновываться на землях Киву вновь прибывающим колонистам, повышение заработной платы рабочим, введение демократических институтов — тайное голосование, равноправие женщин, создание молодежных организаций, строительство светских школ, сотрудничество с социалистическими странами, поддержка освободительного движения на юге африканского континента, осуждение агрессивной политики империалистических держав Запада. Партия Кашамуры имела региональное значение, но она направляла свои атаки против международного концерна «Национальный комитет Киву», который играл в провинции Киву роль «Юнион миньер».

Кашамура родился в деревушке Иджуи, в племени того же названия. Его отец был вождем племени. Он свободно говорил по-немецки, так как его подданные проживали на территории Германской Восточной Африки. Затем, после разгрома Германии в первой мировой войне, владения отца отошли к Бельгии. Новые хозяева требовали рабочих — вождь требовал оплаты труда. Расхождения вылились в массовый протест африканцев.

Представитель колониальной администрации вступил в переговоры с непокорным вождем, а затем они были прерваны самым неожиданным образом: труп знатного конголезца нашли с отрубленной головой...

В 1953 году, когда Кашамуре исполнилось 25 лет, бельгийская охранка состряпала «политическое дело», обвинив его в пропаганде подрывных, то есть коммунистических идей. Кашамура арестовывался много раз. В Букаву и Бужумбуре он создавал различные политические общества, вступал в контакты с социалистами Франции и Бельгии, руководил комитетом социальных исследований, организовал социалистический профсоюз, редактировал газеты, в-том числе и популярную в провинции Киву «Верите».

Созданная Кашамурой партия Центр африканской перегруппировки заявила о своем появлении радикальной программой. В ней содержались пункты: обновление конголезской экономики, создание государственных компаний и кооперативного сектора в деревне, выборы рабочих комитетов на промышленных предприятиях, организация административных советов. Ключевые позиции, составляющие экономический и финансовый фундамент страны, должны находиться в руках государства. Центр африканской перегруппировки — единственная политическая партия в Конго, провозгласившая курс на национализацию. О бельгийской администрации Кашамура высказывался вполне определенно: она сгнила и подлежит слому. Этого было вполне достаточно, чтобы вызвать панический страх у европейских поселенцев. В центральном правительстве Кашамура занял пост министра по делам культуры и информации.

Кашамура сошелся с Пьером Мулеле, принявшим пост министра просвещения. Мулеле считался теоретиком Партии африканской солидарности и был заместителем Антуана Гизенги. В злобном памфлете «Проникновение коммунизма в Конго» Пьер Мулеле характеризовался как человек, следующий учению марксизма-ленинизма и потому представляющий «угрозу обществу». По заданию Лумумбы министр просвещения готовил проект реформы школьного образования.

Одним из самых интересных людей в кабинете был Морис Мполо — министр по делам молодежи и спорта. Он приходил на заседания и совещания в военном костюме: в «Форс пюблик» он дослужился до старшины — высшего звания для конголезца. До знакомства с Лумумбой Мполо мечтал о создании автономной республики озера Леопольда со столицей в городе Инонго, где он родился. Потом выяснилось, что «автономная республика» была для него формой борьбы с колониальным режимом. Мполо вступил в партию Патриса Лумумбы и стал ее активным

работником. Среди солдат он пользовался огромным авторитетом, что имело большое значение для Национального движения Конго, для правительства.

По европейской традиции была отдана дань уважения университету Лованиум, представитель которого Томас Канза стал полномочным министром Республики Конго в ООН. Он окончил университет в Бельгии, затем учился в американском, Гарвардском. Первый конголезец с европейским университетским дипломом, единственный человек в правительстве с высшим образованием. Автор ряда исследований об экономическом и политическом положении Бельгийского Конго.

Томас не состоял ни в каких политических партиях. Семья Канза хорошо известна и в Леопольдвиле и в Конго, ее знает и бельгийская интеллигенция. Глава семьи Даниэль Канза, прослужив длительное время в армии, вернулся в Леопольдвиль и включился в освободительное движение, охватившее Нижнее Конго. Он становится вице-президентом альянса АБАКО, занимает различные административные посты. Он был первым бургомистром Леопольдвилья. Участник многих совещаний с бельгийскими делегатами, предшествовавших Конференции круглого стола. К его мнению прислушивались, многие считали Даниэля Канза фактическим руководителем АБАКО. Все его сыновья получили приличное образование. Андре Эдуард Канза, окончивший бельгийский университет Лувен, работал генеральным директором административной школы в Леопольдвиле. Младший, Самуэль, продолжал учебу в Бельгии, а Филипп был директором полицейской школы в столице. Одновременно он подвизался на поприще журналистики. Редактировал газету «Конго», со страниц которой пугал читателей коммунизмом. Входил в директорат конголезского агентства печати. Не соглашался с бельгийцами по вопросу колониального управления, но выступал заодно с ними в злобной критике социалистических стран. Томас Канза не разделял политических взглядов отца и Филиппа — он поддерживал усилия Патриса Лумумбы, направленные на создание единого, независимого и демократического Конго. Он восхищался эрудицией и начитанностью Лумумбы.

Невысокого роста, толстощекий, меняющий в день по несколько костюмов, всегда куда-то спешивший, Бомбоко мог часами произносить тирады на все без исключения темы. Во Дворец Наций он появлялся в шапочке из леопардовой шкуры. Неглубокая, конусообразная, она каким-то чудом держалась на спиральках густых черных волос. Встречаясь с Лумумбой, Бомбоко артистически снимал головной убор, привычным жестом отпирал его под мышку, почтительно наклонялся и замирал на

месте. У него была своя, неповторимая манера вести разговор.

— Я еще раз согласился с вами, господин премьер, — обращался он к Лумумбе, — когда анализировал наш последний разговор. Действительно, наша внешняя политика должна быть активной, и я всегда буду руководствоваться этим замечательным принципом. Знаете, я вспомнил слова Спаака: нельзя во время игры показывать карты партнеру. Мы начинаем закладывать основы конголезской внешней политики. Мы не можем ограничиваться сотрудничеством с одной Бельгией. Ваши указания вызвали у меня кое-какие идеи...

Министр внутренних дел Кристоф Гбенье все время подтрунивал над Бомбоко, называя его африканским Дон Жуаном, намекая на любовные похождения красавца Жюстена. Но тот умел ловко выкручиваться. Секретарем у Бомбоко работала девица, прибывшая в Леопольдвиль из Женевы. Познакомился он с ней в Брюсселе. Советским корреспондентам, которые заходили на прием к министру иностранных дел, она представлялась удивительно просто, по-домашнему:

— Дуня...

Дочь русских эмигрантов, Дуня получала хорошее жалованье и раскатывала на служебной автомашине Бомбоко. Министры не сдерживали понимающих улыбок, когда Бомбоко ударялся в объяснения, насколько ценным помощником является для него Дуня: вечерами она слушает передачи Московского радио и обо всем докладывает своему шефу...

Бомбоко относился к категории тех людей, о которых говорят как о лукавых царедворцах. Все его существо трепетало от радости, когда он узнавал, предугадывал ход рассуждений начальства. Умел выбрать момент, когда нужно было поддакнуть, когда промолчать. На многих собеседников Бомбоко производил впечатление искреннего человека, ибо мысль, заимствованную, как правило, у премьера или президента, развивал уже как свою — увлеченно и страстно. При встрече с советскими представителями говорил:

— Меня интуитивно тянет к вашей стране. Колосс, северный колосс! Как только подрастут мои дети — отправлю их на учебу в Советский Союз. Меня несколько не пугает, что они станут коммунистами. Вот вам мое мнение, дорогие товарищи и братья...

Кристоф Гбенье, узнав о содержании беседы, рассмеялся.

— Уж очень много у него детей: вам придется открывать специальный бомбоковский интернат! Кроме того, он и американцам говорит то же самое. А свое потомство он наверняка будет пристраивать в Брюсселе. Я хорошо знаю этого конголезского талейранчика и не верю ни единому его

слову. Лумумба все воспитывает его. Посмотрим, что из этого получится.

Настал день 30 июня 1960 года, названного потом годом Африки. Казалось, что время переместилось на континент, собралось с силами и с необычайной энергией трудилось, срывая со стран английские, французские и бельгийские наклейки. Это было время романтики и борьбы, властно утверждавшее право африканцев на суверенитет, на самостоятельное существование в семье равноправных народов мира. Ветер освобождения бил в африканские паруса, пробуждал энергию, вселял уверенность, ставил на человеческий пьедестал забитого и обобранного обитателя угнетенного материка. Пора открытых схваток и скрытой дипломатической игры. Так долго молчавшая Африка заговорила звонким и чистым языком, заговорила о своих прекрасных и возвышенных мечтаниях, которым, наконец, вот теперь только суждено сбыться. И что может помешать поднимающемуся во весь рост африканцу жить свободно, управлять своим государством, дружить, с кем ему захочется, честным трудом добывать себе хлеб, любить и плакать от накатившегося счастья, давая волю своему ликованию? Это не была толпа в обычном понимании этого избитого выражения: любая толпа имеет свое начало и конец, какой большой она бы ни казалась. Леопольдвильское людское море затопило улицы, проспекты, площади. Улица превратилась в постоянное жилище: здесь пили, ели, препирались из-за мест и мирились, укладывали спать детей и сами никли от переутомления. Сидели на крышах, взбирались на деревья, на памятники, на столбы, покрывали зелень газонов своими телами.

Напротив Дворца Наций возвышался добротнo отлитый старик с окладистой бородой, взобравшийся на толстый круп тяжеловеса: создатель Конго, бельгийский король Леопольд II. Около памятника стояла машина, наверху ее расхаживал африканец с микрофоном в руках и кричал, кричал надсадным голосом. Завидев эскорт короля, Альбер Калонжи повернулся и продолжал:

— Ваше величество! Ваше величество! Моя партия лишена возможности приветствовать вас в здании парламента. В моем лице она с чувством глубокой признательности аплодирует вам здесь, на площади, перед лицом всего народа. Власть узурпирована вашими и нашими врагами. Долой тиранию! Да здравствует король!

Лимузин короля плавно вкатился в ворота. А Калонжи, спрыгнув со своей машины, сел в нее и отъехал в сторону от короля бронзового. Оратор полагал, что свой долг он выполнил в этот исторический день...

В зале установилась тишина, хотя к ней никто и не призывал.

Король сидел в просторном кресле красного цвета, установленном на возвышении, ниже разместились Касавубу и Лумумба. Бодуэн встал и вышел на середину сцены. Опершись руками на эфес, он начал говорить. Медленно, словно расставлял мысленно знаки препинания, и, убедившись, что все правильно и ошибок не допущено, приступал к следующей фразе. Державный оратор расставался с африканской частью своей короны. Он отметил нелегкое бремя Бельгии, которую бог и судьба связали священными узами с конголезским народом. Теперь Конго, вытасченное Бельгией из тьмы неведения и отсталости, вступает в новую эру своего развития. Как указывал великий король Бельгии Леопольд II, молодые деревья нуждаются в подпорках только для того, чтобы поддерживать их, но эти палки должны быть удалены, когда деревья вырастут. Опытный садовник должен точно определить время, когда подпорки начинают служить помехой росту молодняка.

— Теперь, господа, дело за вами, — заканчивал король. — Вы должны убедить нас в том, что мы не ошиблись, оказав вам свое доверие.

Металлический наконечник шпаги чиркнул по паркету. Король подхватил ее левой рукой, еле заметно склонил в поклоне голову и направился к креслу. Дождавшись, когда Бодуэн уселся в кресло, Жозеф Касавубу мелкими шажками подошел к трибуне. Скрипучим вялым тенорком президент стал читать речь, шумно и неловко переворачивая страницы. Король и Бельгия могут быть уверены, что они не ошиблись, представляя Конго статус суверенного государства. Щедрое доверие будет оправдано с не меньшей щедростью! Уткнувшись в бумагу и приподняв правую руку, президент закончил пожеланием процветания Бельгии и личного счастья высокому гостю.

Лумумба выступал третьим и последним: заранее согласованный протокол не предусматривал никаких других речей. Глядя на него, можно было подумать, что он не в настроении. Сквозь очки поблескивали холодные, устремленные в зал глаза. Он не расшаркивался, не отвечивал поклонов, не произнес стандартной и необходимой в таких случаях фразы: «Ваше величество», а бросил первые слова им, своим соотечественникам. Началась его знаменитая речь — страстная, взволнованная, правдивая, чуть было не нарушившая колониальную обедню. Лумумба сказал:

— Конголезцы и конголезки, борцы за независимость, добившиеся сегодня победы!

Я приветствую вас от имени конголезского правительства.

Я прошу всех вас, моих друзей, неустанно боровшихся в наших рядах, запомнить 30 июня 1960 года как выдающуюся дату, которая никогда не

сотрется в вашей памяти, дату, о значении которой вы с гордостью расскажете вашим детям, чтобы они, в свою очередь, поведали своим внукам и правнукам о славной истории нашей борьбы за свободу...

Мы погнали рабский труд, в обмен на который нам платили деньги, не позволявшие нам ни утолить голод, ни одеваться, ни занимать здоровое жилище, ни растить наших детей так, как этого заслуживают родные существа...

Мы помним, что закон никогда не был одинаков для белых и черных, он был снисходителен к одним, жесток и бесчеловечен к другим...

Кто может, наконец, забыть казни и расстрелы наших братьев или карцеры, куда безжалостно бросали тех, кто больше не хотел подчиняться режиму бесправия, угнетения и эксплуатации, который использовался колониалистами как орудие своего господства?..

Республика Конго провозглашена, и теперь судьба нашей дорогой родины в руках ее народа...

Мы сделаем так, чтобы в стране воцарился мир, основанный не на винтовках и штыках, а на сердечном согласии и доброй воле...

Я прошу всех вас забыть межплеменные раздоры, которые подрывают наши силы и могут представить нас в невыгодном свете перед иностранными государствами...

Завоевание независимости Конго является решающей вехой на пути освобождения всего Африканского континента.

Наше единое, национальное и народное правительство будет служить родине.

Я предлагаю всем конголезским гражданам, мужчинам, женщинам и детям, решительно взяться за работу в целях создания национальной экономики и обеспечения нашей экономической независимости.

Вечная слава борцам за национальную свободу!

Да здравствует независимость и африканское единство!

Да здравствует независимое и суверенное Конго!

Речь молнией разбила публику на две половины: белую, колониальную, недовольную, притихшую, и черную, теперь уже независимую, ликующую. Неистовый порыв привставших со своих мест африканцев сопровождался методическими аплодисментами пушек: артиллерийский салют возвещал о рождении еще одного суверенного государства. Король удалился, сопровождаемый и Жозефом Касавубу. Бельгийский полковник, адъютант его величества, подошел к Лумумбе и потребовал принесения извинений сейчас же и в «надлежащей форме».

— Никаких извинений! — отрезал Лумумба. — Моя речь утверждена

кабинетом министров.

Он встал, улыбнулся, словно пытаясь сбить этим огромное нервное напряжение, и стал аплодировать публике. Под возгласы: «Патрис! Патрис! Патрис!» — вышел король. Угомонились пушки. Снова воцарилась тишина. Торжественное заседание парламента, сената и палаты представителей окончилось. Дворец Наций опустел.

Праздник шагнул на улицы. Состоялся военный парад — во главе колонн африканских солдат шли бельгийские офицеры. Католики, одетые в белые сутаны, вели своих воспитанников. Играли африканские джазы. Пели, плясали. Церемониал был бессилен дать что-либо новое и необычное: так или приблизительно так совершались торжества и до Конго, и после — на других территориях, становившихся тоже суверенными государствами.

Конголезская независимость начала отсчитывать свое время.

День рождения

Выматывали приемы, отнимая драгоценное время. Лумумба несколько раз беседовал с бельгийским премьер-министром Эйскенсом, министром иностранных дел Виньи, послом Жаном Ван ден Бошен, министром-резидентом, старым знакомым Вальтером Гансхофом Ван дер Мершем, который отреагировал на речь Лумумбы словами: «За такие вещи сажают в тюрьму». Узнав об этом, Лумумба ответил: «За такие вещи чиновников выгоняют из страны». Тайная словесная война продолжалась, но праздничная колесница катилась по блестящему асфальту апробированного этикета, удерживая стороны в рамках светского приличия. Соблюдалась корректность. Был доволен Пьер Виньи: его переговоры с конголезским коллегой Бомбоко протекали в духе полного взаимопонимания и завершились подписанием соглашения, согласно которому Бельгия будет представлять Республику Конго на международной арене. Кабинет министров узнал об этом позднее. Виньи спешил побывать в Стэнливиле, где находился принадлежащий ему пивной завод.

Нашествие визитеров! Специальный представитель президента США и глава американской делегации Роберт Мэрфи, адмирал Родригес, представляющий Португалию, целая свита из Организации Объединенных Наций, принц Луи Рвагасоре из Бурунди, король Кигери V из Руанды, послы из стран Европы, Азии, Африки независимой и Африки еще закабаленной, главы имеющихся в Конго религий, депутации от провинций... Мир в лицах, облеченных высокими полномочиями, проходил перед премьером только что родившегося суверенного Конго и заявлял ему о признании, о желании сразу же установить дипломатические и иные отношения, основанные на равенстве и дружбе...

2 июля Лумумба раньше обычного покинул свой рабочий кабинет, забрав папки с бумагами, и, сказав секретарю, что будет только завтра, поехал домой. Он не мог отказать жене в просьбе провести вечер в семейном кругу, чего так давно не было. Полин уже высказывала свое недовольство тем, что она и детишки все реже и реже видят его, что новая должность Патриса ее не радует, а огорчает, что вскоре она будет писать ему любовные письма на работу, где он пропадает днями и ночами, а домой приходит усталый и хмурый.

Жены ворчат, невзирая на чины и звания супругов! А сегодня был особый повод для совместного времяпрепровождения: Патрису

исполнилось 35 лет. И он ощутил на себе, что такое быть премьер-министром и заниматься совершенно обычными, прозаическими делами, как-то: покупать цветы для супруги, сладости для детей, обновки для них, вино для гостей. И тут, как непреодолимый крепостной вал, стоял протокол! То, что раньше считалось само собой разумеющимся и исполнялось механически им лично, теперь вызывало протест со стороны всегда следовавших за ним секретаря и охранника. Лумумбе пришлось сидеть в машине. Удовольствие самому производить покупки, полюбоваться на товар, перекинуться при этом парой фраз с продавцами было отнято у него неписанным законом.

У него перед глазами встала такая сцена. Решался вопрос о заработной плате министров, сенаторов, членов палаты представителей, государственных секретарей, глав провинциальных правительств и их министров. Не потребовалось и минуты, как все было улажено при полном единодушии собравшихся: ставка министра была определена в 500 тысяч франков ежегодно. Обоснованием служило то обстоятельство, что высшее бельгийское лицо в колонии, генерал-губернатор, получал точно такую же сумму. Средний служащий в Леопольдвиле зарабатывал в год 25 тысяч франков — ровно в двадцать раз меньше. Рабочий в столице довольствовался 50–60 франками в день. Безработные соглашались трудиться где угодно за 20–30 франков. Как же тянет на эти жалкие франки рабочий люд?

Конголезские избранники ухватились за рукоятки кожаных портфелей: всего их в центре и на местах было 120. Помимо заработной платы, они получали еще различные, кем-то придуманные вознаграждения и командировочные в размере 150 тысяч франков в год. Астрономические расходы на содержание административного аппарата, своего, национального, африканизированного. А кусок голландского вакса, из которого женщины шили платья, стоил 325 франков. Самым дешевым и доступным была маниока — 4 франка за килограмм. Рис продавался по 9 франков за килограмм. Банка тушеной говядины стоила 26 франков: высокая цена отпугивала конголезцев от мясных блюд.

Багажник машины заполнялся покупками, но радостного чувства у премьера они не вызывали.

Полин обрадовалась, и эта ее радость моментально передалась детям: все вышли встречать отца. Франсуа, старший, названный так по дедушке, бросился на грудь Патриса и повис у него на шее. Второй, Патрис, оставив в стороне мапанда — ходули, на которых он расхаживал по садику, поддразнивая Франсуа тем, что он выше его ростом, устремился к папе.

Жюлиана и двухлетний Роланд прилипли к матери и шествовали вместе с ней. Отсутствовала самая младшая: девочка спала в колыбельке, вынесенной на террасу. Так ватагой они и вкатились в гостиную, где Лумумбу поджидали гости.

Навстречу поднялись сенатор Джордж Гренфел и брат Патриса Луи, прилетевший из Стэнливиля, где он был назначен на пост министра внутренних дел провинциального правительства. Братья поздравили друг друга. Многие тысячи конголезских семей устраивали торжества в эти первые дни становления молодой республики: отмечали назначения своих родственников.

— Что у тебя — новые неприятности? — спросил он. — Бельгийцы, кажется, успокоились. Остаются свои, чего, впрочем, вполне достаточно для хлопот...

— Мы разоримся! — выпалил Лумумба. — Да, да, не удивляйся, Джордж. Поразительно, с какой легкостью мы решили вопрос об оплате государственных чиновников всех рангов. Доход Конго в настоящее время составляет около сорока восьми миллиардов франков. Сумма на первый взгляд кажется колоссальной. Но ее хватит лишь на то, чтобы расплатиться с чиновниками. Это ужасно! Какой урок мы должны извлечь!.. Ты подумай, ты осмысли, что мы наделали: депутат парламента получает за каждое заседание, помимо своей заработной платы, еще тысячу франков! За что, скажите? Если мы оставим все как есть, то наши конголезские националисты превратятся за короткий срок в самых настоящих капиталистов. Нам будут завидовать многие бельгийцы. А что скажет наш народ? Ведь он еще ни единого франка не получил от независимости и нет надежд, что вскоре получит.

— Я понимаю твое беспокойство, Патрис, — сказал Гренфел. — Следует подготовить соответствующий законопроект...

— Законопроект! Ты представляешь, сколько времени он будет обсуждаться? Полгода! Нет — год! Парламентарий станет тянуть, аккуратно ходить на заседания, за которые он тоже получает. Бюрократическая карусель! И это происходит в новом государстве! В бедной стране, ограбленной бельгийскими колонизаторами! У нас должна быть особенная щепетильность к финансовым вопросам: мы пришли к управлению нашей многострадальной страной чистыми путями, а не в результате интриг и дворцовых переворотов. Мы — ставленники народа, а не монополий. Как же мы можем брать столько денег с нищего конголезца? Какая, скажи, разница между бельгийцами и нами?

— Ты увлекаешься, Патрис, сгущаешь краски, — попытался успокоить

его Гренфел. — Разница, позволь обратить! твое внимание, состоит в том, что генерал-губернатор никогда бы не сказал того, что сказал сейчас ты. Может быть, бельгийский губернатор где-то в узком кругу и позволил бы себе такое — так, для очищения совести, чтобы прослыть либералом среди своих друзей. Но ведь ты не ограничишься разговором и вынесешь этот вопрос в парламент.

— Бесспорно. Но я удивляюсь, почему ни один министр, ни один государственный секретарь, ни один лидер партии не обратил внимания на это вопиющее беззаконие?

— Это они по скромности, — рассмеялся Гренфел и, сразу же перейдя на деловой тон, предложил: — Я готов, господин премьер-министр, возглавить комиссию по пересмотру ставок государственных служащих.

— Нет, ты опоздал. Вернее — я опередил тебя. Поздравляю, сенатор, правительство назначило вас чрезвычайным и полномочным послом Республики Конго в Гане. Поедешь к своему другу. Я приготавливаю личное послание президенту Кваме Нкрума.

Гренфел встал и поклонился в знак согласия.

Лумумба всегда любовался и гордился им. Пятидесятидвухлетний сенатор, высокий и стройный, был одним из самых близких его товарищей. Они впервые повстречались в Стэнливиле почти десять лет назад, и с тех пор ничто не омрачило их отношений. Гренфел пользовался во всей Восточной провинции репутацией честного, правдивого человека, который всем своим существованием и образом действий опровергал сплошь и рядом высказываемые суждения относительно неравенства в интеллектуальном отношении европейцев и африканцев.

Он прекрасно разбирался в древней и новой философии, по праву слыл знатоком английской литературы и истории, писал исследования о работорговле, об африканских болезнях, собирал фольклор, обрабатывал рассказы своего отца, который служил проводником у многих европейских путешественников. Фамилия отца была Макуло. Гренфел — имя английского путешественника, предпринимателя и миссионера, который после многочисленных поездок по Конго обосновался в местечке Басоко, где река Арувими впадает в Конго. Гренфел открыл школу, и сынишка Макуло стал первым его учеником. Когда отец скончался, Гренфел взял мальчика на воспитание и дал ему свое имя. Мать сенатора — Доркас Лунгени помнила русского путешественника Василия Юнкера, добравшегося до Арувими. Его лагерь был разбит на берегу реки, а девочка Доркас вместе со своими подругами приносила к палатке бананы и плоды манго. Бородатый русский путешественник надел на шею маленькой

африканки крестик и подарил серебряную монету. Деревенский кузнец припаял к ней ушко, и Доркас всю свою жизнь носила блестящий кружочек из далекой России...

Гренфел был первым медиком в Конго из африканцев: он закончил медицинскую школу в Стэнливиле, а затем высшие медицинские курсы в Леопольдвиле. Работал во многих госпиталях страны. Одновременно он создает клубы «Эволюэ» в провинциальных городах. Вступает в контакты с Уильямом Дюбуа, Джомо Кениатой, императором Эфиопии Хайле Селассие, Кваме Нкрума, Секу Туре, Леопольдом Сенгором, Модибо Кейта. Побывал в Гане, Мали, Египте, Марокко, Эфиопии и других африканских странах.

Он сражался на стороне эфиопов по время итало-абиссинской войны. Вместе с Лумумбой он создавал партию Национальное движение Конго. Он редко выступал на митингах и собраниях, но когда объявляли, что будет говорить Гренфел, послушать его сходились тысячи крестьян. Он разоблачал колониальные власти, приводя конкретные примеры беззакония, коррупции, воровства и взяточничества. У него выработался свой метод подготовки к выступлениям: перед ними доктор отправлялся в путешествие. Обходил пешком деревни, города, плантации, новостройки, ночевал в хижинах и бараках для рабочих.

Врач видел и болезни конголезцев, и язвы существующего строя. Колониальная система высасывала жизненные соки народа, но администраторы, чиновники, комиссары всех рангов беззастенчиво грабили казну. В столице Конго строительство Дворца Наций обошлось губернаторству в 300 миллионов франков! Действительные вложения не превышали и 100 миллионов. Разница осела в карманах подрядчиков и поставщиков материалов, каковыми были бельгийцы. Что же говорить о захолустных местах, отдаленных от Леопольдвилля на тысячу или полторы километров? Наживались на строительстве школ и больниц, дорог и пристаней, на скупке кож, пальмового масла, чая, хины, хлопка, кофе, кукурузы и маниоки. Любое строительство превращалось в источник наживы.

Однажды Гренфел прошел путь от Стэнливилля до Букаву. Между этими городами прокладывалась автомобильная магистраль. Вместо обещанных 600 километров бельгийская дорожная компания заасфальтировала около ста. Полотно выглядело весьма оригинально: оно все сужалось и сужалось. А на последнем участке, сданном в эксплуатацию, две машины никак не могли разъехаться или обогнать друг друга. Явное воровство, грабеж. Гренфел рассказал об этом на митинге в

Стэнливиле. Он взял в руки блокнот, где все было записано: стоимость участка дороги нормальной ширины и урезанной нечистоплотными дельцами. Зачитал. Он не жестикулировал, не повышал голоса, а спокойно анализировал и делал обобщения. «Вот и судите сами, — обращался он к слушателям, — кто настоящий вор: конголезец, сунувший пригоршню кофе в карман, или богатые европейцы, имеющие все и стремящиеся иметь еще больше за счет сужения дороги...»

В другой раз он коснулся медицинского обслуживания конголезского населения, о чем трубила колониальная пропаганда. Приводились фантастические цифры о произведенных операциях, об уколах, переливаниях крови, о таблетках и микстурах, об израсходованном пенициллине и т. д. Гренфел взял официальные отчеты медицинского ведомства и произвел подсчеты. Выяснилось, что каждый конголезец, включая детей грудного возраста, оперировался трижды, а значительная часть взрослого населения вылеживается в госпиталях на белых койках. Бельгийская колония в Африке слыла «самой здоровой в гигиеническом отношении» в результате очковтирательства.

Еще хуже обстояло дело с просвещением, о чем тоже говорил Гренфел. Цифры подавляли: в Конго насчитывалось 28 500 начальных школ, 655 школ второй ступени и специальных технических, 214 учительских школ и два университета — Лованиум в Леопольдвиле, где только что был установлен атомный реактор, и учебный университетский центр святого Бонифация в Элизабетвиле. Число детей, посещавших все виды школ и учебных заведений, достигало 1730 тысяч человек. По этим данным, Конго занимало первое место в Африке. Но университеты не подготовили ни одного конголезского специалиста. Конголезские вузы — чистейшая фикция. Иноземные преподаватели получают хорошие деньги и довольствуются этим, не будучи заинтересованными в подготовке национальных кадров. Школьником же считается каждый записавшийся. Через месяц или полгода он бросил посещать занятия, пошел работать на плантацию или фабрику, женился, обзавелся семьей, но продолжает значиться... школьником. Гренфел приоткрыл занавес над этой бесстыдной спекуляцией цифрами. Бельгийцы его побаивались. В партии Национальное движение Конго его обожали. Этот гость был всегда желанным в семье Лумумбы. Он заходил к Патрису без приглашения, и их разговорам не было конца.

— Патрис, — сказала пришедшая с кухни Полин, — сегодня день твоего рождения. Нельзя ли перенести заседание парламента на завтра? Сколько можно говорить о политике?!

— «Любимая моя, зачем ты пошла за мной?» — произнес он фразу Тиля Уленшпигеля, так знакомую Полин. — Все, кончаем с политикой! Помнишь, я все повторял слева этого фламандца: «Не мы, так кто-нибудь другой освободит землю фландрскую»? А ведь освободили-то мы землю конголезскую! Мы, а не кто-нибудь другой. Я думаю, следует назвать один район Конго или город именем Уленшпигеля. Что в сравнении с ним все эти Леопольды, Элизабеты, Альберты? Как ты думаешь, Джордж? Решили?

— Согласен, согласен. Но сейчас я поддерживаю предложение Полин.

— Ни слова о политике?

— Ни звука, Патрис!

Выпив розового португальского вина, они уселись за стол. Полин пододвинула Патрису тарелочку с очищенными яйцами, только что вынутыми из кипятка. В блюде находился толченый перец: красно-бурые пластинки его прилипали к теплой поверхности яиц и тоже отправлялись в рот. Пили-пили, как называют перец в Конго, — непременно специя на каждом столе. Он обжигает рот, взбадривает человека. Бывает пили-пили, настоящий на пальмовом масле и спиртном, но сухой, толченый лучше. О пили-пили сложено несметное число притч, рассказов.

Полин ушла с девочкой на кухню. Лумумба подсел к Луи и стал расспрашивать о здоровье родителей, о братьях, о детях младшего из них — Луи. Эмиль так и живет в родной деревне: городская обстановка ему не нравится. Шарль перебрался в Стэнливилль и помогает ему, Луи.

— В чем же он тебе помогает? — просил уточнить Лумумба.

— Мы с ним решили открыть магазин, — говорил Луи. — Торгуют бельгийцы, французы, англичане, греки, итальянцы, пакистанцы и индийцы. Израильтяне тоже. Теперь ничто не мешает заняться торговлей и нам, конголезцам.

— Твои деньги, а услуги Шарля? Ты перешел в категорию бельгийцев, а твой и мой брат Шарль остается в прежней роли слуги... Ты же министр, Луи! — не сдерживая раздражения произнес Лумумба.

— Я не понимаю причины твоего гнева, Патрис. Ты мне объясни спокойно. В нашей стране поощряется частное предпринимательство, не так ли? Значит, каждый конголезец имеет полное право покупать землю, машины, открывать магазины, строить фабрики, если у него есть на это средства. Где же у тебя логика: каждый, повторяю, каждый житель нашей страны может заниматься бизнесом, а министр лишен возможности. Такого закона нет. Вот Нендека открыл бар в столице...

— Ты прав, ты прав, закона пока еще нет, — согласился Патрис. — Но есть моральные обязанности. Человек должен своим сердцем чувствовать,

что можно делать, а чего нельзя. Нам нужно выработать в себе новое отношение к этой священной частной собственности.

— Хорошо — допустим, ты убедил меня. Я бросаю эту затею с торговлей. Что от этого изменится? Министры центрального правительства занимаются бизнесом. Они раскупают акции иностранных компаний, спешат перевести деньги в банки западных государств, содержат бары, строят дома, гостиницы. Что же ты их не осуждаешь? Ты набросился на меня только потому, что я — твой брат...

— Полно, полно, Луи, теперь уже ты начинаешь горячиться. Но наш с тобой разговор заставил меня призадуматься над более общей проблемой.

— Патрис, вот тебе твое любимое сау, — произнесла подошедшая к нему Полин. — Угощайся и благодари Луи. Это его подарок.

Она положила плетенку с фруктами на колени Патриса. О эти волшебные сау! В Восточной провинции их много, а в Леопольдвиле их что-то нет на рынке. Сау — большое дерево, усыпанное красноватыми плодами величиной с орешек масличной пальмы. Мальчишки забираются на деревья и долгими часами просиживают на сучках, поглощая Плоды сау. Если в комнате положить несколько сау, то в ней устанавливается приятный запах. Французские парфюмеры скупают эти фрукты, перерабатывают и используют в производстве дорогих духов.

Нахваливая сау, братья снова начали разговор. А отец и мать, оказывается, не хотят покидать Стэнливиле и переезжать в незнакомый им Леопольдвиле. Они благодарят Патриса за приглашение и, в свою очередь, просят его навестить их в Стэнливиле.

Было уже довольно поздно, когда раздался телефонный звонок. Лумумба еще не спал: он полулежал на кушетке и просматривал номера бельгийской «Суар», посвященные конголезской независимости. Говорил, извиняясь за беспокойство, секретарь Кигери V, которому крайне необходимо повидаться с Лумумбой сегодня же. Король считает, что удобнее всего встретиться в доме премьер-министра. Лумумба дал согласие.

Вскоре «мерседес» короля Руанды подкатил к особнячку. Из машины вышел Кигери V. Как и все батутси, он был необычайно высокого роста, над чем и сам частенько подшучивал. Вообще король отличался демократическими взглядами, поддерживал panaфриканское движение, требовал ликвидации бельгийской опеки и провозглашения независимости Руанды. На этой почве у него осложнились отношения с Мвамбутсой IV, королем соседней и столь же маленькой Бурунди: тот стоял за союз с Бельгией.

— Я только что беседовал с высокопоставленными бельгийскими лицами, — начал Кигери V. — До этого я встречался с Бодуэном. Могу сказать, что два монарха говорили на различных языках. Бельгийцы отказались вести со мной переговоры о предоставлении моей стране независимости. Теперь вся надежда на вас, уважаемый господин Лумумба. Мне стало известно, что вы в скором времени отправитесь в Нью-Йорк, в Организацию Объединенных Наций. От имени королевского совета я прошу вас поставить вопрос о лишении Бельгии всех прав на опеку Руанды. Все необходимые материалы будут заготовлены и вручены вам для распространения их в качестве официальных. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие?

— Несомненно, ваше величество, — ответил Лумумба. — Лично я полностью разделяю вашу точку зрения, но поскольку вопрос будет выноситься на обсуждение международной организации, я должен поставить его в нашем парламенте. Я полагаю, что депутату согласятся, и независимое Конго возьмет на себя эту высокую миссию. Народ Руанды оказывал нам помощь в нашей борьбе, а мы, в свою очередь, будем содействовать вашему освобождению.

— Асанте сана! — поблагодарил на суахили король и, вновь перейдя на французский, сообщил: — Премьер-министр Эйскенс проводит консультации с военными. Присутствуют высшие офицеры «Форс публик», начальники всех гарнизонов, полицейские чины. Мне стало известно, что в Руанду и Бурунди начали прибывать отряды парашютистов. Я считал своим долгом поставить вас в известность об этом настораживающем факте...

Они расстались. Беспокойство овладело Лумумбой. Он наскоро набросал записку Полин и, оставив ее на столе, выехал в резиденцию на авеню Липпенс,

Шальные ветры

Командующий «Форс публик» генерал Янсене, невысокий, с желтоватыми усиками и белесоватыми крошечными глазками, давал себе волю во время инспекционных поездок по стране. Обожал муштру. Бельгийские офицеры дрожали перед ним: на смотрах туповатый генерал всегда повергает в смятение и страх подчиненных. Он бесцеремонно распекал при солдатах даже старших офицеров и открыто издевался над конголезцами. Негрофоб он был отъявленный.

Политика «разделяй и властвуй» нашла свое наиболее полное воплощение в повседневной тактике «Форс публик». На территорию, занятую племенем лунда, посылались гарнизоны из враждующего племени балуба — или наоборот. Солдаты лишь выжидали подходящего случая, чтобы свести счеты с мирным населением, которое, по иронии судьбы, заведомо причислялось к подлежащему истреблению. К этому стремились их отцы и деды, но не смогли, а теперь представлялась редкая возможность нанести удар. Солдаты якобы «выходили из подчинения», занимаясь грабежом и насилием, а в действительности бельгийские офицеры и не требовали от них решительно никакого подчинения, когда дело касалось стычек с африканским населением.

Солдат обязан был защищать европейского поселенца, но не коренного жителя, с которым он мог творить что угодно и за свои действия не отвечал ни перед кем. Африканец убил африканца? Вот невидаль! Это происходит часто во всех районах страны, и европейцам нечего вмешиваться: пусть конголезцы сами и разбираются. У них для этого имеются вожди, существует туземное законодательство. Однако солдат неподсуден, пока он служит в «Форс публик». Больше того — он не может быть обвинен в каких-то преступлениях и нарушениях закона: солдат везде и всюду выполняет задачи по обеспечению безопасности государства, любые его действия оправданны. Эта порочная практика, порождающая бандитизм, вдалбливалась в солдатские головы и превращала «Форс публик» в изолированную от народа группу, готовую пойти на любые преступления.

Конголезская армия была наделена жандармскими функциями. Среди солдат находилось немало платных агентов бельгийской разведки. Полковник Ван де Валле, начальник колониальной службы безопасности, располагал разветвленным аппаратом. Вооруженными силами Бельгии в Африке командовал генерал Гейсен: ему формально подчинялись и «Форс

пюблик» и подразделения, расположенные на подопечной территории Руанда-Бурундп. Фактически все колониальные войска патронировала бельгийская разведка. Выпускники бельгийских разведывательных школ направлялись на практику в колонии, где они делали первые шаги в карьере профессиональных шпионов.

Созданные еще в конце прошлого века, «Форс пюблик» насчитывали около 20 тысяч военнослужащих, включая почти 2 тысячи бельгийских офицеров. Незадолго до независимости командование присвоило восьми африканцам унтер-офицерские звания. Уже после провозглашения суверенитета «Форс пюблик» стали называться Национальной армией Конго.

Армия была отлично оснащена: Бельгия, входящая в НАТО, относится к числу немногих государств современного мира, военная промышленность которых производит первоклассное вооружение, особенно стрелковое. Национальная армия Конго располагала артиллерией, танками, самолетами. По численности конголезская армия не имела себе равных в странах Центральной, Западной и Восточной Африки. Независимость не внесла абсолютно никаких перемен в структуру армии. Конголезский солдат жил с семьей: в бараке он получал квартиру, ему отводился земельный участок. Солдатские гарнизоны в большинстве своем размещались в пригородах. Жены военнослужащих и члены их семей занимались хозяйством, нередко и мелкой торговлей, обрабатывали поля. Глава семьи знал одну военную службу. Контакты с местным населением, которое смотрело на солдат, как на чужаков, были крайне ограниченными. Складывалась изолированная каста.

Официально провозглашалось, что конголезская армия: не занимается политикой. Однако среди солдат были сторонники политических партий, возникших в родственных им племенах. Независимость породила брожение в солдатской массе, основанное на недовольстве африканца существующим положением. Многие солдаты служили по 10–15 и более лет, оставаясь рядовыми. Идея африканизации, нашедшая воплощение в новом административном аппарате, стучалась в ворота военных лагерей. Солдаты приходили к выводу, что их обходят и при независимости, которая и в самом деле ничего им не принесла. В казармах появились листовки, содержащие требование повышения окладов и «массового назначения негритянских офицеров».

Один бельгийский министр так отзывался о генерале Эмиле Янсенсе: «В военном отношении этот человек полнейший болван». Что ж, бельгийцам лучше знать друг друга! Но приведенная оценка не может быть

полной в силу того, что касается лишь одной военной стороны в деятельности Янсенса. Перед независимостью и в первые дни независимости он проявил себя и как политик. После Конференции круглого стола он настоятельно потребовал увеличения «Форс пюблик» на 5 тысяч человек. Разрешение на это он получил. Теперь он мог выступать от имени «двадцати пяти тысяч моих подчиненных». Генерала так и подбивало на ораторство. Он по-своему отметил независимость, заявив:

— С помощью двадцати пяти тысяч моих солдат я могу управлять Конго, если захочу и если потребуют обстоятельства...

Оратору было невдомек, что конголезскими солдатами уже никто не управляет: они выходили из подчинения и бельгийцев и африканцев. 4 июля национальное радио Конго передало отредактированную Кашамурой статью об отмене расовой дискриминации в армии. Солдаты наконец почувствовали, что они не забыты и что их судьбой начинает интересоваться новое конголезское правительство. Они собирались в группы, вызывали бельгийских офицеров для объяснения. Организовывались стихийные митинги, чего никогда раньше не было. Наутро Эмиль Янсене прибыл в военный лагерь Леопольда, расположенный на окраине столицы. Он выступил в солдатской столовой, вмещающей более пятисот человек. Речь его отличалась лаконизмом.

— Я разговариваю с вами как солдат с солдатами. Я никогда вам ничего не обещал и не обещаю. Армия, которой я командую, останется точно такой же, какой она была до сего времени. Я запрещаю вам заниматься политической болтовней. Заподозренные будут уволены из военно-полицейских сил.

Чтобы высказанная мысль в ее генеральской обработке дошла до каждого конголезского солдата, Янсене подошел к доске, взял кусочек цветного мела и написал: «До независимости равно после независимости». Офицерам он отдал приказ, чтобы они провели свои подразделения мимо этой доски и объяснили солдатам содержание афоризма колониального полководца...

Реакция солдат была непредвиденной: они потребовали немедленной отставки генерала и бросились к оружейным складам, где уже стояли бельгийские офицеры с парабеллумами и автоматами. Начались митинги. Огонь критики сосредоточивался на тех конголезских лидерах, которые пришли к власти, назначили себе годовое вознаграждение в полмиллиона франков, приобрели виллы и особняки, раскатывают на автомобилях, имеют по дюжине костюмов, одевают своих жен и любовниц в шелка и бархат, дарят им золото и жемчуг...

Солдаты в Нижнем Конго восстали. В тисвильском военном лагере Гарди конголезские военнослужащие захватили склад с вооружением. Отряды солдат из Тисвиля, Кизанту и Матади направились в Леопольдвиль. Колеблющаяся часть солдат осталась в казармах. Участники похода не были вооружены: в их руках были поясные ремни, палки и велосипедные цепи. Все Конго облетела фраза, сказанная каким-то солдатом: «Мы сошьем себе одежду из кожи европейцев». К ней прибавилась и другая, столь же крылатая, тоже приписываемая солдатам: «Мы так давно не убивали белых...» Назревал погром — бессмысленный и беспощадный.

Солдаты избрали «руководящий комитет». Два обстоятельства сдерживали разгул вышедшей из-под контроля солдатской массы: боязнь высадки бельгийских парашютных частей и слухи о возможном прибытии «коммунистических дивизий». В Леопольдвиле распространился слух о том, что советские военные корабли уже стоят в устье реки Конго...

4 июля Патрис Лумумба созвал пресс-конференцию, на которую были приглашены все иностранные корреспонденты, прибывшие на торжества по случаю провозглашения независимости Конго.

— Мы не коммунисты, — заявил он, — не католики и не социалисты. Мы являемся африканскими, конголезскими националистами. Конго — суверенная держава, и она сохранит за собой право дружить со всеми в соответствии с принципами позитивного нейтралитета. Я взываю к здравому смыслу всех конголезцев и европейцев, проживающих в нашей стране. Давайте выберемся из области провокационных слухов и встанем на реальную конголезскую землю, где полно неразрешенных проблем, ждущих нашего компетентного вмешательства.

Солдаты окружили резиденцию премьер-министра и потребовали, чтобы Лумумба выступил перед ними. Он вышел к солдатам. На него обрушился град вопросов. Кто сейчас командует конголезскими войсками? Если политические лидеры с низшим и средним образованием заняли посты министров, то почему солдаты не могут стать офицерами? Почему новое правительство не открывает военные школы? Лумумба долго не мог начать: раздраженные солдаты подходили к нему с кулаками и грозились «разогнать всех политиканов». Речи так и не получилось: премьер-министр выкрикивал отдельные фразы, с кем-то спорил, с кем-то соглашался. С трудом он выбрался из толпы и уехал в парламент.

Никто тогда и не заботился о кворуме: случалось, что парламент собирался по несколько раз в день. Времени не было на детальное обсуждение сложившейся ситуации. Депутаты сената и палаты

представителей получали отпечатанные выступления, которые признавались одобренными магическим большинством, и разъезжались по городу. Депутаты от мелких партий и независимые редко появлялись во Дворце Наций. Но 6 июля Лумумбе удалось выступить: в зале сидело много народу. В своей речи Лумумба признал законность солдатских претензий, чем сразу же дезавуировал генерала Янсенса, призывавшего двинуть «верные войска» против бунтовщиков. Лумумба заявил о смещении Янсенса с поста командующего Национальной армией Конго. Вопрос о бельгийских офицерах, сказал Лумумба, будет рассмотрен парламентом в самое ближайшее время. Он обещал повысить денежное довольствие солдатам и, как министр обороны, обнародовал приказ о присвоении военным сержантских и офицерских званий.

Во второй половине дня Лумумба совещался с Жозефом Касавубу. Премьер-министр предлагал африканизировать конголезскую армию, назначив командующим африканца.

— Но у нас нет ни генералов, ни старших офицеров, — заявил Касавубу. — Не можем же мы поставить во главе огромной армии малограмотного сержанта, который и это звание получил вчера? Не обратиться ли — нам к Юлу? Он пришлет нам французского полковника или генерала.

— Бельгийца заменим французом! Нет, это не выход из положения. Я предлагаю назначить командующим Виктора Лундулу.

— Кто таков Лундула? — спросил Касавубу.

— Он был санитаром в «Форс пюблик», принимал участие в боевых операциях. Сейчас он мэр города Жадовиля. Состоит в партии БАЛУБАКАТ.

— Откуда ты его знаешь?

— Он мой родной дядя, — ответил Лумумба.

Касавубу многозначительно улыбнулся.

— Хорошо, пусть будет так, я не возражаю, — продолжал Касавубу. — В начальники штаба новому командующему я предлагаю Жозефа Мобуту. Он знает службу и армейские порядки.

Правительство назначило специальную комиссию, которая вступила в переговоры с солдатскими парламентариями. Бунтовщики, распоясанные, без головных уборов, зачастую во хмелю, получали новые важные назначения и отправлялись из Дворца Наций, из особняков министерства, неся в карманах удостоверения, отпечатанные на старых бельгийских бланках. Касавубу сам назначил унтер-офицера Кокколо, родом из Баконго, начальником военного лагеря Леопольда.

В спешке указания и распоряжения сыпались одно за другим. Солдаты, ссылаясь на какой-то приказ президента, сами стали выбирать себе командиров: они отбирали офицерскую форму у бельгийцев. Офицеры начали разбегаться. Оставшиеся бельгийцы назначались советниками у конголезских командиров. Скрылся генерал Янсене, изрядно побитый солдатами. Европейское население Конго ударилось в панику. Авиакомпания «Сабена» сосредоточила весь самолетный парк в Браззавиле, Бужумбуре и Элизабетвиле. Началось бегство. Хулиганские действия отдельных солдат обостряли обстановку. К солдатам присоединялись безработные и деклассированные элементы городов. Они совершали налеты на магазины, грабили особняки, насиловали белых женщин. Появились убитые и раненые. Жертвы были и со стороны европейцев, и в среде конголезцев. По радио выступил Лумумба. Он призывал к спокойствию, к восстановлению порядка, к охране безопасности как европейского, так и конголезского населения.

— Мы боролись за независимость, — сказал он, — не для того, чтобы изгнать иностранцев, а чтобы самим управлять страной и укрепить независимость. Правительство обязано защищать интересы всех без исключения граждан и поддерживать порядок в стране.

Но призывы к спокойствию не находили адреса. Радио Леопольдвилья, Браззавилья, Элизабетвилья и Букаву по несколько раз в день передавало списки погибших и пропавших без вести. Тысячи автомашин скопились в Леопольдвиле у переправы на Браззавиль. Беженцы устремились в Судан, Родезию, в Уганду, Танганьiku, в Руанду и Бурунди. Европейские газеты и журналы заполнялись фотографиями беженцев — плачущих женщин, обезумевших от страха детишек. Готовилась чудовищная провокация, предотвратить которую было не в состоянии центральное правительство, ибо оно потеряло всякий контроль над печальными событиями. Это обстоятельство не помешало буржуазной пропаганде взвалить всю вину за гибель людей, ставших жертвами разнузданной солдатни, на правительство Лумумбы.

В дни, когда анархия захлестнула все Конго, убийства совершались не по предписанию каких-то властей. В озеро Киву бандитствующие конголезцы сбрасывали бельгийцев, привязывая к жертвам камин. В порту Матади бельгийские военные расстреливали безоружную толпу, выбрасывая трупы в реку. Оправдывать конголезцев — задача столь же неблагоприятная, как и огульная защита бельгийцев. Уверения в том, что «ни одна европейская женщина» не была изнасилована в Конго, так же далеки от истины, как и обвинения в «массовых изнасилованиях». Крайняя

ожесточенность руководила действиями и конголезцев и бельгийцев. И в этой драматической свалке «черное» и «белое» оказалось достойным друг друга...

В центральном правительстве не было координации: министры выступали с заявлениями, которые ни с кем не согласовывались, не получали одобрения кабинета. 9 июля министр иностранных дел Республики Конго обратился к Бельгии с просьбой об оказании военной помощи. Позднее он заявил о желании иметь американские войска в тех районах Конго, где общественный порядок «не может быть восстановлен в сотрудничестве с бельгийскими войсками». Министр обороны США Гейтс незамедлительно откликнулся заявлением о том, что Соединенные Штаты готовы направить свои войска в любую страну, чтобы «помочь восстановить мир». Демарши США мотивировались «защитой американских граждан» в Конго. Как на грех, конголезские солдаты побили американского дипломата Лоуренса, прибывшего в Леопольдвиль во главе миссии управления международного сотрудничества. Представители западной прессы расписывали «охоту конголезцев за европейцами», игнорируя ту истину, что больше всего пострадали сами конголезцы и на каждого замученного, растерзанного бандитами европейца приходится десятки, если не сотни, африканцев.

В Брюсселе состоялись демонстрации: участники критиковали правительство «за трусость», призывали к решительным действиям.

В Леопольдвиле жители города хлынули к зданию бельгийского посольства: на щитах они несли изображения европейского пене того — человека, жадного до денег. Страсти накалялись. Бельгийский министр-резидент, правда, оставшийся уже без резиденции, Вальтер Гансхоф Ван дер Мерш снова обещал посадить Лумумбу за решетку. Из Катанги в Брюссель направлялись делегации без ведома центрального правительства. 10 июля Моиз Чомбе через английского консула в Элизабетвиле обратился к Англии за военной помощью. Губернатор провинции Катанга Шеллер отдал приказ о приведении в состояние боевой готовности всех войск, дислоцированных в этой части Конго. Глава бельгийской миссии в Элизабетвиле граф Гарольд Эспремоп Линден взывал к «спасительным действиям».

Июля Моиз Чомбе провозгласил Катангу независимым государством. В своей речи по радио Элизабетвиля новый президент нового «государства» так объяснил свой шаг: независимость Конго развалилась. Анархия охватила всю страну, за исключением «медной империи». Он, Чомбе, видит выход в том, чтобы сохранить одну провинцию, где будет

порядок, где безопасность бельгийцев гарантирована. Чомбе призывал все страны мира признать Катангу в качестве суверенного государства. Одновременно он просил о принятии Катанги в члены ООН.

За несколько дней до этого Чомбе обратился к Бельгии с просьбой о срочной военной помощи: бельгийские парашютисты прибыли в Элизабетвиль раньше, чем в другие районы Конго. Министр иностранных дел Бельгии Пьер Виньи, высказываясь против провозглашения самостоятельного государства Катанги, о чем он довел до сведения послов дружественных держав, был неискренен: как тогда расценить посылку войск без консультации с центральным правительством Конго по просьбе человека, который еще не успел объявить себя президентом Катанги? Столь же фальшивой выглядела позиция Бельгии и в ООН: дипломаты Брюсселя предостерегали иностранные державы от акта признания Катанги, подчеркивая, что отделение этой провинции откроет двери «коммунизму» в остальное Конго. «Никакого вмешательства не требуется, так как оно лишь внесло бы еще большую путаницу», — телеграфировало правительство Бельгии в Организацию Объединенных Наций.

В этих филиппиках таился далеко идущий расчет: удержать свой, бельгийский контроль над положением в Катанге, используя сепаратизм Моиза Чомбе как фактор давления на правительство Патриса Лумумбы. По замыслу, войска ООН, приглашаемые Леопольдвилем, должны были действовать в интересах сохранения единства страны. Выступая на словах за единое Конго, Брюссель намеревался использовать сепаратизм катангской провинции в качестве разменной монеты в переговорах с Леопольдвилем и этим сбить антиколониальное настроение у конголезских националистов. Вмешательство ООН грозило отстранить Бельгию от дирижерского пульта.

Между тем «оформление» Катанги в самостоятельное государственное образование шло ускоренными темпами. В «Декларации независимости» говорилось: «Наша независимость является полной. Тем не менее, сознавая настоятельную необходимость экономического сотрудничества с Бельгией, правительство Катанги, которому Бельгия только что предоставила помощь своими войсками для защиты человеческих жизней, просит Бельгию вступить в тесное экономическое сообщество с Катангой. Оно просит Бельгию продолжать свою техническую, финансовую и военную помощь. Оно просит Бельгию восстановить общественный порядок и безопасность».

Политическое жеманство — так можно расценить поведение официального Брюсселя. Бельгия фактически признала Катангу

отделившимся государством, но в то же время вела курс на то, чтобы другие державы не поступили точно таким же образом. Вполне возможное вступление на территорию Катанги родезийских войск Роя Беленского, за которым стояла Англия, не устраивало ни бельгийское правительство, ни бельгийские монополии. Сама же Бельгия направила в Элизабетвиль правительственную делегацию с чрезвычайными полномочиями, замаскировав ее названием «миссия технической помощи». Возглавлял ее небезызвестный граф Эспремон Линден.

Катанга обзаводилась атрибутами государства: провинциальное собрание стало именоваться национальным. Появилась конституция, разработанная профессором Льежского университета Клеменсом. Катанга имела свой флаг: на нем были изображены три медных креста. Радио Элизабетвиля передавало гимн Катанги. Началась чеканка катангских монет. Налоги, которыми облагались иностранные компании, пошли в катангскую казну.

Во второй половине дня 13 июля бельгийские парашютисты под командованием генерала Гейсена высадились в леопольдвильском аэропорту Нджилли. Через 48 минут операция была завершена: бельгийские войска овладели конголезской столицей. Президент Касавубу и премьер-министр Лумумба накануне вылетели в Элизабетвиль, чтобы встретиться с Моизом Чомбе и вступить с ним в переговоры. Катанга ответила отказом: самолету не было дано разрешение на посадку в Элизабетвиле, и он, прождав длительное время в Кинду, лишь 14 июля приземлился в Леопольдвиле.

Президент и премьер въехали в город, улицы которого свидетельствовали о варварском налете. Лежали неубранные трупы. Фасады домов изрешечены пулями. На тротуарах — сплошные дорожки из битого стекла. Сновали военные «джипы». В городе введен комендантский час. Всюду патрули. Леопольдвиль, как и в колониальные времена, снова оказался в руках бельгийских войск. Министерства были закрыты. Центром всей жизни вновь стало бельгийское посольство, охраняемое отрядами парашютистов. Машину, в которой ехали главы государства и правительства, на каждом шагу останавливали бельгийские военные.

Это был акт агрессии против молодого африканского государства, совершенный Бельгией при поддержке стран НАТО. Еще 11 июля Пентагон отдал приказ привести в состояние боевой готовности на случай возможной переброски в Конго 24-ю пехотную дивизию. Соединенные Штаты направили к берегам Конго авианосец «Уосп». Агентство «Белга» распространило сообщение о том, что американский посол в Брюсселе

согласился «в принципе» на посылку подразделений США в Конго. В состоянии боевой готовности находились и португальские войска в Анголе и Кабинде.

Бельгийская карательная операция охватила широкий район Нижнего Конго и некоторые другие части страны. Агрессия в действительности началась раньше, чем бельгийские парашютисты высадились в предместьях Леопольдвилья. Кровавые события произошли в Матади, главном порту страны. 9 июля по предписанию консула все бельгийцы были вывезены из Матади на пароходах. Утром 11 июля четыре бельгийских военных корабля приблизились к городу, стали на якорь и открыли огонь. Матади бомбили самолеты. На улицах появились десанты бельгийских солдат и моряков. Загорелись нефтесклады. Вооруженные отряды врываются в здания, где работали правительственные служащие, и чинили расправы. В полицейском участке были убиты все находившиеся там конголезцы. С ходу был захвачен и город Бома в Нижнем Конго. Операция по «спасению бельгийцев» шла полным ходом. Правда, к моменту удара по Матади, там из 1800 европейцев осталось... 4 португальца и 1 бельгиец! Все остальные были заблаговременно эвакуированы. «Спасать» одного-единственного бельгийского гражданина двинулись морская эскадра, эскадрилья самолетов и несколько сот солдат!

Любое вероломство находит оправдание со стороны тех, кто в нем повинен. Насилуется международное право, фальсифицируется история, выворачиваются наизнанку понятия о правах человека, о равенстве всех наций и народов. Король Бодуэн выступил по радио... «В конголезской армии, — заявил он, — вспыхнуло движение страшной жестокости, а ответственные власти, вместо того, чтобы бороться с этим, постарались восстановить конголезский народ против бельгийцев... Наши войска в Конго вели себя хладнокровно и с достоинством, заслуживающим самой большой похвалы».

Американский журнал «Тайм» несколько разошелся во мнениях с бельгийским монархом. «Полагали, — писал «Тайм», — что ударные бельгийские парашютные части покажут железную дисциплину в противовес беспорядочному и безрассудному поведению взбунтовавшихся конголезских солдат из отрядов поддержания общественного порядка. Но парашютные войска вскоре вышли из-под контроля. Пробивая себе путь в Леопольдвиль после захвата аэропорта, они избивали всех африканцев, встречавшихся им на пути, разоружали и арестовывали конголезских солдат. Когда конголезцы предложили им примирение и создание совместных патрулей из солдат обеих сторон для наблюдения за порядком в

Леопольдвиле, парашютисты с негодованием отказались сесть рядом с «этими черными обезьянами» в военные «джипы». Они были настроены воинственно и высокомерно. Один парашютист выстрелил в темноте в корреспондента журнала «Тайм» Ли Григгса, а затем извинился и сказал: «В темноте я принял вас за африканца».

В ту пору мир разделился на два лагеря: в одном высказывалось сочувствие маленькой и доброй Бельгии. Печатные органы Запада в спекулятивных целях расписывали «пролитую кровь белого человека» в Конго. Соответствующим образом подбирали факты: их было так много, что из них можно было построить любую заданную пирамиду, чернящую конголезцев. Второй лагерь подбирал пропагандистские построения, обеляющие конголезцев. Отсюда — крайности, уводившие читателя от суровой истины. Хулители конголезцев, умалчивая о кровавых оргиях, подобных имевшей место в Матади, выносили на первый план дикие сцены: надругательство солдат над католическими сестрами, ничем не прикрытый садизм, практикуемый ими в обращении с отдельными бельгийцами и другими европейцами, затерявшимися со своими семьями в саваннах и джунглях беспокойного и опасного Конго. В Элизабетвиле был убит итальянский консул Тито Сполъя. В Бакванге растерзан американский корреспондент Тэйлор. Интервью газетам раздавали беженцы, стоявшие под дулом винтовок. Все это было в Конго.

Упускалось из виду то, что «Форс пюблик», созданные колониальной администрацией, были чужды народу. Солдатские бунты дали повод для бельгийского вмешательства, что поставило под вопрос дальнейшее существование независимого Конго. Но замысел колонизаторов был еще шире: на примере Конго империалистический Запад вознамерился доказать неспособность самих африканцев управлять страной, их неподготовленность к независимости. На границах Конго должен был остановиться общеафриканский вал национально-освободительного движения.

Летом 1960 года студент из Танганьики Фелемин Микол Сарунги направил Патрису Лумумбе письмо, в котором поздравлял его с достижением Конго независимости. Сарунги получил ответ. В письме Лумумба писал: «Я, как и вы, совершенно согласен с заявлением моего дорогого друга и брата доктора Нкрума о том, что «независимость какой-либо страны в Африке — это не что иное, как освобождение всей Африки от ига империализма». В самом деле, это заявление определяет роль народов черной расы в борьбе за свое освобождение от колониального гнета. Вы можете быть уверены в том, что я, с своей стороны, буду

противостоять всем маневрам, которые могут быть предприняты агентами империалистического или колониалистского режима, решительно и с непримиримой твердостью разоблачая заговоры, а также колониальные маневры, имеющие целью восстановить в нашей стране тоталитарный режим, против которого мы так долго боролись. Кроме того, я буду стараться направить свою страну по единственному пути, который оказался самым правильным, а именно — по пути создания подлинного конголезского государства, в котором были бы изъяты всякие войны между племенами и братоубийственная борьба, таким образом, чтобы мы все могли гордиться работой, которую мы сделаем ради объединения нашей дорогой родины Конго. Я твердо убежден, что народы черной расы, освободившись от гнета и оккупации колониального режима, смогут достигнуть больших высот (когда будут решены их внутренние проблемы), а может быть, даже и превзойдут любую другую страну мира. Мне не хотелось бы превращать мое письмо к вам в изложение моих взглядов, но то, что я написал, — это выражение моих чувств и моих самых подлинных убеждений».

Таков ответ конголезского националиста. Лумумба не изменял своим политическим взглядам, чем грешили другие лидеры Конго. Бельгийский военный удар был рассчитан и на то, чтобы изолировать Лумумбу и его окружение, скомкать едва начавшие складываться национальные институты управления, вызвать раскол в правительстве.

Разветвленный бельгийский аппарат, оставшийся в Конго, повел атаку против премьер-министра. Печать и радио развернули кампанию, суть которой сводилась к тому, что нужно убрать Лумумбу. Нет, Бельгия не против независимости, она за нее, но — без Лумумбы. Она готова оказать любую помощь Конго, если во главе его будут поставлены другие лидеры: с Лумумбой ни о чем нельзя договориться. Он экстремист, крайне левый, замаскированный коммунист...

Не все соглашались с бельгийской оценкой. Английский бюллетень «Форин рипорт» счел нужным следующим образом высказать свое мнение о конголезском премьер-министре: «Лумумба отличается упорством в работе, храбр и располагает к себе. Его сила в том, что он является единственным подлинным националистом, конголезским лидером, выступающим против сохранения строя по племенному и региональному признаку. Очевидно, Лумумба единственный политический деятель Конго, обладающий необходимыми качествами для того, чтобы превратить Конго в унитарное государство».

На редкость точная оценка! Только тогда Лумумба чувствовал, что он

не единственный руководитель Республики Конго, выступающий за сохранение ее единства и Независимости. С ним и за ним шли многие. Бельгийцы делали ставку на раскол, Лумумба — на сплочение, и это ему удавалось. Вместе с Касавубу они обсуждали вопрос, связанный с высадкой бельгийских парашютистов. Они пришли к единому мнению: надо срочно обращаться в Организацию Объединенных Наций, в Совет Безопасности. Обращение было послано. Вслед за ним президент и премьер направили генеральному секретарю ООН более подробную телеграмму, в которой разъяснялась позиция конголезской стороны. «В связи с просьбой Республики Конго о предоставлении ей военной помощи ООН, — писали Касавубу и Лумумба, — глава государства и премьер-министр Конго дают следующие разъяснения: 1. Цель запрашиваемой помощи — не восстановление внутреннего порядка в Конго, а скорее защита национальной территории против актов агрессии со стороны бельгийских войск. 2. Просьба о помощи относится только к вооруженным силам ООН, состоящим из военнослужащих нейтральных стран, а не Соединенных Штатов, как сообщили некоторые радиостанции. 3. Если требуемая помощь не будет незамедлительно предоставлена, Республика Конго будет вынуждена обратиться к державам Бандунгского договора. 4. Республика Конго обратилась с просьбой о помощи, осуществляя свои суверенные права, а не по договоренности с Бельгией, как указывалось в сообщениях».

ООН проявила оперативность, немедленно созвав Совет Безопасности, принявший резолюцию об оказании помощи Республике Конго. 14 июля в Леопольдвиль прибыл генерал Александер, англичанин по национальности, командующий ганскими подразделениями. В тот же день он встретился с бельгийскими генералами Тейсеном и Кюмоном. Касавубу и Лумумба направили бельгийскому послу в Леопольдвиле послание с требованием, чтобы все подразделения парашютистов были стянуты на военные базы Китона и Камина и находились там, не выходя за пределы, вплоть до особого распоряжения. Это разрядило бы грозную атмосферу и положило конец ежедневным кровавым столкновениям между оккупантами и местным населением. Министр обороны Бельгии Жильсон ответил решительным отказом. 20 июля палата представителей Республики Конго рекомендовала правительству порвать дипломатические отношения с Бельгией и выслать из Леопольдвилля посла Жана Ван ден Боша, обвиняемого в организации «массовой и неоправданной эвакуации белого населения из Конго».

Журнал «Юроп мэгэзин», издающийся в Брюсселе, опубликовал статью под названием «Разбитое Конго». Большая фотография переносила

читателей и зрителей в леопольдвильский собор святой Анны, где состоялось торжественное богослужение по случаю конголезской независимости. Повернув стулья спинками вперед, стоят рядом премьер-министры Эйскенс и Лумумба. Надпись гласит: «Реквием по Конго, которого уже нет».

Но Конго существовало. Лумумба посылал своего адъютанта на розыски министров, депутатов парламента, государственных секретарей. Некоторые из них тоже считали, подобно бельгийскому журналу, что все погибло: они скрывались в африканских кварталах или близлежащих городах. Лишь несколько человек всегда находились на своих постах: Антуан Гизенга, Морис Мполо, Жозеф Окито, Джордж Гренфел, Унисет Кашамура, Пьер Мулеле. Власти Катанги, узнав о назначении Виктора Лундулы командующим конголезской армией, арестовали его. Лумумба поручил Морису Мполо разобраться в «солдатском вопросе», совершить инспекционную поездку по гарнизонам.

Лумумба, понимая исключительное значение катангского вопроса, проявил инициативу в попытках установить с Чомбе деловые контакты. Отлучение Чомбе, его изоляция, по мнению премьера, сыграли бы на руку бельгийским монополиям, еще больше сблизили бы Катангу с Брюсселем. Лумумба считался с тем непреложным фактом, что курс на сепаратизм разделяют многие члены возглавляемого им центрального правительства. Да и сама личность Чомбе не укладывалась в появившиеся оценки — сепаратист, марионетка, предатель.

В отдельных случаях Чомбе выступал с националистических позиций и нередко разоблачал империалистическую политику Соединенных Штатов, Запада в целом, призывал к освобождению Африки, к изгнанию колонизаторов и т. д. Набор общих призывов стал усиленно внедряться в Африку, и ими пользовались как подлинные, так и мнимые борцы за новую жизнь. Особенно доставалось от Чомбе Бельгии, правительство которой он именовал «правительством грабителей и мошенников».

Конечно, это была демагогия чистейшей воды. Но нельзя отказать умному и ловкому Чомбе в незаурядных способностях извлекать политические барыши из противоречий капиталистических держав, каждая из которых преследовала свои интересы и в Конго и в Катанге. В пользу переговоров склоняло и то обстоятельство, что каким бы ни был Чомбе, все же он конголезец.

Правительство направило в Элизабетвиль двух членов парламента на переговоры с Моизом Чомбе: они были встречены в аэропорту и отправлены в тюрьму.

16 июля Лумумба выступил по радио с обращением к народу.

— Своим поведением, — говорил он, — Бельгия объявила нам войну. Будьте спокойны и хладнокровны. Если завтра смерть станет неизбежной, я умру за родину.

В Леопольдвиль прилетел специальный представитель генерального секретаря ООН Ральф Банч. Конголезцев он норовил расположить к себе бесконечными напоминаниями о том, что он мулат, что в его жилах добрая половина крови — африканская.

Лумумба готовился к отлету в Нью-Йорк. Перед этим он зашел к президенту республики: в кабинете Касавубу сидел Жюстэн Бомбоко.

— Очень удобный случай, — начал Лумумба, — поговорить о самовольных действиях министра иностранных дел. Я, как глава правительства, услышал по радио о том, что вы, господин Бомбоко, обратились к Бельгии с просьбой о военной помощи. Мы вернемся к этому вопросу и обсудим ваше странное поведение на заседании кабинета министров.

— Я уже сделал выговор за это нашему уважаемому министру. Его объяснение совершенно обезоружило меня...

— Я готов еще раз повторить, — вступил в разговор Бомбоко, — что мой поступок продиктован неопытностью. Поверьте, товарищ премьер-министр, моему искреннему признанию и столь же искреннему раскаянию.

Касавубу улыбался. Лумумба впервые услышал от Бомбоко обращение «товарищ».

— Итак, к делу, — снова начал Касавубу. — Ваше присутствие в Нью-Йорке совершенно необходимо, дорогой Патрис. Все мои полномочия — с вами. Надо проучить бельгийцев и вышвырнуть их из Конго! Тут двух мнений быть не может. А с Катангой мы управимся сами. Чомбе намерен посадить нас на голодный паек. Не выйдет! Нам тоже нужны деньги. Отдать Катангу — значит лишиться государственной кассы. Мы займемся внутренними проблемами...

На гребне волн

Касавубу испытывал удовлетворение от сознания, что Лумумба уедет и президент останется один. Бешеный темп конголезских событий ставил в тупик медлительного Касавубу. Волей-неволей ему приходилось уходить на задний план, предоставляя Лумумбе широкую возможность деятельности. Премьер-министр успевал бывать всюду: в парламенте и министерствах, в университете и на спортивных состязаниях, выступать на пресс-конференциях и писать статьи для газет, принимать иностранных дипломатов и посланцев международной организации. Популярность Лумумбы была необычайно велика, престиж его все рос и рос, а звезда Касавубу меркла. Инициатива во всех государственных начинаниях принадлежала премьер-министру. Его живой, незаурядный ум, его выдающиеся ораторские способности, блестящая политическая интуиция, всегда выводившая его из лабиринта, сооруженного и бельгийцами и конголезцами, его простота и откровенность, редкая способность доносить до народа самые сложные понятия в доступном виде, его бескорыстие и самоотверженность на посту главы правительства, наконец, личное обаяние — все эти качества ставили Лумумбу неизмеримо выше других политических лидеров Конго. Равных ему не было.

До президента республики доходили слухи о том, что Лумумба один управляет страной, и в таком утверждении заключалась значительная доля истины. Слова «летим вместе» Касавубу истолковывал теперь по-другому: «Лечу за Лумумбой». Абаковцы открыто выступали за ограничения полномочий премьер-министра, за сосредоточение всей реальной власти в руках президента. Свою зависть Касавубу прикрыл «интересами партии», которая тоже теряла былые позиции, уступая во всем Национальному движению Конго.

Пусть едет Лумумба за границу. Касавубу остается в Конго и будет решать конголезский вопрос по-своему.

Перед самым отлетом в Соединенные Штаты Патрис Лумумба, будучи занятым, все же выбрал время и дал ответ корреспонденту «Франссуар» на его вопрос: «Некоторые из ваших политических противников обвиняют вас в коммунизме. Что вы скажете об этом?»

Лумумба ответил: «Это пропагандистский лозунг, брошенный по моему адресу. Я не коммунист... Колонизаторы по всей стране вели кампанию против меня лишь потому, что я революционер, что я выступаю

за ликвидацию колониального режима, не считавшегося с нашим человеческим достоинством. Они считали меня коммунистом потому, что я не позволил подкупить себя».

Он и не приверженец насильственных действий, каким его стремятся теперь изобразить. Это ему, Лумумбе, принадлежат слова: «Проблемы существуют и будут существовать до тех пор, пока существует мир. Решение этих проблем часто обуславливается многими факторами, о которых мы не знаем. Не будем же всякий раз делать поспешные выводы, что виновны в этом государственные органы или те, кто находится у власти».

Какой широкий, благожелательный и конструктивный подход! С таким настроением Лумумба прибыл в Нью-Йорк. Он не разочаровался в своих лучших надеждах. Огромный город гигантской страны оказал ему положенное гостеприимство. В международной организации его восторженно встретили главы государств новой, независимой Африки, обещая всевозможную поддержку. На стороне Конго были социалистические страны. Совет Безопасности принял уже две резолюции (от 4 и 22 июля), в которых содержался призыв к правительству Бельгии о выводе всех войск с территории Республики Конго. 9 августа, подтвердив полномочия генерального секретаря ООН, Совет Безопасности потребовал от Бельгии незамедлительного вывода войск из провинции Катанга, заявляя, что ввод вооруженных сил ООН в Катангу необходим для того, чтобы «полностью выполнить эту резолюцию».

В этом документе, определяющем позицию Совета Безопасности в конголезском кризисе и тактическую линию командования ООН в Конго, содержался четвертый пункт, оказавшийся самым злосчастным по своим последствиям. В нем указывалось, что «вооруженные силы ООН не будут участвовать ни в каком внутреннем конфликте, в том числе конституционном, каким-либо образом вмешиваться в такой конфликт и оказывать влияние на его исход».

Именно в этом четвертом пункте и заключался весь коварный смысл, принятой резолюции: в применении к конголезской ситуации он означал, что международная организация в споре между центральным правительством и властями Катанги занимает нейтральную, а на деле поощрительную для Чомбе позицию и умывает руки. Бельгийцы ухватились за четвертый пункт резолюции, ибо он давал им возможность, с одной стороны, выполнить требование ООН о выводе своих войск из Конго и успокоить мировое общественное мнение, с другой — стянуть эти воинские подразделения в провинцию Катанга, пользуясь тем, что там нет

частей ООН.

«Конголезский клуб» мог торжествовать победу. В него входили американцы, ближайшие помощники и советники генерального секретаря: Ральф Банч, Эндрю Кордые и Бишхоф. В хваленую беспристрастность, объективность и наднациональность служащих ООН эти видные американские граждане вносили существенные поправки. Дальнейшие события показали, что четвертый пункт резолюции представители генерального секретаря использовали против центрального правительства и его премьера — Патриса Лумумбы. И помимо всего Вашингтон необычайно щедро финансировал операции ООН в Конго...

Внешне все обстояло благополучно: складывалось впечатление, что, несмотря на различные отношения членов ООН к конголезской проблеме, в целом международная организация выступает на стороне Республики Конго. Но за кулисами большой, открытой, гласной функционировала «малая ООН» — прокатангская, тесными узами связанная с крупнейшими бельгийскими, американскими и английскими монополиями.

Американский генерал Ральф Банч, направленный генеральным секретарем ООН в Конго, успел побывать в Элизабетвиле и вступить в переговоры с Чомбе. Банч — единомышленник, личный друг Эдлая Стивенсона, представителя Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций. Стивенсон являлся председателем фирмы «Темпелсман энд сан», которая вела алмазные разработки в Конго. Сенатор Томас Додд, демократ от штата Коннектикут защищал Моиза Чомбе в его притязаниях на сепаратное существование Катанги. Пронырливый политикан и бизнесмен Артур Дин, который неоднократно возглавлял американские делегации на конференциях по разоружению, занимал пост вице-президента могущественной «Американ металл», одной из крупнейших потребителей урана. В Нью-Йорке и Вашингтоне появлялся Мишель Струэлэнс, личный представитель Моиза Чомбе, открывший на Пятой авеню «катангское бюро». Для маскировки своего «катангского филиала в США» Струэлэнс получил и другое назначение: он стал директором Международного института по африканским проблемам, открытого при Шербургском университете в канадском городе Квебеке. За Катангу, провозглашенную африканским аванпостом антикоммунизма, орудовала вся международная буржуазия, связанная с добычей и реализацией катангских богатств.

Во время своей поездки Лумумба мобилизовал мировую общественность на борьбу за сохранение единого Конго. Он дал интервью газете «Чикаго дейли ньюс», в котором заявил: «Если бы не грубое

вмешательство бельгийских войск, мы сумели бы постепенно нормализовать положение. А сейчас остался верным следующий факт: мир и безопасность в Конго можно будет восстановить только тогда, когда будет выведен последний бельгийский солдат. Что касается так называемого распада Конго, вы должны знать, что бельгийские компании давно тщательно готовили отделение богатой медью и кобальтом провинции Катанга. Но Катанга была и остается неотъемлемой частью нашей страны. Это подтвердил Совет Безопасности в своих различных резолюциях».

По пути на родину Лумумба остановился в Конакри, где его встретил президент Гвинейской Республики. Состоялся массовый митинг, на котором выступил Лумумба.

Слова Лумумбы: «Мы выбросим колонизаторов за пределы Африки», — потонули в ликующих возгласах. Президент Гвинейской Республики направил Хаммаршельду специальное послание, в котором говорилось: «Имею честь обратиться к вам от имени правительства и настаивать на немедленном использовании наших войск в Катанге. Если это предложение не будет одобрено, то мое правительство передаст эти войска в непосредственное распоряжение конголезского правительства». Из Конакри Лумумба послал телеграмму членам своего кабинета с рекомендацией срочно созвать заседание правительства и принять решение об отказе от помощи Организации Объединенных Наций. «Войска ООН, — говорилось в телеграмме, — только маршируют в Конго, а не помогают нам в эвакуации враждебных бельгийских войск».

Намечался новый поворот в конголезских событиях, но он так и не был осуществлен: гвинейские войска, прибывшие в Конго, оставались в подчинении штаба ООН, а правительство Конго не отказалось от услуг международной организации.

На Конго обрушился политический водопад. Многим казалось, что пирогу вот-вот разобьет вдребезги, и иные седы уже поглядывали, как бы им сойти с нее без особого риска для себя. Символом правого конголезского дела оставалось имя Патриса Лумумбы. Его фантастическую работоспособность отмечали обозреватели Запада. Его политическая честность обращала на себя внимание всех, кто интересовался его личностью издали, кто наблюдал за ним вблизи. В «Парижур» была опубликована статья, содержащая такое заключение: «В стране, не обладающей политической культурой, это единственный человек с врожденным политическим чутьем. В этом у него нет равноценных противников. Лумумба всегда идет на несколько шагов впереди самых хитроумных своих врагов».

Все обращалось против него, а он не сдавался. Фронт борьбы расширялся чуть ли не с каждым днем. Бельгия с подпорками НАТО. Моиз Чомбе с опорой на монополистическую пирамиду всего мира, а тут еще командование войсками ООН, генеральный секретарь, его бесчисленные эмиссары. «Голубые каски» обосновывались в Конго: вскоре численность ооновских солдат достигла 20 тысяч. Лучшие гостиницы Леопольдвиль и других конголезских городов были забиты гражданскими служащими ООН, административный аппарат которой составлял около 1500 человек. В Конго находились подразделения Индии, Эфиопии, Ганы, Гвинеи, Нигерии, Туниса, Либерии, Малайи, Сьерра-Леоне, Швеции и Ирландии. Национальная и политическая пестрота этих частей создавали дополнительные трудности для конголезского правительства. Из Катанги появились сообщения об иностранных наемниках, нанятых представителями Моиза Чомбе. Круг проблем рос и рос... Элизабетвиль заполнялся военными, политическими, финансовыми и экономическими экспертами из Брюсселя.

Штабом командования ООН в Республике Конго был роскошный отель «Ройял». Фактически же центром, где определялась тактика командования, являлся отель «Леопольд» в Элизабетвиле. Доктор Банч, посетивший в начале августа Катангу, возвратился в Леопольдвиль, чтобы заявить о своих рекомендациях «прекратить операции в Катанге». Он ссылаясь на собственные переживания и эмоции, на «безоговорочные и непреклонные возражения господина Чомбе, его министров и вождей против прибытия войск Объединенных Наций».

Чомбе действительно устроил «водевиль устрашения» при встрече Ральфа Банча, который произвел сильное впечатление на бывшего американского генерала. Расплывшийся в улыбке Чомбе подошел к трапу, по которому спускался посланник генерального секретаря, облеченный широкими полномочиями. Чомбе сразу же сообщил Банчу, что в провинции объявлена мобилизация. Возводятся укрепления, состоящие из «трех неприступных линий обороны». В здании аэропорта Чомбе подвел Банча к вождям племен, вооруженных стрелами и луками. С антресолей бельгийские офицеры выкрикивали лозунги: «Долой Хаммаршельда! Долой американцев!» Вдоль полотна дороги от аэропорта к Элизабетвилю возвышались штабеля бочек из-под бензина, лежали мотки колючей проволоки: если войска ООН появятся в Катанге, объяснили Банчу, то на дорогах будут устраиваться завалы и заграждения. На улицах города шпалерами стояли «добровольцы»...

Хаммаршельд, получив депешу от Банча, отменил «Операцию

Катанга», запросив Совет Безопасности «уточнить» его полномочия. В своем докладе Хаммаршельд предложил собственную интерпретацию решений Совета Безопасности по конголезскому вопросу, суть которой сводилась к тому, что «вооруженные силы Организации Объединенных Наций не могут быть использованы от имени центрального правительства для того, чтобы оказать давление на провинциальное правительство или заставить его силой придерживаться определенного образа действий». Генеральный секретарь ООН блокировал все действия своего командования в Конго по установлению контактов с властями центрального правительства, если это «идет в нарушение решений провинциального правительства».

14 августа Лумумба направил генеральному секретарю пространное письмо, в котором потребовал вывода из Катанги всех неафриканских войск, немедленной посылки туда марокканских, ганских, гвинейских, эфиопских, малийских, суданских, тунисских, либерийских и конголезских подразделений. «Переговоры, которые вы только что вели с господином Моизом Чомбе, — писал Лумумба, — служат убедительным доказательством того, что вы сами становитесь участником конфликта между мятежным правительством Катанги и законным правительством республики, что вы вмешиваетесь в этот конфликт и что вы используете войска ООН для того, чтобы повлиять на исход этого конфликта...»

Между Лумумбой и генеральным секретарем ООН завязалась оживленная переписка. В одном из своих посланий премьер Конго заявил о том, что правительство и народ потеряли доверие к Хаммаршельду. Последнему изменила выдержка: он отказался лететь в Нью-Йорк с делегацией конголезского правительства и покинул Леопольдвиль, не встретившись с Лумумбой.

Еще до этого Лумумба заявил Банчу, что если войска ООН не выполнят своих задач, то конголезское правительство вынуждено будет просить помощи у дружественных стран, в том числе у Советского Союза. На это высказывание немедленно реагировал сенат: он принял резолюцию «неодобрения» действий премьер-министра, отвергая «всякое вмешательство со стороны Советского Союза».

Колонизаторы развязали новую кампанию против правительства Лумумбы. На виллах, охраняемых теперь «голубыми касками», раздавались призывы «отправить конголезцев снова в джунгли». В западной печати дебатировался вопрос об установлении над Конго «протектората ООН». Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Многие бельгийцы, в особенности представители деловых кругов, которые ведут дела в Конго, надеются, что

над Конго будет установлен протекторат ООН по типу Камеруна и Танганьики».

Вместе с тем империалистический Запад склонялся в пользу образования на территории Конго, наряду с Катангой, и других «вполне самостоятельных государственных единиц». Против такого плана не возражал и Чомбе, пославший в Лондон делегацию для разъяснения своей позиции «Форин офису». Тогда английская газета «Санди тайме» писала следующее: «Позиция английского правительства в вопросе об урегулировании проблемы Катанги быстро становится ясной. Теперь приветствовали бы довольно свободную федерацию между Катангой и остальным Конго по образцу Федерации Центральной Африки».

Английский посол в Леопольдвиле Ян Скотт уговаривал и Хаммаршельда и Банча ни в коем случае не направлять войска ООН в Катангу, ибо назавтра подобная же ситуация может возникнуть и в других провинциях страны. «Нью-Йорк тайме» отмечала, что «отделение Катанги от Конго, возможно, является разумным и одновременно неизбежным». Бельгийские юристы моментально выдвинули идею о конфедерации провинций во главе с премьер-министрами или президентами: единство Конго будет тогда олицетворяться президентом республики, а пост премьера центрального правительства упраздняется за ненадобностью. Чомбе передал это предложение Жозефу Касавубу через своего доверенного Фюльбера Юлу. «Король Каса» в принципе был согласен с новейшей теорией, ибо его положение оставалось незыблемым, но как практически осуществить замысел?

Поначалу Касавубу соблюдал известную осторожность в своих действиях, направленных на устранение правительства Патриса Лумумбы. В августе 1960 года в особняке Моиза Чомбе на улице Элизабет, обрамленном соседствующими американскими и английскими консульствами, состоялось совещание, в котором приняли участие хозяин дома, он же президент Катанги, Альбер Калонжи и большая делегация от партии АБАКО. Совещание приняло решение о свержении правительства Лумумбы. 7 августа состоялось заседание центрального комитета АБАКО под председательством Жозефа Касавубу. Партия президента выразила недоверие правительству Лумумбы, выдвинув требование о создании конфедерации Конго. В тот же день видный абаковец Гастон Диоми направил Совету Безопасности телеграмму, в которой говорилось: «Народность баконго вновь заявляет, что она является сторонницей создания правительства баконго в федерации Конго. Она отвергает центральное правительство и возлагает надежды на мудрость Совета

Безопасности».

8 августа молодежная организация партии АБАКО организовала демонстрацию на улицах Леопольдвилья, неся лозунги:

- Да здравствует государство Баконго!
- Да здравствует правительство Чомбе!
- Да здравствует провинция Касаи во главе с Калонжи!
- Долой правительство Лумумбы!

В столице распространялись листовки, содержащие злобные, разнузданные выпады против Патриса Лумумбы и его сторонников. Начала работать радиостанция «Голос правды», принадлежащая партии АБАКО. Диктор обычно обращался к слушателям со словами: «Мы только что получили новые материалы о преступной деятельности коммунистического агента Лумумбы...» Передачи шли под рубрикой «Врэ» — «Правдивое».

На Лумумбу обрушивался поток самых низкопробных инсинуаций. Назывались астрономические суммы денег, якобы полученные им из социалистических государств. В действительности казна была пуста, врачам и учителям правительство не выплачивало денежное довольствие. Секретари Лумумбы Серж Мишель и госпожа Блуэн объявлялись «красными агентами». Раздавались призывы безымянных «настоящих патриотов», «истинных демократов», «друзей свободного Конго» к тому, чтобы покончить с правительством Лумумбы.

Вряд ли еще в какой стране спекуляция на политической неподготовленности народа, на его неосведомленности достигала такого размаха. «Голубые каски» создали черный рынок, где шла торговля американскими долларами, золотом и алмазами, сигаретами и транзисторами, фотоаппаратами и чаем, ботинками, верхним и нижним бельем. Само Конго ничего не производило и ничего не ввозило: в ходу были одни ооновские товары. Среди служащих ООН были настоящие авантюристы, которые гоняли самолеты в Баквангу и Кило-Мото, в Санкуру и Стэнливилль, где по дешевке скупали золото и алмазы, кофе и слоновую кость.

Командование ООН превратилось в ширму, за которой удобно было орудовать врагам конголезской независимости. Лумумба предпринимал отчаянные усилия к тому, чтобы спасти положение. Он собирал парламент, вносил предложения, которые одобрялись, но правительство не располагало реальными силами для их претворения в жизнь, Лумумба издал приказ о выводе с территории республики шведского контингента войск: ни один солдат не покинул Конго. На глазах у командования ООН в Баквангу перебрасывались иностранные офицеры, наемники. Бельгийское

«Второе бюро», возглавляемое господином Дье, поставляло оружие и боеприпасы непосредственно в адрес Бинзы. Бывшие «Форс публик» распались на группировки. Генерал Лундула выезжал в гарнизоны, заявившие о поддержке центрального правительства, и уговаривал солдат, которые не получали ни франка, потерпеть еще некоторое время...

Лумумба пытался связаться с Жозефом Касавубу и объяснить с ним. На телефонные звонки он получал один и тот же ответ: «Президент болен». Что это? Добровольный уход с поста? Отступление перед трудностями?

Необходимо был высказать перед всем миром настоящую правду о Конго, чтобы на его многострадальном примере научились и другие африканские страны, чтобы знали решительно все, что такое империализм в Африке, какие препятствия чудовищной трудности надо преодолеть, чтобы устоять, выжить и приняться за построение свободного и независимого государства.

В конце августа по инициативе Лумумбы собирается panaфриканская конференция в Леопольдвиле. Прибыли делегаты из Алжира, Объединенной Арабской Республики, Ганы, Гвинеи, Эфиопии, Судана и других стран. Открывая конференцию, Лумумба, встреченный овацией, сказал:

— Ваше присутствие, уважаемые делегаты, в нашей столице в очень трудные времена для Конго служит для моего правительства и всех конголезцев источником вдохновения. Наша конференция служит доказательством существования африканской солидарности, против чего всегда выступали наши общие враги. Африка жива и здравствует! Нет, она отказывается умереть. Больше того, она продолжает бороться. Мы знаем, что Алжир — не французский, что Кения — не английская, что Ангола — не португальская, что Руанда-Бурунди — не бельгийская. Мы также хорошо знаем колониальные цели Запада. Совсем недавно империалисты раскалывали нас на уровне племен, кланов и народностей. В настоящее время, когда процесс освобождения Африки уже ничем не остановить, колонизаторы стремятся поспорить нас на уровне государств. Им нужен раскол, чтобы сохранить свое влияние. Но я глубоко убежден, что Африка хочет единства и добьется этого единства, несмотря на происки ее тайных и явных врагов!

Касавубу отказался прибыть даже на открытие конференции.

Радио Леопольдвилля передало сообщение: объявлено наступление конголезских войск на Баквангу. Лундула и Мполо доложили о боевой готовности Стэнливиля. Замысел сводился к тому, чтобы смять противодействие Альбера Калонжи, объявившего себя мулопве — королем

алмазной Касаи, а затем выйти на границы с Катангой в районах, где проживают племена, враждебно настроенные к Чомбе.

Бакванга была взята. Все ждали какого-то перелома в развитии событий. И как раз Конго пошло против Конго: 5 сентября 1960 года в 7 часов 30 минут вечера по радио Леопольдвилья был зачитан декрет президента Жозефа Касавубу о смещении премьер-министра Патриса Лумумбы. Кроме Касавубу, под декретом поставили свои подписи министр иностранных дел Жюстэн Бомбоко и министр-резидент в Бельгии Альбер Дельво. Кто-то ждал этой грозы, а кого-то она застигла врасплох.

Спустя каких-то полчаса после ошеломляющей новости Лумумба поспешил к зданию центрального радио в Леопольдвиле, которое охранялось солдатами ООН. Он в последний раз беспрепятственно вошел в студию: заготовленного текста речи у него не было. Может быть, это обстоятельство заставило его неторопливо подбирать слова и оценки. Послышался негромкий, но четкий тенорок, раздавался знакомый всем конголезцам голос, который имел необычайную силу убеждения, располагал к себе особенной теплотой и откровенностью.

— Я был удивлен де менее вас, дорогие сограждане, — говорил Лумумба, — узнав о решении президента Республики Конго Жозефа Касавубу. Произошло какое-то поразительное недоразумение. Если говорить серьезно, то мое правительство, избранное конголезским народом, получившее его одобрение, не может быть распущено главой государства без соответствующей санкции парламента. С таким же основанием я, как премьер-министр, могу сместить с занимаемого поста президента республики. Подобные действия дают основание нашим врагам издеваться над нами и над конголезским народом, вновь и вновь обвинять нас в неспособности управлять независимым Конго без помощи бельгийцев. Дорогие братья! Я заявляю вам, что законное правительство по-прежнему стоит у власти и продолжает выполнять свои нелегкие обязанности. Возникшие недоразумения будут устранены. Я призываю вас к спокойствию, к сплочению вокруг правительства, защищающего ваши интересы, интересы суверенного Конго.

Он говорил так, чувствуя за собой поддержку народа, глубоко веря в то, что вокруг него сплотятся все честные конголезцы. Но собраться даже в парламенте было уже невозможно, а о публичных выступлениях Лумумбы не могло быть и речи. Естественное и частное общение премьер-министра со своими коллегами по партии, по государственной службе было нарушено. В резиденцию Лумумбы запретили вход. Кто отдал приказ — неизвестно. Кто направил войска якобы для охраны, а на самом деле для

полной блокады резиденции — тоже загадка. Участились телефонные звонки с одним и тем же вопросом: «Вы у себя?» Услышав подтверждение, незнакомый любопытствующий вешал трубку. Так повторялось десятки раз в сутки. Разносились слухи о том, что Лумумба бежал из Леопольдвилья, что он арестован, что объявился в Стэнливиле. Надо было опровергнуть вздорные вымыслы, выступить по радио: у Лумумбы больше не было никакой возможности общения с народом. Он снова направился в студию.

Именно тогда в Леопольдвиль прибыл господин Кордые: в секретариате ООН этот чиновник ведал всей перепиской, касающейся Республики Конго. Многие важные донесения знали лишь Кордые и генеральный секретарь. Деятельность Хаммаршельда и Банча была хорошо известна в Конго благодаря разоблачениям, сделанным Лумумбой, Гизенгой и другими конголезскими руководителями. Кордые был почти неизвестен в Леопольдвиле. Вольно или невольно Хаммаршельд и Банч совершали ошибки, но в силу своего высокого положения они публично отстаивали свои позиции, излагая их в официальных документах. С ними можно было не соглашаться, вступать в открытую полемику, поднимать общественность против их решений.

Кордые ускользал от взора наблюдателей: все внимание было сосредоточено на других, более важных персонах. Хаммаршельд и Банч временами проявляли колебания в проведении намеченного курса, который шел вразрез с интересами молодой африканской республики.

При оценке роли ООН и ее генерального секретаря в конголезских событиях нельзя, руководствуясь отдельными эпизодами, свидетельствующими о расхождениях с Лумумбой или примирениях с Чомбе. Действуя в Конго, Организация Объединенных Наций не стремилась и не должна была угождать какой-либо отдельно взятой стране. Известно, например, что на последующей стадии конголезского кризиса наиболее воинственную позицию заняло правительство Англии, стремясь сорвать военные операции ООН против сепаратистской Катанги. Фотография, запечатлевшая момент прибытия Хаммаршельда в Элизабетвиль, его теплая встреча с Моизом Чомбе, за спиной которого развевался флаг Катанги, обошла весь мир и для многих служила подтверждением «капитуляции» международной организации перед катангским президентом. Нельзя, однако, забывать, что генеральный секретарь вместе с семьей сотрудниками погиб при таинственных обстоятельствах в районе родезийского города Ндола в момент, когда войска ООН вели ожесточенные бои с катангской армией. Не исключена возможность, что самолет Хаммаршельда был сбит европейскими

наемниками, для которых ликвидация сепаратистской Катанги была равносильна гибели.

Эндрю Кордье находился в выгодном положении: он был вне фокуса! Время одиозных фигур прошло для Конго — теперь могли приступить к делам другие, малоизвестные, но не менее могущественные. К такому разряду и относился Кордье. Все его шаги в Леопольдвиле отличались профессиональной целеустремленностью. Он почти не появлялся на публике, предпочитая этому уединенные беседы с американским послом Тимберлейком, Касавубу и генералами из ооновской свиты. Кордье, как щитом африканского воина, прикрывал свои действия упоминавшейся нами статьей четвертой резолюции от 9 августа 1960 года: вооруженные силы Организации Объединенных Наций в Конго не будут участвовать в каком бы то ни было внутреннем конфликте конституционного или иного характера...

Посланник ООН договорился с генералом Александером о выделении в его личное распоряжение ганских войск, Согласие было дано. Кордье двинул ганцев к центральной радиостанции: Лумумба был лишен доступа в студию. Кордье учел ошибки своих предшественников, когда европейцы из ООН окружали себя европейскими солдатами, что или настораживало, или возмущало африканцев. В данном случае с винтовками стояли африканцы, да еще из дружественной страны!

Лумумба был изолирован: он оказался запертым в своем домике. Иностранные корреспонденты звонили к нему на квартиру и брали интервью. Радио Браззавиля передавало указы Жозефа Касавубу. В Элизабетвиле Моиз Чомбе, узнав о смещении Лумумбы с поста премьер-министра, призвал создать единый фронт против Лумумбы. Но старания президента Катанги были запоздалыми: этот фронт уже существовал в самом Леопольдвиле. Кордье со ссылкой на чрезвычайные обстоятельства закрыл аэропорты — на них могли приземляться только американские самолеты, находившиеся в распоряжении командования ООН. Жозеф Окито не мог вылететь в Москву и от имени Лумумбы проинформировать Советское правительство о происходящих событиях.

7 сентября конголезский парламент, собравшийся с большим трудом и начавший свою работу со значительным опозданием, ликвидировал указ президента о смещении Патриса Лумумбы. Одновременно парламент отметил, что премьер не может устранять с поста президента республики. Этот акт парламента внес некоторое успокоение — временное и шаткое. Не все в парламенте понимали, что главные события разворачиваются в других местах, что с мнением депутатов никто уже не считается.

12 сентября конголезские газеты опубликовали состав нового правительства. По поручению президента его сформировал Жозеф Илео. Сторонники Лумумбы не получили в нем ни одного поста. В тот же день Лумумба был арестован. Сохранился его собственный рассказ об этом приключении.

«Было три часа тридцать минут. Я находился в своей резиденции, где спокойно работал. В этот момент ко мне в комнату вошла группа солдат. У них имелся приказ о моем аресте, подписанный генеральным прокурором, бельгийцем по национальности. Меня арестовали. Я понял, что обманутые военные получили много денег, но я также знал, что конголезская армия оставалась верной моему правительству. Когда я спросил солдат о причине моего ареста, они ответили;

— Если вы сами не знаете, в чем вас обвиняют, тогда мы арестуем прокурора...

Я предложил солдатам направиться в лагерь Леопольда. Там нас окружили военные, которые, узнав, в чем дело, возмущались и выкрикивали: «Нужно арестовать Касавубу и генерального прокурора!» Я ответил, что этого делать не нужно; пусть делают ошибки другие, а мы будем поступать по закону, который на нашей стороне. Меня освободили. Обратно я ехал в открытой автомашине и обращался к публике с призывами к спокойствию. Я говорил, что меня освободила армия, что она с нами в эти тревожные дни. На пути меня повстречал генерал Мполо. Я попросил его установить связь с представителями ООН и дать мне возможность выступить по радио. Нас не подпустили к зданию радиостанции. Я ни разу не пробивался к радио силой. Но я мог бы взять с собой сто человек и захватить радиостанцию. В таком случае были бы жертвы. А я хочу избежать всякого кровопролития, всяких инцидентов. Если же я захочу войти в здание радио, то пусть все знают, что за исход я не буду нести никакой ответственности».

Этот рассказ передает настроение Патриса Лумумбы в тот момент. Он настолько кристально чисто верил в законную власть, что исключал всякую возможность подорвать ее незыблемые основы! История, происшедшая в солдатском лагере, убеждала его, что любые происки, направленные против него и его правительства, обречены на провал. Стоило ему объясниться с солдатами, и они не только освободили его, но и горячо приветствовали, скандируя: «Патрис! Свобода! Конго!» Он верил в добро, полагался на человеческие эмоции. Лумумба расценивал затею с правительством Илео как неумную: кто же в Конго пойдет за Илео?

Лумумба связался с Жозефом Касонго, с Виктором Лундула и

Морисом Мполо, с Антуаном Гизенгой и Жозефом Окито: все они были согласны с тем, что надо срочно собирать парламент. Как это сделать? Леопольдвиль лихорадило. Всем правил солдат, стоящий на улице и неизвестно кому подчиненный. Захочет — арестует или побьет, смилостивится — ограничится любой возможной взяткой или тумачами. Солдатское царство! Но появились уже офицеры из конголезцев, которые инспектировали посты и удалялись на бесконечные совещания за город, в район, известный под названием Бинза.

Там находился учебный лагерь конголезских солдат, военная тюрьма. Туда заглядывал и Эндрю Кордые. С «деликатными поручениями» прибывали офицеры командования ООН: они в спешном порядке готовили боеспособные части для полковника. В Бинзу направлялись люди, прошедшие специальную комиссию, которая занималась проверкой на лояльность: мерилom служили верность Баконго и президенту. Бинза имела своих постоянных посетителей: Нендака формировал органы безопасности. Жюстэн Бомбоко был непревзойденным мастером интриги.

Жан Боликанго отлично знал, что любое правительство после Лумумбы примет его в свои объятия. Охрана ООН беспрепятственно пропускала Боликанго в студию. Его молодчики развозили по городу листовки, содержащие угрозы по адресу тех, кто еще осмеливается поддерживать Лумумбу. Парламентариям давался совет — срочно отбыть в свои избирательные округа во избежание неминуемой расправы. И все же парламент был собран. Лумумба снова оказался перед знакомой аудиторией: заседание палаты представителей и сената было объединенным. Лумумба выступал несколько раз. На трибуну поднимались сторонники Касавубу. Но странно: у них не было аргументов, чтобы как-то оправдать действия своего покровителя. Когда зашла речь о желательности национального примирения, Лумумба сказал:

— Я был согласен примириться с Касавубу, но события этих дней показали, что он не желал этого примирения. У меня лично нет никаких претензий к Касавубу, мы даже не были политическими противниками. Однако Касавубу подписал мандат на арест премьер-министра, которого вы облекли законными полномочиями. По сведениям, которые мы получили, заговорщики намеревались убить меня после ареста...

Он стоял в светло-сером костюме, спокойный, ни разу не улыбнувшийся. Высшая государственная логика в сочетании с человеческой добротой покорили зал. Он не требовал всей полноты власти в стране, но парламент и сенат предоставили ему это исключительное право. Здесь же была назначена комиссия для достижения примирения

между Жозефом Касавубу и Патрисом Лумумбой. Она сразу же приступила к делу. Документ о примирении подписал Касавубу, Лумумба и члены комиссии.

Из Стэнливиля пришел свежий номер газеты «Ухуру». В передовой статье говорилось: «Наши дорогие братья! Это — голос огромной провинции, где Патрис Лумумба создал партию Национальное движение Конго, провинции, избиратели которой послали Патриса в парламент. Мы горды своим избранником, нашим лидером, лидером всего независимого Конго. Правительство Лумумбы не пошло по пути, уготованному колониальной Бельгией. Кто из вас не знает, что Патрис Лумумба первым высказался за независимость? Лумумба каждый раз разоблачал махинации бельгийцев и каждый раз выходил победителем. Слава Лумумбы — слава нового Конго. Она завоевана умом и беспримерным служением своей родине. Теперь все конголезцы должны принять самое активное участие в том национальном движении, которое возглавляет Лумумба. Мы призываем вас в этот кульминационный период выступить всеми силами за единство. История человечества оценит наши усилия. Пусть здравствует Лумумба!»

Лумумба имел все основания, чтобы заявить:

— Народ в провинциях на моей стороне и поддерживает мое правительство.

Бельгийский представитель в Элизабетвиле, миллионер в ранге посла, Ротшильд информировал свое правительство; «Последние события в Леопольдвиле были встречены в Элизабетвиле с большим облегчением. Смещение Лумумбы укрепило руководящую роль Чомбе как поборника государственного переустройства бывшего Бельгийского Конго на конфедеративных началах. Успех эксперимента с Катангой повлечет, видимо, за собой государственное переустройство Конго по элизабетвильскому образцу».

Гастон Эйскенс также не удержался от комментариев, заявив:

— Бельгия исполнена решимости защищать свои моральные и материальные интересы в Конго всеми средствами.

Моиз Чомбе выступил перед участниками военного парада в лагере «Массар».

— Мы будем сражаться до тех пор, — сказал он, — пока наша независимость не будет признана всем современным миром.

Американский посол Клэр Тимберлейк вручил Мобуту личное послание президента Эйзенхауэра: Соединенные Штаты дали согласие на присылку вооружения и военных специалистов.

Эндрю Кордые не проронил ни слова: он продолжал действовать тайно.

Все попытки генерала Лундулы перебросить в Леопольдвиль из провинции хотя бы две-три сотни солдат окончились неудачей: аэродромы охранялись, как и раньше, подразделениями ООН. У правительства Лумумбы не было в распоряжении ни единого самолета, ни одной автомашины. Лумумба большую часть времени проводил в своей вилле. Радиостанция оставалась для премьер-министра запретной зоной. Кордые собирался уезжать из Леопольдвилья. Говорят, что генеральный секретарь, узнав о похождениях Кордые в Леопольдвиле, пришел в ужас. Вскоре Кордые ушел из Организации Объединенных Наций. Колумбийский университет предоставил ему пост декана специальной школы по международным проблемам. Кордые согласился воспитывать американских дипломатов. Затем он стал президентом университета.

Лумумбе сообщили, что Касаубу отказался от договоренности, достигнутой примирительной комиссией. 14 сентября полковник Жозеф Мобуту впервые открыто выступил на конголезской политической арене. Вечером в холле отеля «Реджина» он организовал пресс-конференцию. Дюжина военных «джипов» с вооруженными солдатами остановилась около отеля. Держа стек, полковник начал речь:

— Преступные политиканы довели нашу страну до полного краха. Конголезская армия стоит выше любых политических группировок. Она намерена восстановить порядок в стране и нейтрализовать политиканов, соперничающих в борьбе за власть, заставить их уйти со сцены. Отныне Конго будет править совет политических комиссаров во главе с Жюстэном Бомбоко. На первом своем заседании, которое только что закончилось, совет принял решение о высылке из Леопольдвилья дипломатических представительств Советского Союза и Чехословакии.

Нахлынувшие в зал бельгийцы торжествовали: каждая фраза полковника вознаграждалась овациями. Наконец-то правительство ненавистного им Лумумбы устранено!

Из «Реджина» полковник со своей свитой помчался сразу на радио. Он заявил, что берет власть в свои руки, вводит «военный режим» в Конго, распускает парламент и «освобождает премьер-министра и главу государства от их обязанностей». Мобуту разъяснил: хотя президент Касаубу «нейтрализован», он все еще остается главой государства. На другой день президент заявил о себе: вместе с Жозефом Илео он подписал письмо, врученное советскому посольству, о разрыве дипломатических отношений.

15 сентября Патрис Лумумба распространил отпечатанный на машинке бюллетень, в котором говорилось: «Центральное правительство

Республики Конго доводит до сведения народа, что руководители вооруженных сил были подкуплены империалистами, чтобы совершить государственный переворот, направленный против законного и народного правительства. К счастью, эти маневры были пресечены действиями нашей национальной армии, солдаты которой выступили в защиту премьер-министра, чтобы предотвратить возможность любой империалистической агрессии. Народ, являющийся очевидцем этих маневров, имеющих целью поставить Конго, землю наших предков, под господство международной организации, и одновременно являющийся непоколебимым арбитром различных маневров некоторых конголезских руководителей, остается единственным судьей подобных действий этих нарушителей общественного спокойствия. Вам, народу, судить, поскольку правда в конце концов восторжествует».

Но эти призывы уже не доходили до народа: бюллетень законного правительства распространялся нелегальным путем. Было очевидно, что и правительство Жозефа Илео оказалось мертворожденным. Замысел «о студенческих комиссарах» также не был осуществлен. Леопольдвилем правила «группа Бинзы», которая подмяла все. Солдаты вылавливали сторонников Лумумбы, хватали и увозили членов центрального правительства в тюрьму Макала. Арестованы Финант и Камитату, Окито и Мпо-ло. 16 сентября снова задержали Лумумбу, 23 сентября бросили в заключение Антуана Гизенгу. Подвергся разгрому африканский квартал, где проживали выходцы из провинции Касаи.

Как-то вечером в домик на авеню Килькесе, где проживал Лумумба, пробрался Нестор Окито, девятнадцатилетний сын сенатора. Сам он не мог прийти — его выпустили из тюрьмы избитого. У Окито было девять человек детей. Нестор сообщил, что отец остается в Леопольдвиле один, а все они завтра уезжают в Стэнливиле.

— Папа просил передать, чтобы вы тоже отправили отсюда детей...

Лумумба переговорил с Полин. Через несколько минут она была в посольстве Объединенной Арабской Республики. Женщину с кошелками мобутовские солдаты, торчащие в садике особнячка и снаружи, пропускали беспрепятственно. Супруга египетского дипломата госпожа Абдель Азиз Исхак села в машину и выехала с Полин. Она взяла Франсуа, Патриса и Жюлиану и вскоре вылетела с ними в Каир. Роланд остался с родителями. У него кровоточил шрам на голове: когда арестовывали Лумумбу, солдат ударил его прикладом... А малышка росла болезненным ребенком. Врачи посоветовали отправить ее на лечение в Европу. Дипломаты из дружественных стран помогли Полин вылететь в Женеву. Там ребенок

умер. Полин ходила по транспортным компаниям, стараясь отправить гробик с телом на родину. Отказ следовал за отказом. Предлагали похоронить ребенка в Женеве. Но обычай требовал, чтобы покойник сошел в землю родины: Полин не могла отступить от него. Она направилась в отделение Организации Объединенных Наций, где ей тоже отказали в помощи, сославшись на то, что это будет истолковано как вмешательство международной организации во внутренние дела Конго...

Все-таки она пристроила гробик в самолет, который должен был отправиться в Африку. Потом, когда она была уже в Леопольдвиле, до нее дошло известие, что гробик затерялся в дороге...

Домашний арест. Режим, не уступающий тюремному. Телефон премьер-министра был соединен только с ведомством Нендака. Услужливые садисты время от времени звонили и сообщали: снова арестован Окито, пропал без вести Гизенга. Лумумба обратился к командованию ООН с просьбой предоставить ему политическое убежище. Нет, нельзя этого сделать — ООН, как уже не раз объявлялось, не вмешивается во внутренние конфликты! И все же какой-то компромисс в пользу Лумумбы был достигнут: его домик стали охранять ганские и гвинейские солдаты. На несколько минут они пропустили Гизенгу, которого мобутовцы не могли отыскать и считали пропавшим без вести.

— Поезжайте в Стэнливиле, Антуан, — сказал ему Лумумба. — Немедленно покидайте эту ловушку. В Леопольдвиле мы уже ничего не сможем предпринять. Выбирайтесь, пока не поздно. Свяжитесь с Кашамурой — я советую ему отправиться в Киву. Придется все начинать сначала...

— Я согласен, Патрис, — ответил Гизенга. — Но я бы предложил несколько другой вариант. Что, если я выеду на родину, в Квилу? Там меня поддержат...

— Тогда мы распылим свои силы. Главной базой в борьбе за единое Конго должен стать Стэнливиле. Там находится военный гарнизон. Туда стекаются все недовольные нынешним режимом. Именно оттуда должно начаться наступление. Не сомневаюсь, что Квилу и другие районы присоединятся к нам потом.

Гизенга предложил Полин отправиться вместе с ним, но она отказалась. В октябре радио Леопольдвиле передало сообщение, что Антуан Гизенга скрылся из Леопольдвиле. На этот раз мобутовцы говорили правду: Гизенга уже находился в Стэнливиле.

В ноябре Патрис Лумумба переправляет письмо на имя председателя Генеральной Ассамблеи ООН. В нем он пишет;

«Политический кризис, развязанный главой государства 5 сентября 1960 года и продолжающийся до сих пор, угрожает привести Конго к полному развалу. Анархия и диктатура пришли на смену демократическому режиму, принятому конголезским народом 30 июня 1960 года. Незначительное меньшинство, консультируемое и финансируемое некоторыми иностранными державами, день и ночь проводит подрывную кампанию. Столица республики превратилась в настоящий сумасшедший дом, где горстка наемников непрерывно нарушает закон и порядок. Население Леопольдвилля живет в царстве террора. И днем и ночью производятся повальные аресты, за которыми следует высылка. Значительное число людей пропадает без вести. Люди, совершенно лишенные моральных устоев и патриотического чувства, которые заявляют, что они находятся на службе господина Касавубу, почти ежедневно совершают убийства, грабежи и насилия...»

Лумумба осудил провокационную позицию Соединенных Штатов. Он предлагал провести «народный референдум»... под наблюдением комиссии Организации Объединенных Наций. Ответа не последовало. 21 ноября солдаты Бинзы атаковали резиденцию ганских дипломатов в Леопольдвиле. На другой день Генеральная Ассамблея признала «полномочия» президента Касавубу.

Об ошибках размышлял и Лумумба. Вот Касавубу скрипучим голоском читает текст присяги: «Я клянусь соблюдать законы конголезской нации и поддерживать национальную независимость и целостность территории Конго». Он всегда зачитывал заранее подготовленные бумажки. Лумумба знал о тайных связях Касавубу с Юлу: в Браззавиле у «короля Каса» имелся свой особняк, где он проводил время, «отдыхая от политики и семьи». Два президента быстро уладили возникший было конфликт: сразу же после провозглашения независимости Конго со столицей в Леопольдвиле Юлу прислал ноту протеста, в которой просил изменить название Республика Конго, так как такая уже существует на правом берегу реки! Радио Браззавиля постоянно распространяло грязные вымыслы о Лумумбе: оно ни одного плохого слова не сказало о Касавубу. В последней передаче говорилось, что Лумумба получил новые миллионы «от коммунистических стран», а у него не было ни франка в кармане. Только сейчас, когда Полин подошла к нему и сообщила, что не на что купить дешевенькую чиквангу на обед, он вспомнил, что ни разу не получал положенное премьер-министру жалование...

Касавубу отказался принять участие в panaфриканской конференции. Но что мог сделать Лумумба? Разоблачать? Но это бы означало раскол,

взрыв изнутри, которого только и ждали бельгийцы. Президент принадлежал к другой политической партии, и ему логикой вещей было положено иметь иные взгляды и оценки на все происходящее в Конго. Вступив в союз с АБАКО, Лумумба понимал, что эта улитка присосалась к Нижнему Конго и неохотно взирает на все то, что простирается за этим районом. Но некоторые лица из Бинзы состояли в партии Лумумбы, как и Виктор Нендака! Оба они заискивали перед Лумумбой, а на заседаниях руководящего комитета Национальное движение Конго обрушивались на Касавубу так, что Лумумбе приходилось вмешиваться и сдерживать их пыл. Как же они сговорились, на чем сошлись? Что остается от идейной убежденности? Они более жалки, чем Жюстэн Бомбоко: тот законченный хамелеон, он за один день способен перекраситься сто раз. Более переживать измену людей, на которых возлагал надежды...

Да, да, а потом руководители Бинзы познакомились с господином Кордые, который и помог совершить переворот, равный военному мятежу, отличающийся от последнего только тем, что был подготовлен в апартаментах шестого этажа отеля «Ройял», где размещен штаб «голубых касок». Бинза предъявила командованию ООН ультиматум, потребовав вывода войск ООН из военного лагеря в Леопольдвиле, доступа к военным арсеналам, введения полного контроля над аэродромами. И ООН с помощью Эндрю Кордые потеснилось, уступило. Войска Биизы получили все необходимое для установления контроля прежде всего в столице, что имело решающее значение в низвержении центрального правительства.

В октябре глава государства подписал «Конституционный декрет-закон», которым предусматривалось (задним числом!) создание «коллегии генеральных комиссаров». В этом курьезном документе Касавубу предоставил сам себе право назначать и увольнять «генеральных комиссаров» и их заместителей, а функции конголезского парламента передал мобутовско-бомбоковской коллегии! Исполнительной властью премьер-министра согласно новому «декрет-закону» будет обладать председатель коллегии. Так Касавубу «подтягивал» конституцию под новый военный режим.

Солдатский переворот вовремя остановился — и в заданной точке.

Можно было поступить более сурово с Касавубу, Бомбоко и другими. Но тогда правительство распалось бы еще раньше, что послужило бы доказательством правоты теории о «неспособности» африканцев управлять доверенным им государством. Ставить на ключевые посты своих касайцев? Тогда вступили бы в силу обвинения в том, что Лумумба насаждает власть своего племени, обвинение, которое и без того сопровождало всю его

деятельность на посту премьер-министра.

Он рассчитывал на эффективную помощь независимых африканских стран. Лумумба продолжал получать послания от президента Ганы Кваме Нкрума. Моральная поддержка обеспечена. Но девяносто девять процентов конголезцев, услышав это выражение, спрашивают: «А что это такое?» Ганские войска втиснуты в железные рамки командования ООН. В чем-то они помогли и продолжают оказывать помощь, спасая иногда сторонников Лумумбы от расправы. Габриэля Юмба, которого преследовали солдаты полковника Мобуту, упрятал в шкаф ганский офицер и спас его от неминуемой расправы. Ганский солдат, из числа охраняющих особняк Лумумбы, в нарушение строгих предписаний не вступать в контакты с Лумумбой сам вызвался сбегать в магазин и принес больному Роланду сладости. В таком положении участие особенно трогало. А генерал у ганцев английский...

Кто-то из иностранных корреспондентов пробрался в «Сюртэ националь», в управление службы безопасности, и оттуда позвонил Лумумбе.

— Передайте всему миру, — отчеканил обрадовавшийся Лумумба, — что я никогда и ни перед кем не капитулирую. Если я потерплю поражение в парламенте, что я почти исключаю, я создам оппозицию и через некоторое время свергну любое правительство, которое сколотит Касавубу. Теперь я не буду заниматься подсчетом голосов избирателей: у меня было достаточно времени, чтобы их взвесить на весах?тих ужасных событий...

26 ноября к Лумумбе пришел Бернард Мунгу Дьяка, работавший у него начальником канцелярии. Они о чем-то совещались. Полин услышала одну фразу мужа: «Больше ждать нельзя».

А потом он читал строки из обожаемого им «Юлия Цезаря»:

*Трус много раз до смерти умирает,
Храбрец вкушает лишь однажды смерть.
Из всех чудес, известных мне, считаю
Я самым странным страх людей,
Ведь знают же конец необходимый
Придет в свой час.*

Он перевел эти строки на суахили и лингала. Они были его строками. Их понимал каждый конголезец, которому с детства внушали если не

пренебрежение, то равнодушие к смертельной угрозе. Африканцу не занимать мужества: оно всегда при нем, и как раз столько, сколько нужно, чтобы в опасную минуту, не раздумывая, броситься на помощь ребенку, женщине, старику — своим или чужим, африканским или европейским. С конголезцем можно идти на любое самое отчаянное предприятие. И он не подведет. «С ним можно спать на спине крокодила», — говорят в Конго о храбрости из храбрых.

Камо грядеши?

Тихо ворчал ливень, вбирая в себя ночные шумы, растворяя их в потоке воды и навязывая свой неторопливый говор ноябрьской африканской ночи. Текло с крыши, с деревьев, со всего невидимого неба. В Нижнем Конго установился сезон дождей: он начался с середины октября и продлится до апреля. Леопольдвиль залит водой. А там, в Стэнливиле, дожди перестали выпадать в октябре — с ноября и по конец марта в этой приэкваториальной зоне стоит большой сухой сезон. Одна страна, а климат такой разный, не поддающийся обобщению. Здесь, в Леопольдвиле, сейчас так необходим дождь! Особенно его жаждут в домике Патриса Лумумбы, воспринимая щедрый поток струй как дар божий. Да еще ночью!

Машина остановилась с погашенными фарами. Из нее вышли Бернард Дьяка и Жак Лумбала, государственный министр ныне уже не существующего правительства. В плащах, оба под зонтом: так они и вкатились к Лумумбе. Их ждали. В особняке знали, кто и когда придет. Все было готово. Полин стояла с Роландом в руках. Никто не проронил ни слова. Тишина ливня. Темень ночи. Лампочку, освещавшую крыльцо, выкрутили еще вечером. Охраны не было на постах: солдаты ушли спать в сарай, что в углу сада, за особняком.

Лумумба, день за днем, неделя за неделей наблюдавший за стражниками, знал их всех до единого.

Вот эти ребята, одетые в военную форму, в первые дни представлялись ему сущими церберами. Командовал ими молодой лейтенант. В доме Лумумбы даже дети знали, что никто не должен заходить к ним, никто из семьи не должен отлучаться в город. Лумумбе запрещено было появляться на крыльце. Гулять в садике дети могли только по разрешению начальника караула. Полин не пускали на рынок: пищу привозили на «джипе». На низкой цементной ограде, окружавшей особняк, стояли два пулемета. Ночами во двор влетали военные машины — это заявляли о своем неусыпном бдении патрули, контролирующие охрану столь важного объекта. Горели прожекторы, и был виден каждый листик каждого дерева и кустика.

Затем начались послабления — не по команде сверху, а так, само собой. У солдат появилась какая-то показная суета. Когда навевывалась инспекция, они демонстрировали свою боевую готовность, замирая на постах, чеканя ответы, из которых можно было понять, что на посту все в

полном порядке и здесь не может произойти никаких отклонений от жестких норм. Начальство отбывало, а солдаты направлялись в сарай, где можно было покурить, побеседовать, почитать газету, вздремнуть.

Первый прорыв в город совершила Полин. Перед старшим охранником стояла женщина с пустой кошелкой. Она говорила, что слег в постель малыш. Ему нужны лекарства, хорошая пища, а в доме нет ни того, ни другого. Есть ли у лейтенанта дети? Оказалось, что есть...

Через час Полин возвратилась с полной кошелкой. Лумумба узнал от нее все городские новости. Потом в особняк стали впускать и родственников. Лумумба восстанавливал контакты со своими единомышленниками.

Полин с ребенком села к шоферу, а на заднем сиденье устроился Лумумба рядом с поджидавшим в машине Джорджем Гренфелом. Бернارد с Жаком скрылись в темноте. Машина тронулась. Вначале медленно — ехали без света, а потом выскочили на широкий проспект Альберта, шофер включил фары, и машина, жадно набирая скорость, рванулась по пустынному городу к его окраине.

Пассажиры молчали. Это ночное бегство — не признак трусости, а проявление мужества. Поединок. Вызов, брошенный смелыми, отважными людьми, спаянными идейной общностью. Нужен простор, свобода, трибуна — и они повернут Конго: сейчас это сделать легче, расстановка политических сил предельно ясна.

— Касангулу, — произнес шофер первое слово за всю дорогу.

Густо населенное Баконго рассыпало такие небольшие городишки вдоль железной дороги на Матади, самой оживленной в стране. Все они похожи друг на друга внешним обликом и внутренним содержанием. Одна или две миссии с некоторыми вариантами в названиях: протестантская миссия «Армии спасения», миссия отцов иезуитов, францисканских сестер Марии, братьев-маристов, матронских католиков, шётских отцов, католическая миссия отцов редемптористов... Тесно в Конго от пророков!

В Кизанту — развилка: машина повернула влево — на Лемфу, Нгидонга, Кимвула. По правую сторону — широкое асфальтированное шоссе на Матади. На днях по радио объявили, что опять начала работать океанская линия Матади — Антверпен и пять пароходов компании готовы к услугам пассажиров с любым количеством груза. Пять пароходов — «Леопольдвиль», «Альбертвиль», «Элизабетвиль», «Бодуэнвиль», «Шарлевиль». Все, как было раньше, до независимости... Как вот на этой ангольской земле: дорога шла здесь почти параллельно пограничной линии с Анголой, население которой, поработанное Португалией, ожидало

братской помощи от конголезцев. Теперь им не до Анголы: все силы уходят на междоусобицу. Не Конго помогает ангольцам, а Португалия через Анголу оказывает колониальные услуги Бельгии. Связи колонизаторов оказались опять сильнее декларируемой африканской солидарности...

Дождь слабел, время шло к утру, хотя было темным-темно. Странно, что хотелось оттянуть наступление рассвета. Вот так бы и проскочить в ливне, в тумане и слякоти до самого Стэнливиля! Если бы ночь и дождь сжали огромное расстояние между отчаянием и надеждой! На какой-то срок Леопольдвиль и Стэнливиль превратятся в политические антиподы: так диктует обстановка. Но Стэнливиль никогда не обособится подобно Катанге, не сбросит с себя общенациональную ношу. Он станет временным центром борьбы за единое Конго, за очищение страны от чудовищного альянса колонизаторов с африканскими лидерами. Только Стэнливилю по плечу такая задача. Восточная провинция занимает по численности населения второе место после столичной: два с половиной миллиона! Девяносто процентов избирателей проголосовало за Национальное движение Конго! Там во главе гарнизона генерал Виктор Лундула. Там уже находится Антуан Гизенга, многие сенаторы и парламентарии. Туда, только туда!

Остановка. Что случилось? Ничего особенного: начинались паромные переправы через реки. Сейчас они въедут на паром и через каких-то полчаса будут на той стороне Кванго. Все обошлось благополучно: никто не спросил документов. Уплатили деньги за машину и за людей и, не выходя из машины, пересекли реку. От местечка Попакабака дорога повернула на север. Городишко Кенге на берегу реки Вамба — снова паром. Паромы через Инзиа, Луие, Лукула. Половина времени уходит на переправы. В Киквите — опять паром через Квилу. Какими широкими кажутся эти реки! И как их много! Все текут на север — к Конго.

В Киквите, административном центре района Квилу, остановились, вышли из машины. На полотне дороги стоял человек и махал рукой: Пьер Мулеле! Рядом с ним находился Реми Мвамба, министр юстиции. Несколько фраз, радостных и деловых, — и снова в путь. Надо проскочить реку Касаи, через которую тоже паром, до наступления ночи. Машина Мулеле шла впереди. К вечеру они были в местечке Брабанта, расположенном на берегу Касаи. Кинулись к реке: парома нет. Он на той стороне. Паромщики закончили работу. Первый рейс парома — завтра утром. Начались поиски лодок. Ночью Лумумба обсудил создавшееся положение с товарищами. Как миновать Порт-Франки, где рыскают солдаты Бинзы? Да, в Леопольдвиле сразу же узнали о бегстве премьер-

министра. Во все концы посланы полицейские части. Вылетели самолеты, а в Порт-Франки есть аэропорт. Решили сейчас же отправить машины с шоферами и Полин в Порт-Франки — на них никто не обратит внимания. В город они не должны въезжать, а остановиться на берегу Касаи и ждать.

Лодку нашли глубокой ночью и сразу же поплыли на ней в направлении Порт-Франки, куда добрались утром. Машины поджидали в условленном месте Лумумбу с его спутниками. Еще удача! Порт-Франки остался позади. Машины въехали в районный центр Мвека, находящийся на дороге, ведущей в Лулуабург. Лумумба призадумался: может быть, направиться в Лулуабург, где они будут через несколько часов? Машины остановились по его просьбе около ресторанчика. Зашли пообедать. Лумумба заказал разговор с Лулуабургом.

Его сразу же узнали посетители дешевого ресторанчика при дороге. Началась беготня. Жители, руководствуясь самыми благими намерениями, спешили поделиться новостью со всеми встречными — в Мвека прибыл Лумумба! Собралась толпа. Лумумба вышел из зала и окунулся в знакомую ему атмосферу африканского митинга.

Лумумба произнес краткую речь: в Мвека он впервые заговорил о предателях-африканцах.

Лулуабург почему-то не отвечал. На Стэнливиле, конечно на Стэнливиле! Часов в десять вечера были на левом берегу Санкуру, где тоже паромная переправа. Но зато это последний серьезный водный рубеж на пути к Стэнливилю. Если ничто не задержит, то завтра — завтра! — они придут в столицу Восточной провинции.

Берега различных рек отвечали одинаково: паром на той стороне! Поблизости не было даже лодки. В зарослях отыскивали старую пирогу. Нашел ее Матиас, депутат парламента от Санкуру, который присоединился к Лумумбе в Мвека. В пирогу сели трое — Лумумба, Матиас и Мулеле. Остальные остались на левом берегу. Высадившись на правом берегу, Матиас скрылся в кустах и стал разыскивать паромщиков. Пропадал он долго, но вернулся с несколькими заспанными конголезцами. Теперь у них был моторист дизеля! Скорее, скорее!.. Загрохотал потрепанный двигатель, по волнам реки заиграл прожектор — паром направился на ту сторону, чтобы забрать Полин, Роланда, сенатора Гренфела и других.

Прошло не меньше часа. Группа Лумумбы ожидала на правом берегу. Наконец показался паром. Лумумба бросился встречать жену, вскочив на паром. На него набросились солдаты...

Старший из них заорал:

— Приказываю отправиться сейчас же на ту сторону! Если вы не

поедете, то ваша жена и сын будут расстреляны немедленно. Они схвачены на том берегу. При попытке к бегству будете расстреляны.

Руки связали. словно не доверяя веревкам, человек шесть солдат ухватились за Лумумбу и дер; шли его. На берегу билась его жена. Плакал Роланд. Гудели моторы военных «джипов». Суетились солдаты. Лумумбу втокнули в кузов машины и повезли в Мвека. Раза два или три он пытался вступить в разговор с солдатами и — бесполезно: у них все выливалось в действия прикладом.

В Мвеку прибыли новые подкрепления солдат из Леопольдвилья. Здесь же были размещены подразделения ооновцев, в которые входили и ганские. На городской площади остановились все «джипы»: офицер побежал к телефону, чтобы связаться с Порт-Франки. Да, там знают и ждут: Лумумбу доставить прямо на аэродром, где готов самолет. Здесь впервые солдат из Бинзы ударил премьер-министра и сбил его, когда Лумумба хотел что-то крикнуть толпе из кузова через окно в брезенте. К солдату присоединился второй, третий... Скрученный, он распластался у ног карателей. Так не поступали даже колонизаторы. Толпа, лишь несколько часов назад бурлившая приветствиями, теперь сникла и молча взирала на происходящее. Любопытствовали офицеры из войск ООН, стоя поодаль, не приближаясь к машине, где озверевшие бандиты били прикладами, топтали ногами пойманного «государственного преступника»...

Кое-что сделали ганцы: один из офицеров помог скрыться Пьеру Мулеле, которому Лумумба передал документы для Ангуала Гизенги. Он посадил Мулеле в свою машину и вывез его за город. Мулеле направился в Стэнливилль. Ганские солдаты взяли на свое попечение Полин и Роланда. Но все это не помешало президенту Ганы сказать суровые слова: «В настоящее время ганские войска применяются исключительно в качестве орудия против Патриса Лумумбы». Точно так можно с полным основанием охарактеризовать и все действия 20-тысячной армии Организации Объединенных Наций в Конго.

И началось скитание Патриса Лумумбы по тюремному этапу. 2 декабря, во второй половине дня самолет из Порт-Франки приземлился в столичном аэропорту. Совет Безопасности получил от генерального секретаря ООН следующую информацию: «Когда Лумумба вышел из самолета на аэродроме Нджилли, то, по сообщениям наблюдателей Организации Объединенных Наций, на нем не было его очков и он был одет в грязную рубаху, его волосы были растрепаны, на его щеке был кровоподтек, и его руки были связаны за спиной. Его грубо втокнули ударами приклада в грузовик и увезли. Он был помещен на ночь в лагерь

Бинза. На следующее утро, 3 декабря, он был доставлен под сильным конвоем бронированных автомашин и хорошо вооруженных конголезских солдат в автомашинах в Тисвиль. Его отъезд видели сотрудники международной прессы, которые сообщают, что господин Лумумба с трудом дошел до грузовика. Он был в растерзанном виде, и на его лице были следы побоев. Войска Организации Объединенных Наций в Тисвиле сообщили, что господин Лумумба находится под арестом в лагере Гарди. По сведениям, он страдает от серьезных ранений, которые получил до своего прибытия. Его голова была обрита, и руки оставались связанными. Его держат в подвале в условиях, которые называют нечеловеческими в смысле санитарии и гигиены».

ООН смирилась с ролью бесстрастного наблюдателя. Совет Безопасности, уже принявший немало резолюций и решений по Конго, был завален новыми проектами. В международную организацию направляли письма главы государств и правительств, заинтересованные в ликвидации конголезского кризиса. На обсуждение Совета Безопасности выносилось предложение с требованием освободить Патриса Лумумбу, разоружить с помощью командования ООН войска, сколоченные группировкой Бинза, созвать парламент республики и восстановить в стране порядок. Ряд стран настаивал на смещении Дага Хаммаршельда. «Последние события в Конго, — писала в те тревожные дни газета «Гана тайме», — показали истинное лицо генерального секретаря Организации Объединенных Наций Дага Хаммаршельда. Если бы он в самом начале конголезского кризиса выполнял распоряжения Совета Безопасности, сейчас в Конго был бы мир. Хаммаршельд позволил, чтобы его использовали в качестве агента империализма. Он помог узурпаторам и отбросил в сторону закон, правительство и его главу Патриса Лумумбу. Если Хаммаршельд предпочитает молчать, в то время когда головорезы держат Лумумбу в тюрьме и истязают его, то лучше ему немедленно уйти...»

Однако теперь уже вряд ли что могло спасти положение и вывести Конго из империалистической игры. События вырвались из-под контроля и обрушились на страну с еще большей, небывалой дотоле жестокостью. Леопольдвиль превратился в город с перепуганными насмерть жителями. Сформированные конголезские «командос» наводили ужас на население. Существовало и действовало одно ведомство, узурпировавшее функции всего государственного аппарата республики, — Бинза. Парламент закрыт, министерства на замке, премьер-министр заточен, его сторонники преследуются, подвергаются истязаниям...

Солдат Бинзы наводил ужас: от него шарахались в стороны. Он мог

войти в магазин, забрать всю денежную выручку и удалиться. Совершались ночные облавы. Жителей толкали в грузовики и отправляли в неизвестном направлении. Иностранным корреспондентам было опасно появляться на центральном телеграфе, который был оцеплен солдатами полковника. Задержат, отберут деньги, выхватят и порвут заготовленный текст статьи, размолят о стенку фотоаппарат, наподдадут прикладом и вытолкнут вон.

Жаловаться некому, взывать к порядку бесполезно. Бояться этой оравы — недостойно, унижительно. Пересидев день-другой, корреспондент снова направляется на телеграф, без которого он не может обойтись, выполняя редакционные задания, руководствуясь интересами своих читателей, ожидающих свежих сообщений из Конго. Снова придирки, а то и предварительное заключение...

Группа Бинзы повела наступление против дипломатических представительств тех стран, которые продолжали признавать законным правительство Патриса Лумумбы, игнорируя Илео, комиссаров и других калифов на час. В ганское посольство явился некто «полковник» Кокколо, назначенный начальником штаба Бинзы. Он заявил, что ганское посольство удаляется из Леопольдвилья. Около резиденции стояли военные грузовики с солдатами. Ганский представитель вызвал тунисские войска, входившие в ооновское командование. При их приближении мобутовцы открыли огонь. Сам Кокколо прорвался на территорию посольства, где был убит. Подкрепления прибывали с обеих сторон. Перестрелка продолжалась всю ночь. После этого дипломатические работники Ганы покинули Леопольдвиль. Касавубу направил в ООН «жалобу» на посольство Объединенной Арабской Республики. Бинза установила охрану вокруг посольства Гвинеи.

На другой день после ареста Лумумбы в Мвека, где он был схвачен, прибыли карательные отряды, Начались дознания: кто встречал премьер-министра, кто его приветствовал, кто оказывал помощь, и т. д. На площади производились расстрелы. Население бежало в леса. Целые большие округа были охвачены повстанческим движением. Военные действия происходили в Касаи и Катанге, где северная часть провинции никогда не контролировалась полностью администрацией Чомбе. Дороги Касаи заполнили беженцы — балуба десятками тысяч переходили в новые районы, где их вновь и вновь настигали каратели. Разгон центрального правительства вызвал новый сильный взрыв трибализма. Страна разделилась на несколько враждующих лагерей. Имя Лумумбы прочертило извилистые границы по просторам Конго; собирали силы его сторонники, на их подавление бросались противники премьер-министра.

Кроме замаскированных, у Патриса Лумумбы было вполне достаточно и открытых врагов, которые публично заявляли о том, что глава конголезского правительства «должен исчезнуть». Так говорил конголезец Мунонго, такового исхода жаждали видеть европейские поселенцы в Конго. «Я христианин, — выворачивал свою душонку один из них, — но, как это ни печально, я должен признать: необходимо, чтобы этот человек исчез». Газета «Вашингтон пост энд тайме геральд» позорно прославила себя высказыванием, достойным фашистского листка: «Освобождение Лумумбы создаст очевидный риск для западных держав». В статье «Практичные люди» газета «Нью-Йорк пост» писала: «Единственный реальный выход, — сказал тихий американец другим американцам в гостинной после обеда, — это убрать Лумумбу с дороги. Так мы покончим с проблемой».

Альбер Калонжи прислал телеграмму леопольдвильским властям и предложил, чтобы арестованный премьер-министр был доставлен в Баквангу, столицу «алмазной республики», где он полновластный хозяин и знает, как поступить с Лумумбой.

Но узник оставался в Тисвиле. Он сам поведал об условиях заключения: из тюрьмы Лумумбе удалось передать письмо на имя специального представителя ООН в Конго индийца Раджешвара Дайяла. Он писал:

«Господин специальный представитель!

Я с удовлетворением отмечаю нанесенный 27 декабря прошлого года визит Красного Креста, который занялся моей судьбой, а также судьбой других парламентариев, которые находятся вместе со мной в тюрьме. Я рассказал о нечеловеческих условиях, в которых мы живем.

Вкратце наше положение таково: я нахожусь здесь вместе с семьей другими парламентариями. Среди них председатель сената Окито, служащий сената и шофер. Таким образом, всего нас десять человек. Нас заперли в сырых камерах со 2 декабря 1960 года. Ни разу нам не позволили выйти. Обед, который нам приносят два раза в день, очень плохой. В течение трех-четырех дней я вообще ничего не ел, удовлетворяясь только бананом. Я поставил в известность об этом врача из Красного Креста, которого ко мне направили. Я сделал это в присутствии полковника из Тисвиля. Я потребовал, чтобы мне купили на мои деньги фруктов, так как та пища, которую мне здесь дают, плохая. И хотя врач дал на это разрешение, военные власти, охраняющие меня, отказали в этом. Они сказали, что исполняют приказ, полученный от главы государства. Врач из Тисвиля предписал мне небольшую прогулку каждый вечер, с тем чтобы я

мог хотя бы ненадолго выходить из камеры. Но полковник и районный комиссар отказывают мне в этом. Одежда, которую я ношу, не стиралась в течение тридцати пяти дней. Мне запрещают носить обувь.

Одним словом, мы живем в совершенно неприемлемых условиях, противоречащих всяческим правилам.

Более того, я не получаю вестей от моей жены, и я даже не знаю, где она находится. Я должен был бы регулярно видеть ее здесь, как это предусмотрено тюремным режимом Конго. С другой стороны, тюремные процедуры, действующие в Конго, ясно предусматривают, что заключенный должен предстать перед следователем, который занимается его делом, самое позднее на следующий день после его ареста. Спустя пять дней после этого заключенный должен снова предстать перед судьей, который должен решить, следует ли продлить предварительный арест или нет. Во всяком случае, у заключенного должен быть адвокат.

Закон о преступниках предполагает, что лицо, находящееся под арестом, освобождается из тюрьмы, если спустя пять дней после заключения судья не принимает решения о продлении предварительного заключения. То же самое происходит в тех случаях, когда первое решение, то есть решение, принятое спустя пять дней после ареста, не подтверждается после 15-дневного срока. С момента нашего ареста 1 декабря и до сих пор нас ни разу не вызывали к судье и ни разу судья не посетил нас. Нам не был предъявлен ордер на арест. Нас держат просто-напросто в военном лагере, в котором мы заключены в течение тридцати четырех дней. Мы находимся в камерах, предназначенных для провинившихся военных.

Закон о тюремном содержании не соблюдается. Не соблюдается также и тюремный режим. В данном случае речь идет о чисто произвольном заключении. Здесь же нужно добавить, что мы пользуемся парламентской неприкосновенностью.

Таково положение, и я прошу Вас сообщить о нем Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, которую мы благодарим за вмешательство в нашу пользу.

Как можно установить мир и порядок в Конго, если уже в самом начале не соблюдают ни законность, ни человеческое достоинство, ни каждую жизнь, в отдельности? До тех пор, пока мы не предстанем перед законно созданным судом, мы лишены прав, которыми располагает каждый гражданин, защищая самого себя перед судом страны.

Я остаюсь спокойным и надеюсь, что Объединенные Нации помогут нам выйти из этого положения.

Я за примирение между всеми детьми этой страны.

Я пишу Вам это письмо тайно на плохой бумаге.

Патрис Лумумба.

4 января 1961 года».

Это письмо — самое достоверное свидетельство о положении заключенных в военной тюрьме Тисвиля: пока что оно и единственное. С Тисвиля начинаются непролазные джунгли вымыслов и домыслов. Путь для исследователя, занимающегося этим последним кратким отрезком времени в жизни Патриса Лумумбы, предельно усложняется, и он, как утомленный путник, оказавшийся на заходе солнца перед новым препятствием, располагаясь на отдых, предаваясь размышлениям о предстоящей назавтра дороге...

Мужество Лумумбы никогда не было показным. Он не афишировал жертвенность, хотя вся его политическая деятельность предельно насыщена драматическими, захватывающими моментами. Его многократно арестовывали — и до и после провозглашения независимости. Можно сказать, что он с юности знаком с наручниками, нравами конвойных, тюремной атмосферой. И все же привыкнуть к арестам нельзя! Особенно к этому, последнему: несравнимы переживания, различна степень протеста. Раньше Лумумба находился в заключении как руководитель политической партии, бросившей вызов всему колониальному режиму. Тюрьма для таких, как Лумумба, была логическим следствием иностранного господства. Сейчас на него обрушилась неимоверная моральная тяжесть: в застенках томился не лидер партии, а премьер-министр! Но разве все его единомышленники заточены в казематы? Не может быть, чтобы оставшиеся на свободе сложили руки, примирились с уродливой действительностью и не пытались вернуть Конго на путь свободы и независимости!

Временами его одолевало щемящее чувство утраты: еще до ареста он замечал, что круг его сподвижников сужался по мере возрастания трудностей. Наступало глубокое разочарование. Лумумба ударялся в крайности. На одной из пресс-конференций, проведенных незадолго перед арестом, он в запальчивости бросил отрывистые фразы о том, что в случае крайней необходимости призовет народ уйти в... джунгли! Там конголезцы будут жить по законам первобытного общества. Логика отчаяния гласила: африканец проживет и в лесу, а европеец, привыкший к городской роскоши, не сможет просуществовать без армии слуг...

Потом снова наступало просветление. Лумумба заблуждающийся опять становился Лумумбой с ясно выраженным политическим кредо: он

говорил о жизненной необходимости тесного союза не только Конго, но и всех без исключения независимых стран Африки с демократическими, антиколониальными, антиимпериалистическими силами Европы и Америки, с социалистическими государствами...

Перенесемся мысленно в ту конголезскую действительность. В объеме всей страны реальной властью не обладал никто — ни бельгийцы, ни командование ООН, ни сами конголезцы. Чомбе держался в Элизабетвиле, а за городом орудовали наемники, помогавшие ему уничтожать сторонников Лумумбы. Дворец Альбера Калонжи в БакВанге охранялся тоже европейскими ландскнехтами и его собственной гвардией. За Баквангой проходил невидимый, но постоянно действующий фронт борьбы. На юго-восток от Леопольдвилья, где всегда были прочны позиции Антуана Гизенги и Пьера Мулеле, целые районы находились на осадном положении. Разношерстный клубок правителей, включающий Касавубу, Илео и группировку Бинза, находился во враждебных отношениях со Стэнливилем, Букаву и Лулуабургом, центрами крупнейших провинций.

Далеко не все города даже Нижнего Конго контролировались Леопольдвилем. Порт Матади, например, с самого начала вторжения бельгийских парашютистов относился к числу наиболее беспокойных городов, куда не рисковали заглядывать без специального конвоя военные чины. Опорными пунктами Бинзы служили военные лагеря в Нижнем Конго. В Тисвиле, где находился штаб бывшего командующего «Форс публик», сосредоточилась значительная часть конголезских войск, намербованных Бинзой. Солдат был куплен повышенным окладом и присвоением званий, которое производилось регулярно новым командующим. Нужно понять психологию деревенского парня, взятого на службу еще в «Форс публик», остававшегося рядовым и вдруг получившего звание лейтенанта, капитана, а то и полковника. Все зависело от степени преданности Бинзе, «спасающей» страну «от политиканов», от точного выполнения боевых заданий, выливавшихся в погромы, в сожжение деревень, массовые расстрелы непокорных и просто подозреваемых в непокорности.

Влияние Лумумбы и его партии в Нижнем Конго было слабым: оно в какой-то мере проявлялось, когда существовал блок партий, но никогда не было самостоятельным. И вот теперь Лумумба сидит в тисвильском каземате: он один на один с ненавидящими его солдатами и офицерами. Они ни перед кем не отчитываются за побои и увечья, причиненные заключенному, который к тому же был доставлен избитым, истерзанным. Даже если бы сразу же произвести расследование, то установить, кто

истязал Лумумбу, было бы вряд ли Возможно.

Появившиеся тогда сообщения об освобождении премьер-министра тисвильскими солдатами не подтверждаются никакими документами. Последовала существенная поправка: оказывается, взбунтовавшиеся солдаты «чуть было не освободили» Лумумбу. Но он продолжал томиться в заключении, и можно лишь строить догадки, каковым был для Лумумбы и его соратников, Жозефа Окито и Мориса Мполо, тисвильский застеноч. После посещения тисвильской тюрьмы представителем Красного Креста к Лумумбе не допускался ни один человек.

Из Тисвиля Лумумба каким-то неразгаданным чудом переправил письмо Полин. Она была в Леопольдвиле. По обычаю, нагота — символ правды, чистоты и горя. Босиком, с обнаженной грудью, к которой прижимался Роланд, она приходила к отелю «Ройял» и просилась на прием к чиновникам ООН, добивалась свидания и умоляла, как только может умолять убитая несчастьем африканская женщина, отправить ее в Тисвиль к мужу. Ей отказывали. Она приводила самый сильный аргумент:

— Слезы, кровь и материнское молоко одинаковы у европейцев и африканцев.

Ей выражали сочувствие, а повидать мужа не разрешали. Вечером она снова направлялась на окраину Леопольдвилья, в знакомый африканский квартал Лемба, где ее укрывали родные и знакомые. К горю наиболее чутки самые бедные и несчастные люди: они оказываются и наиболее мужественными. Не каждый соглашался приютить на ночь супругу арестованного премьер-министра, объявленного государственным преступником. Бедняки приводили Полин в свои хижины и делились последним. Плакали вместе с ней. И читали письмо, его последнее письмо к ней...

«Моя дорогая жена, я пишу тебе эти слова, не зная, дойдут ли они до тебя когда-нибудь и когда они дойдут, и буду ли я в живых, когда ты их прочтешь. В течение всей моей борьбы за независимость нашей страны я никогда не сомневался в победе нашего священного дела, которому я и мои товарищи посвятили всю нашу жизнь. Единственно, чего мы хотели для нашей страны, так это права на достойную жизнь, на достоинство без притворства, на независимость без ограничений. Этого никогда не хотели бельгийские колонизаторы и их западные союзники, нашедшие прямую или косвенную, открытую или замаскированную поддержку со стороны некоторых высокопоставленных чиновников Объединенных Наций, того органа, на который мы возлагали всю нашу надежду, когда обратились к нему с призывом о помощи.

Они совратили некоторых наших соотечественников, купили других, сделали все, чтобы исказить правду и запятнать нашу независимость. Что я могу сказать еще — живой или мертвый, свободный или брошенный в тюрьму, — дело не в моей личности. Главное — это Конго, наш несчастный народ, независимость которого попрана. Поэтому-то нас упрятали в тюрьму и держат вдали от народа. Но моя вера остается несокрушимой!

Я знаю и чувствую в глубине души, что рано или поздно мой народ избавится от своих внутренних и внешних врагов, что он поднимется, как один человек, чтобы сказать «нет!» колониализму, наглому, умирающему колониализму, чтобы отвоевать свое достоинство на чистой земле.

Мы не одиноки. Африка, Азия, свободные и освобождающиеся народы во всех уголках мира всегда будут рядом с миллионами конголезцев, которые не прекратят борьбы до тех пор, пока в нашей стране останется хоть один колонизатор или его наемник.

Моим сыновьям, которых я оставляю и, быть может, не увижу больше, я хочу сказать, что будущее Конго прекрасно и что я жду от них, как и от каждого конголезца, выполнения священной задачи восстановления нашей независимости и нашего суверенитета. Потому что без достоинства нет свободы, без справедливости нет достоинства и без независимости нет свободных людей.

Жестокости, издевательства и пытки никогда не могли заставить меня просить пощады, потому что я предпочитаю умереть с высоко поднятой головой, с несокрушимой верой и глубокой убежденностью в судьбе нашей страны, чем жить покорным и отрекшимся от священных для меня принципов.

Настанет день, и история скажет свое слово. Но это будет не та история, которую будут преподавать в Брюсселе, Париже, Вашингтоне или в ООН. Это будет история, которую будут учить в странах, освободившихся от колониализма и его марионеток. Африка напишет свою собственную историю, и это будет на севере и юге Африки, — история славы и достоинства.

Не оплакивай меня, жена моя. Я знаю, что моя многострадальная страна сумеет отстоять свою свободу и свою независимость».

Судьба Патриса Лумумбы волновала мир, и с заключенным надо было что-то делать. Есть основание полагать, что Лумумбой занялся Жюстэн Бомбоко. Каирский журнал «Роз эль-Юсеф» опубликовал фотокопию письма, направленного в Леопольдвиль президентом Катанги. Содержание его таково: «Господину Бомбоко. В ответ на только что полученное нами

послание подтверждаем согласие на немедленный перевод коммуниста Лумумбы в Элизабетвиль. Эта операция должна быть проведена в обстановке полной секретности. Просьба незамедлительно сообщить нам о дате его прибытия. Благоволите принять, господин председатель, заверение в нашем самом высоком уважении.

Моиз Чомбе. Элизабетвиль. 15 января 1961 года».

Письмо вызывает доверие: правительственные чиновники в Конго не делали секрета из того, что Бомбоко по поручению Касавубу вступил в переписку с Чомбе. Одновременно Касавубу вел переговоры с Чомбе по телефону. Тайная сделка относительно Лумумбы примирила недавних противников. Дальнейшие события подтвердили предположение, что в заговоре против Лумумбы объединились и выступали заодно высшие должностные лица Леопольдвилья и Элизабетвиля. Достаточно вспомнить, что Касавубу назначил потом Моиза Чомбе премьер-министром Конго: значит, оказанная ранее услуга была велика!

Впоследствии Бомбоко подводил к плахе многих противников разнообразных режимов в стране, при которых он неизменно руководил внешнеполитическим или юридическим ведомствами. Гнусно поступил Бомбоко и по отношению к Пьеру Мулеле. Министр иностранных дел Киншасы, как потом стал называться Леопольдвиль, прибыл в Браззавиль, где проживал Пьер Мулеле, встретился с ним и уговорил возвратиться на родину: всем Повстанцам, симба (львам), обещана и гарантирована амнистия. Бомбоко увез Мулеле на своей автомашине в Киншасу, закатил в честь его прибытия банкет, провозглашал тосты «за дорогого друга Пьера». Через несколько дней — 9 октября 1968 года — Мулеле был казнен...

Новая Африка, к великому сожалению, выдвигает на государственную арену не только убежденных и последовательных националистов, бескорыстных и честных политических деятелей, но тащит-за собой и таких растленных типов, как Бомбоко. В парламенте Конго во время выступления министра иностранных дел из зала раздавались возгласы:

— Убийца! Убийца Лумумбы!

Бомбоко выручил Касавубу и Бинзу, договорившись с властями Элизабетвиля о приеме самолета с тремя арестованными. 17 января 1961 года Лумумба, Окито и Мполо были выведены из тисвильской тюрьмы: об этой сцене, как и о посадке на самолет, нет ни единого свидетельского показания. Что творилось на борту? Об этом рассказал капитан Джек Диксон, наемник из Южной Африки, работавший пилотом у главарей Бинзы. Он вел самолет на Элизабетвиль.

— Лумумбу избивали так, что я вполне убежден — сейчас он мертв.

Они вырывали волосы у него на голове и заставляли его их есть.

Кто они, эти люди? На борту находилось шесть или восемь солдат — фамилии их неизвестны. Начальником конвоя был Жонес Мукамба, комиссар департамента внутренних дел провинции Леопольдвиль. Он получил приказ вывезти арестованных самолетом по маршруту Тисвиль — Моанда — Бакванга. Во время остановки в Моанде, курортном городке на побережье Атлантики, Мукамба узнал, что в аэропорт Бакванги прибыли наблюдатели командования Организации Объединенных Наций. Тогда самолет взял курс на Элизабетвиль: на всякий случай договоренность о приеме «груза» была достигнута заранее. Вместе с Мукамбой летел Фернанд Казади, ответственный сотрудник из штаба Бинзы, личный друг Альбера Калонжи. Эти две личности, остававшиеся в тени до последнего времени, сыграли, по всей вероятности, роковую роль в судьбе Патриса Лумумбы и его соратников. Кровавая оргия в самолете началась после вылета из Моанды. В Баквангу лететь нельзя, а как примет Элизабетвиль? Чомбе оставался противником Леопольдвилля, и не изменит ли он своего решения? Мукамба имел предписание — в случае осложнений поступать по своему усмотрению.

Никакие меры предосторожности не могли полностью скрыть тайну: о перевозке арестованного Лумумбы стало известно в Европе. Газеты шарахались от одной версии к другой. В ООН снова стали поступать официальные запросы. Радио сообщало: Лумумба покончил самоубийством, Лумумба снова сбежал, Лумумба расстрелян, Лумумба повешен... Иностранные агентства, имевшие своих корреспондентов в Леопольдвиле, Элизабетвиле и Стэнливиле, а также в соседних с Конго странах, уверяли, что Лумумба, Окито и Мполо уже нет в живых.

Заговорил Годфруа Мунонго, министр внутренних дел Катанги. 10 февраля утром он заявил о том, что премьер-министр Конго Патрис Лумумба прошлой ночью совершил побег из заключения на изолированной ферме, расположенной в ста километрах от португальской колонии Анголы. Три дня спустя некто Жан Тиньи, секретарь Мунонго, выступил в Элизабетвиле перед журналистами и сделал более полное сообщение. «Лумумба и двое остальных, — читал он, — пробили дыру в стене из мягкого бетона. Они использовали для этого железные костыли, на которых держался занавес, и с их помощью постепенно пробивали стену, укрывая дыру за занавесом. Когда диаметр отверстия достиг около ярда, они вышли наружу и, вооруженные толстыми палками, напали на двух солдат. Они связали их кусками занавеса и сели в автомобиль, стоявший неподалеку. Этот автомобиль был найден позднее крестьянами в окрестностях деревни

Мунконтото, к северу от фермы. По-видимому, машина разбилась, и Лумумба с остальными толкнули ее в реку неподалеку от дороги, где ее и нашли в сильно поврежденном состоянии. Шум, — пояснил в заключение секретарь, — когда пленники пробивали стену, заглушался грозой...»

Вслед за своим секретарем выступил сам Мунонго. Он уточнил, что Лумумба, Окито и Мполо «были зарезаны жителями небольшой деревни, расположенной на довольно значительном расстоянии от того места, где была обнаружена брошенная ими машина. Жители получают за это награду...»

Командованию ООН в Конго Годфруа Мунонго направил официальное извещение, которое мы также приведем: «Настоящим сообщая вам о смерти Лумумбы и его сообщников Окито и Мполо. Вчера вечером (то есть 12 февраля 1961 года) из района Колвези в мою частную резиденцию прибыл житель Катанги (я не даю более точных сведений) и сообщил мне, что Лумумба, Окито и Мполо были убиты вчера утром жителями небольшой деревни. Эта деревня получит награду в размере 40 000 франков, обещанную советом министров. Я вам не скажу больше ничего об обстоятельствах смерти беглецов. Я солгал бы, если бы сказал, что смерть Лумумбы меня опечалила. Я говорю с вами откровенно и без обиняков, как я привык это делать. Нас будут обвинять в том, что мы их убили. Я отвечаю: докажите это. Я ожидаю также, что друзья Лумумбы коммунисты поднимут в Совете Безопасности вопрос о смерти трех беглецов. Даже если бы мы их казнили, что мы категорически отрицаем и что совершенно не доказано, я заранее отрицаю за Организацией Объединенных Наций право занять позицию по этому вопросу...»

Годфруа Мунонго просто-напросто издевался над общественным мнением, дурачил публику, выплетая соломенную версию о «побеге», которую никто не мог воспринять всерьез. Как могли избитые до полусмерти люди пробить брешь в стене? Откуда появилась автомашина? Кто поверит, что троих таких заключенных охраняли только два солдата? Какие безумцы побегут к португальской Анголе?

Опровергнуть построения Мунонго не так уж трудно, даже не будучи специалистом в области сыска; труднее объяснить, почему власти Катанги рискнули войти в союз с преступниками из Леопольдвилья и, можно сказать, добровольно записали себя в число соучастников заговора?

Ответ следует искать в политике Бельгии по отношению к Конго. Вся переписка Чомбе и Мунонго с представителями командования ООН, которое время от времени запрашивало о судьбе арестованного премьера, свидетельствует, что действиями этих господ руководили бельгийцы. Все

речи и документы для Чомбе готовил Жорж Тиссен, комендант Элизабетвиля. В Катанге функционировал «международный комитет», состоящий из бельгийских профессоров и магнатов. К началу 1961 года Бельгия смогла убедиться, что она может полностью положиться на своих союзников по Североатлантическому блоку и в самой международной организации, и вне ее. Переписка Чомбе — это в действительности высказывания озлобленной Бельгии по адресу ООН. Когда в январе 1961 года генеральный секретарь ООН направил Чомбе вежливый меморандум с пожеланием «предусмотреть, какие меры следует предпринять, чтобы к господину Лумумбе и его соратникам был применен нормальный порядок в компетентном суде», последний в буквальном смысле слова отчитал автора послания. «Я весьма удивлен тем интересом, — говорилось в ответе, — который Организация Объединенных Наций проявляет в отношении бывшего премьер-министра. Существенно необходимо, чтобы власти бывшего Бельгийского Конго оставались единственными судьями, без всякого иностранного вмешательства, в отношении того, какому он должен быть подвержен обращению, и того, какова будет его судьба».

Несомненно, это — бельгийский ответ. В Брюсселе решили, что с устранением центрального правительства Патриса Лумумбы сложилась иная политическая обстановка, дающая возможность по-новому подойти к разрешению конголезского кризиса. Прежде всего — окончательно парализовать ООН, взять инициативу в свои руки, поставить вопрос на бельгийские рельсы. Теперь усилия направлялись на то, чтобы сгладить или совсем ликвидировать разногласия между Леопольдвилем и Катангой: сейчас можно налаживать нормальные взаимоотношения «независимой Катанги» с Леопольдвилем, где нет уже Лумумбы. Ввязать Катангу в уголовное и скандальное дело с Лумумбой — значит перекинуть мост между Элизабетвилем и Леопольдвилем, Касавубу и группы Бинзы. Такое соучастие в преступлении как нельзя лучше устраивало Бельгию, тем более что сама она оставалась в тени — с развязными заявлениями выступали конголезцы, а не официальные чины Брюсселя.

Немаловажную роль в подготовке кровавой драмы сыграла и психологическая, моральная атмосфера, созданная вокруг имени Патриса Лумумбы. В кругах бельгийских и некоторых африканских физическое уничтожение премьер-министра не считалось чем-то предосудительным.

Этим моральным поощрением убийства Патриса Лумумбы, предусмотренной безответностью и объясняются циничные признания очень многих бельгийцев и наемников из других европейских стран в совершении преступления. «Это я убил Лумумбу!» — заявляли они в

прессе, словно выдвигая себя на премии. Говорили не перед следственной комиссией, не перед судом, не по принуждению, а по своей собственной инициативе, чтобы на клейме — «убийца Лумумбы» — нажить какой-то капитал!

Авантюристы, менявшие фамилии и национальность, находившиеся в армии Катанги или пристроившиеся к Бинзе, вернувшись в Европу, выступали в печати с откровениями. Один из них, западногерманский лейтенант Герд Арним, служивший в иностранном легионе Чомбе, дал интервью римскому корреспонденту парижской газеты «Орор». Патрис Лумумба, рассказал Арним, был убит 18 января в 14 часов 30 минут, то есть на другой день после того, как его доставили в Элизабетвиль. Вместе с ним были убиты Жозеф Окито и Морис Мполо. Один из солдат охраны ударил Лумумбу головой о борт грузовика, на котором его везли, и затем выстрелил ему в затылок. Командовавший конвоем бельгийский капитан Марсель Рюи прикончил Лумумбу выстрелом из пистолета в голову. Перед убийством Лумумбу жестоко истязали. Из ушей и носа Лумумбы текла кровь. Он был без очков, его борода была отрезана. Трупы Патриса Лумумбы, Окито и Мполо перевезли на грузовиках в военный лагерь, расположенный в джунглях Катанги. Оттуда они были направлены в деревню Као-то, в окрестностях военной базы Камина. На окраине этой деревни трупы были зарыты в 4 часа утра 19 января. Арним сообщил, что его отряд получил приказание от Чомбе немедленно захоронить убитых. Сам Арним бежал из Катанги, опасаясь за свою жизнь, так как знал слишком много об убийстве Патриса Лумумбы. Четверо из 13 солдат, конвоировавших Лумумбу к месту казни, были вскоре расстреляны по распоряжению Чомбе, а других ожидает та же участь. Бельгийский капитан Марсель Рюи находится в тюрьме и «вряд ли вернется на родину».

В этом откровении наемника заслуживает внимания не фактическая сторона, а указание на то, что власти Катанги, бравирова перед всем миром причастностью к злодеянию, все же заматали следы, убирали тех, кто «слишком много знал». Точно так же поступал и Леопольдвиль: Жонес Мукамба и Фернанд Казади вылетели вскоре в Брюссель. Когда по решению Совета Безопасности была создана следственная комиссия по выяснению обстоятельств смерти Лумумбы и его соратников, то ни один из ее членов не был допущен ни в Леопольдвиль, ни в Элизабетвиль.

Однако комиссия проделала полезную работу, занимаясь несколько месяцев сбором материалов, поисками свидетелей и их опросами. Доклад комиссии был распространен в ноябре 1961 года в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи. В нем содержится следующее

закключение: «1. Факты, выявляющиеся в результате свидетельских показаний и материалов, содержащихся в досье, противоречат версии правительства Катанги, согласно которой гг. Лумумба, Окито и Мполо будто бы были убиты 12 февраля 1961 года лицами, принадлежащими к одному из племен. 2. С другой стороны, комиссия считает в основном правдоподобной ту версию, согласно которой заключенные были убиты 17 января 1961 года после их прибытия в одну из вилл в Элизабетвиле и, весьма вероятно, в присутствии некоторых членов правительства провинции Катанги, в частности гг. Чомбе, Мунонго и Кибве, и полагает, что утверждение о бегстве было выдуманно от начала до конца. 3. Серьезные подозрения падают на бельгийского наемника некоего полковника Карлоса Хьюге, который, вероятно, был фактическим убийцей г-на Лумумбы и который совершил свое преступление в соответствии с предумышленным планом при соучастии некоего капитана Гата, бывшего также бельгийским наемником. Что касается гг. Окито и Мполо, то представляется трудным установить, кто их фактически убил, но полученные указания позволяют предполагать, что они были убиты одновременно с г-ном Лумумбой».

Комиссия, в состав которой входили представители Эфиопии, Того, Бирмы и Мексики, заявила, что с органов власти Леопольдвилья и с правительства Катанги не может быть снята ответственность за обстоятельства, касающиеся гибели Лумумбы, Окито и Мполо. «Что же касается правительства провинции Катанга, — подчеркивается в документе, — то оно не только не приняло мер к охране трех арестованных, но своими действиями непосредственно или косвенно содействовало убийству этих узников... Комиссия надеется, что результаты, которых она могла достигнуть, смогут в известной мере служить основой для проведения последующего расследования в Конго и для судебного следствия, которое, по мнению комиссии, должно последовать в самом близком времени».

«Последующего расследования» не последовало! Выражались официальные Сочувствия, Сожаления. Газеты перечисляли фамилии лиц, причастных к трагедии. Список получался настолько великим, что многие считали его несерьезным: в него входили чуть ли не все высшие лица Леопольдвилья и Элизабетвилья, а также некоторые служащие ООН.

Из людей, обвиняемых печатью в заговоре против Патриса Лумумбы, первым высказался Сирил Адула, бывший в момент совершения преступления министром внутренних дел. «Я клянусь своей честью, — заявил он, — что правительство было в полном неведении относительно

этой трагедии». Остальные подозреваемые молчали. Адула, находясь в заграничном путешествии, пообещал «пролить как можно больше света на дело Лумумбы в подходящий момент». Спустя три года после трагедии, разыгравшейся в Катанге, с ошеломляющим заявлением выступил Моиз Чомбе. В январе 1964 года бельгийский журнал «Пуркуа па?» опубликовал заявление бывшего катангского главаря.

...17 января 1961 года президент Касавубу поставил катангских руководителей перед совершившимся фактом и сообщил о посылке самолетом трех «пакетов» (Лумумба и два его помощника — Окито и Мполо). Самолет направлялся в столицу Южного Касаи Баквангу, но в последний момент он изменил курс и полетел в Элизабетвиль, где просил разрешения приземлиться, так как у него было на исходе горючее. По словам Чомбе, Лумумба был уже в агонии по прибытии в Элизабетвиль. Начальник эскорта Фернанд Казади, который был родом из Южного Касаи, во время приземления продемонстрировал «с бессознательной и жестокой гордостью усы, бороду и очки Патриса Лумумбы».

Восемь вооруженных великанов, сопровождавших Лумумбу, били его с невообразимой жестокостью в течение всего полета, вызвав возмущение пилота и экипажа. У Лумумбы были внутренние кровоизлияния, прободение желудка, переломы ребер. Пленникам оставалось жить всего лишь несколько часов. Когда Касавубу предупредили об этом, он, по словам Чомбе, заявил по телефону: «Если они умрут, то похороните их, но главное, чтобы об этом не было разговоров». Чомбе будто рассердился, сказав: «Живыми или мертвыми я отправлю их завтра обратно к вам». Но на рассвете 18 января пилот самолета отказался погрузить на самолет трупы, поскольку необходимо специальное разрешение для перевозки тел умерших...

Журнал «Пуркуа па?» оповестил читателей, что в следующем номере будет опубликовано продолжение интервью Чомбе под заголовком «Что стало с трупами?». Но второй раздел интервью не увидел света: по настоятельному требованию конголезского правительства бельгийские власти конфисковали весь тираж еженедельника от 31 января 1964 года.

Чомбе находился в Испании, проживая в своей резиденции на мадридской улице Пинтор Розалес. Он собрал пресс-конференцию и высказал на ней то, чего не дали ему договорить в брюссельском журнале. Продолжение таково.

Премьер-министр Сирил Адула и министр-резидент центрального правительства в Катанге Жозеф Илео, напуганные угрозой посылки в Конго следственной комиссии Организации Объединенных Наций, 28 февраля

1962 года прибыли в Элизабетвиль под предлогом подписания военного соглашения, а фактически для того, чтобы «избавиться от всех следов этих тел и помешать любому расследованию». Тела были извлечены из могил и погружены в ванну с кислотой, чтобы они исчезли навсегда. Чомбе сказал, что после смерти Лумумбы, Окито и Мполо ночью 17 января 1961 года «три тела были поспешно захоронены на небольшом кладбище у деревни Руаши вблизи Элизабетвиля». Чомбе поведал, что он находился в «подавленном состоянии» в то время, когда Касавубу очень спокойно позвонил по телефону из Леопольдвилья и сказал: «Похороните их и помалкивайте об этом».

Чомбе, по его словам, отдавал себе отчет в том, что смерть Лумумбы вызовет бурный протест во всем мире. По этой причине катангские власти и пошли на инсценировку «побега», чего в действительности не было, но о чем было заявлено на пресс-конференции в Элизабетвиле в первой половине февраля 1961 года. Чомбе сказал, что инсценировка с побегом преследовала цель — оградить леопольдвильское правительство от неприятностей. Теперь он решил «пролить полный свет» на дело Лумумбы, так как он не намерен нести ответственность за преступление, которого он, по его словам, не совершал и не одобрял.

*

Лумумба, его жизнь, неистовая борьба за родное Конго, его творчество как литератора, его политические речи, его тюремные этапы и сама его гибель стали объектом изучения философов, историков, писателей и поэтов. О нем есть фильмы, есть научные трактаты, поэмы, произведения живописи и скульптуры. «Великий мертвец с черным, мученическим лицом Христа», как броско было сказано о нем на Западе, привлекает окрыленной молодостью своей государственной деятельности, совершенством политического бойца, человечностью. Что мне сказать о нем?

Я сидел во Дворце Наций 30 июня 1960 года, когда Конго получило независимость, и выслушивал ораторов, бывал у него в доме, раздавая его детишкам советские значки. Он был внимателен к любой просьбе: не отказал и мне, выйдя из комнаты для фотографирования. Десятки раз приходилось присутствовать на его пресс-конференциях. Какое это было интеллектуальное наслаждение! Да и внешне он привлекал своей мужской африканской красотой. Элегантен, подтянут. Коротко острижены волосы. В

левом верхнем кармашке пиджака — белоснежная полоска платочка. На левом безымянном пальце руки — перстень. Иногда при галстукке, а порой — в «бабочке» с разбегающимися в стороны серыми полосками. Когда он прибывал в Восточную провинцию или Касаи, к нему подходили делегации и облачали его в громадную шапку, а на плечи вешали ленту из леопардовой шкуры шириной в две ладони.

Его выступления перед иностранными журналистами, как африканская земля от северного снежного и ледяного полюса, отличались от тех, на которые приходят чванливые и недоступные деятели, чтобы зачитать сухой официальный документ канцелярского творчества. Будучи премьером, слава о котором гремела повсюду, Лумумба привлекал простотой.

— Как здесь душно, — сказал он однажды перед началом пресс-конференции. — Давайте вначале угостимся холодной водой.

Позвал своего секретаря, попросил его принести несколько графинов и стаканы. Один графин он сам взял в руки и начал разливать в стаканы окружившим его журналистам.

— Герцог Брабантский, суверен Конго, будущий король Леопольд второй, — шутливо комментировал Лумумба, — оставил нам много воды. Пейте, господа... Теперь я в вашем распоряжении.

— В чем, по вашему мнению, причина главных расхождений между вашим правительством и странами Запада? — спросили его.

— В том, по-моему, что не все еще усвоили ту истину, что Конго покончило с колониальным режимом: наша страна в настоящее время является свободным и независимым государством. С этим фактом не все хотят мириться, а надо бы!

Он неравнодушен к изящному слову, к оригинальной мысли. Его спрашивали о Катанге. Нельзя ли вступить в переговоры с Элизабетвилем? Все же все вы африканцы...

— Мы пытались разрешить проблему Катанги мирными средствами, но из этого ничего не получилось, — отвечал Лумумба. — Позвольте мне заметить, что исходная логическая посылка вопроса неверна: она грешит расовым подходом. Мы знаем из истории примеры, когда европейцы воевали с европейцами, азиаты с азиатами, африканцы с африканцами. Национальный, классовый подход определяет политику. Мы можем, как суверенное государство, вступить в союз с европейской державой ради сохранения завоеванной свободы и единства. Во имя этих же целей мы будем вести военные действия против катангских правителей, продавшихся Бельгии. По-моему, тут все ясно, господа.

— Как вы лично относитесь к Моизу Чомбе?

— Превосходно! — не замедлил с ответом Лумумба.

Зал аплодирует, сыплет репликами, смеется. Едва успокоились. Лумумба продолжает о Чомбе:

— Мне вспоминаются слова одного французского мыслителя, который, по-видимому, находился приблизительно в таком же положении, в какое меня сегодня поставил ваш вопрос. Поэтому я с вашего разрешения воспользуюсь готовым ответом. Остроумный француз выразился так: «Этот необыкновенный человек обладал великими достоинствами и не имел ни одного недостатка при многих пороках...»

— Господин премьер-министр, почему вы со всеми ссоритесь и всех критикуете?

— Это интересный вопрос! Какие-то основания для такого мнения имеются. Но парадокс состоит в том, что правительство Конго искренне желает наладить нормальные взаимоотношения со всеми странами мира. А получают ссоры, хотя мы и надеемся, что время возьмет свое и недоразумения будут устранены. Установление взаимопонимания напоминает спайку двух металлических стержней. Кузнец, прежде чем сварить два конца, очищает их от грязи и пыли. Иначе не будет прочной спайки. Образно выражаясь, колониальные страны лезут к нам своей грязной стороной, что мы отвергаем...

— Что бы Вы посоветовали бельгийскому правительству?

— Оно имеет достаточно советников и без меня! Известно только, что обанкротившуюся внешнюю политику меняют.

Всегда откровенный, прямой разговор. Осмелев, журналисты излагают свои претензии к конголезскому государственному аппарату: бюрократия, бестолковщина, ни у кого нельзя добиться исчерпывающего ответа на те или иные запросы. Лумумба призадумывается, видимо, соглашается с мнением иностранных наблюдателей. «Господа, прошу вас не забывать, что мы лишь начинаем учиться управлять своей страной. Будьте снисходительны...»

— Как мало у нас подготовленных людей! — часто повторял Лумумба и в то же время не переставал восхищаться талантливыми конголезцами.

Он был тесно связан со многими артистами, скульпторами, знатоками фольклора, художниками. Уже будучи премьер-министром, он навещал художника Раймонда Ликумбе. Тот обладал фантастической работоспособностью: выставлял по двести-триста полотен. Не в павильоне, а на захолустной африканской улице! Ценители африканской живописи съезжались к нему, раскупали картины, а через два-три месяца Ликумбе

снова расставлял свои полотна около хижин и палисадничков.

Лумумба любил до самозабвения африканские маски. Уедет в деревню к знакомым мастерам и пропадает там полдня.

...Премьер оставил ботинки в машине, сбросил сорочку и босиком, в одной майке и закатанных до колен брюках направился в сарай, к мастерам, обнаженным по пояс, так что видна затей айва ч татуировка на груди и мускулах рук. Черный ваятель ушел в работу, премьер — в раздумья...

У него всегда в запасе были свежие, только что почерпнутые из жизни впечатления: он всегда был готов поспорить о прочитанной книге. Полюбившиеся стихи запоминал сразу и читал их по многу раз своим собеседникам из желания поделиться совершенной красотой, талантом человека. Он радовался каждой гордой, умной, честной строке, кому бы она ни принадлежала.

Лумумба восхищался умением африканца мыслить образами и сам в совершенстве владел этим искусством. Но его страстью и его призванием была политика. Его жена Полин рассказывала потом:

— Целыми днями и ночами Патрис говорил о политике. Он жил только ради этого. В течение многих лет он считал себя лидером народа, и у него никогда не было времени ни на что другое, кроме политики. Он был очень терпим к недостаткам тех людей, с которыми он общался. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь ссорились. Я не помню, чтобы он резко разговаривал со своими товарищами. Он доказывал, убеждал и радовался, когда ему это удавалось. Меня он часто звал «моя лукокеша» — жена-предводительница... У него было какое-то обостренное восприятие всех историй о предательстве, об измене общему делу, о вероломстве, о бесчестных поступках. Когда он узнал потом, что Касавубу сместил его с поста, то, придя домой, сказал:

— Вот, Полин, разыгрывается и в Конго история Иосифа, которого продали братья. Продали и предали!

Но он был уверен, что одержит верх. Я думаю, что эта вера и помогла ему в тюрьме. Никто другой не вынес бы таких мучений: ведь его били каждый день...

При каждой встрече с Пьером Мулеле мы заводили разговор о Лумумбе. Бывали моменты, когда мой собеседник плакал, а я умолкал. Блокнот и ручка казались мне святотатством: я их и не вынимал, а все всматривался в худощавое лицо близкого друга Патриса, выслушивал его. Записи делал позднее — наедине. Сохранилось изложение рассказов, но одну фразу, повторенную многократно, я приведу в точности:

«Он был для всех нас верой...»

Интересовался: о чем говорил Лумумба с Мулеле в Порт-Франки, во время последней их встречи? Можно ли было заметить упадок духа, раскаяние, стремление во что бы то ни стало спасти себя? За последний вопрос я получил чувствительное внушение от Пьера.

— Вы, — сказал он, — тоже не понимаете Лумумбу, раз задаете такие вопросы. Какой упадок духа! Он был полон энергии. О собственной судьбе он и не помышлял. Никто и никогда не замечал в Лумумбе проявления робости. Битва для него была родным полем, на котором всегда надо трудиться. Там, на тревожном берегу реки Касаи, Лумумба говорил о конголезских руководителях. Им не хватает опыта и просто-напросто жизненных потрясений. Многим из них и при колониализме было неплохо, а в независимость они въехали на персональных машинах под аплодисменты публики...

Лумумба рассуждал так, вспоминал Мулеле: наиболее ценен и привлекателен тот человек, который прошел сквозь горнило испытаний. Привлекателен зрелым рассудком, неторопливостью в оценках, большей терпимостью к недостаткам окружающих и большей сдержанностью к проявлениям лозунговости, массового митинга. Мы превратили независимость в фетиш, в волшебную маску, а она является всего-навсего сырым материалом для мастера, от таланта которого все и зависит — будет или шедевр, или ремесленническая поделка...

— Что он говорил о Касавубу? — спросил я Мулеле.

— Он думал о примирении. Мне кажется, что у Патриса вообще отсутствовало чувство мести. Он никогда и ни с кем не сводил счеты. Он придерживался взгляда, что к человеку ошибающемуся следует проявлять гораздо больше внимания. Анализ порока сложнее анализа подвига...

Касайский вождь Пене Сеньха, рисовавший в моем блокноте барабаны и образцы татуировок племен, проявивший трогательное внимание к единственному советскому человеку, проживающему тогда в Конго, приходил ко мне в отель и долгими часами повествовал о нравах и обычаях провинции Касаи. Кое-что из рассказанного им я использовал в книге. А о Лумумбе он отзывался так:

— Он обладал могучим интеллектом, но больше всего привлекал своими душевными качествами. В беседах с ним чувствовали себя равными самые простые крестьяне. Лумумба наслаждался, когда они забрасывали его вопросами, и им казалось, что именно они и одерживают верх в политических спорах. Он не мог жить без общения с народом. Уже будучи премьером, Патрис отрывался от своего окружения, бросал все, выходил на улицу, добирался до автобусной остановки, покупал билет и ехал в

африканский квартал в компании рабочих и служащих. Он любил живую речь конголезца, ценил образность и непосредственность. Вождь вождей...

Сын Патриса — Патрис-младший — все повторял:

— Мой папа не умер. Он живет в Советском Союзе. Я поеду к нему...

Во время разговоров со мной Франсуа Окитоленга сказал о своем сыне:

— Он был на редкость любознательным. И спрашивал всегда о самом трудном. Помню такой случай. Один европейский плантатор привез из-за океана несколько семей пчел. Африканские, дикие, его не устраивали, так как мало приносили меда. Но получилось так, что привозные, отличные пчелы стали давать меда гораздо меньше, чем африканские. Никто не мог понять, в чем дело. Патрис был тогда подростком. Он заинтересовался историей с пчелами и побежал к плантатору с расспросами. Тот ему ничего вразумительного не мог сказать, кроме того, что в этой проклятой Африке все наоборот. Чтобы как-то успокоить сынишку, удовлетворить его любопытство, я объяснил, что европейские пчелки обленились в Африке. Но что меня поразило: когда Эмери стал взрослым и читал европейскую литературу, он где-то нашел научное объяснение странному поведению пчел и рассказал мне! Так бывало во всем. Не успокоится до тех пор, пока не добьется истины...

Томас Канза писал после смерти Лумумбы: «Мы называем лумумбизмом идеал, который поставил перед собой Лумумба, и путь, следовать которому он советовал, чтобы достигнуть этого идеала. Лумумбизм появился в Конго, но его влияние распространилось за пределы этой страны. В наши дни идеи Лумумбы известны всей Африке. Патрис Эмери Лумумба стал символом для всех националистов, для всех революционеров... Не будет преувеличением сказать, что лумумбизм олицетворяет во всем мире борьбу за освобождение народов, и Патрис Лумумба является знаменем самого чистого национализма».

Я попытаюсь своими словами изложить все то, что говорил о Лумумбе Антуан Гизенга автору этих строк.

Он отметил, что Лумумба необычайно быстро рос в политическом отношении. Этому способствовали и бурный подъем национально-освободительного движения на африканском континенте, и всемерная поддержка новой Африки со стороны Советского Союза. Так, например, существенно изменились его взгляды на сотрудничество с Бельгией. Изменились уже в ходе самих конголезских событий. До Конференции круглого стола в Брюсселе, и даже после ее окончания, Лумумба отстаивал идею тесного союза с метрополией. Вероломство Бельгии заставило

Лумумбу пересмотреть свою позицию. Как известно, премьер-министр был инициатором разрыва дипломатических отношений с Брюсселем.

Гизенга особенно подчеркивал то обстоятельство, что всей своей светлой деятельностью Лумумба возвысил престиж политического лидера Конго и всей суверенной Африки. Лумумба стоял в ряду выдающихся государственных умов современности. Как политический боец он был бесстрашен. А вот эту фразу Антуана Гизенги я записал дословно:

«Меня лично в характере Патриса всегда покоряли две особенности — кристальная ясность его логики и предельно доброе сердце...»

О нем будут говорить как о нашем современнике.

Россия оплакивала трагическую гибель Лумумбы. Герой и мученик увековечен в Москве университетом, названным его светлым и немеркнущим именем. Лумумба живет в молодой Африке ее сокровенной надеждой и мечтой, скорбью и радостью.

Послесловие

Предлагаемая читателю книга писалась не за один присест: много времени ушло на сбор материала. Только спустя десять лет после моей первой поездки в Конго (1960 г.) я предложил издательству рукопись. Все это время образ Лумумбы не покидал автора: как и многих, преждевременный и столь неожиданный уход его из жизни потряс меня.

Мне приходилось много раз встречаться с премьер-министром Конго в его резиденции, в домике, где проживала вся семья Лумумбы, в здании парламента, на многочисленных пресс-конференциях. По случайному стечению обстоятельств осенью 1960 года я следовал за полицейской машиной, в которой сидел арестованный Патрис, вплоть до ворот военного лагеря Леопольда в конголезской столице. В 1961 году через Судан на автомашине добрался до Стэнливиля, где тогда функционировало временное правительство Республики Конго во главе с Антуаном Гизенгой. Преемник премьера рассказывал о Лумумбе, снабдил меня ценными материалами. В этом же городе я посещал отца и мать героя, его родственников: мои блокноты заполнялись их воспоминаниями. Бывал и на родине Лумумбы — в Санкуру, в Катако-Комбе, Оналуа и других касайских деревнях. Беседовал с вождями — рядовыми и верховными, которые знали Патриса с детства, учились вместе с ним. Записывал пословицы и поговорки батетела — племени Лумумбы. Часами выслушивал легенды, сказания.

С детишками Лумумбы я встречался в Каире, а с Полин — в Дар-эс-Саламе, куда она приезжала по приглашению женского союза Танганьики. Для них Патрис — святыня.

Не доставляет удовольствия вспоминать об этом, но я сидел в леопольдвильской тюрьме «Идола», где когда-то томился в заточении и Лумумба. В тюрьме «Макала», куда потом перевели меня и где я находился несколько недель, познакомился со многими заключенными из партии Лумумбы, с его касайскими земляками. Мы устраивали тайные встречи. Среди узников был и сенатор Джордж Гренфел, близкий друг Лумумбы. О первом премьер-министре Конго много интересного рассказали казненный потом Пьер Мулеле, Унисет Кашамура, Томас Канза. Мои собеседники сообщили массу деталей, подробностей, касающиеся и жизни Лумумбы, и его политической деятельности, его взаимоотношений с другими конголезскими руководителями, лидерами партий.

Однако по разным причинам о некоторых важных аспектах, связанных с арестом Лумумбы и его убийством, в нынешней ситуации писать трудно. Нужна дистанция времени. Лишь со временем появится возможность и опубликовать новые материалы и дать оценку фальшивым «последователям» покойного конголезского премьера.

Должен прямо сказать: при написании книги я подходил к Лумумбе не как сторонний аналитик, вооруженный лишь холодным рассудком, а как человек, влюбленный в своего героя и не скрывающий своих искренних и глубоких симпатий к нему. Признаюсь, мне больно было писать об ошибках и отдельных промахах Лумумбы. Тут автор руководствовался старым русским изречением: «Мертвые сраму не имут...»

В то же время эта книга не только о жизни и деятельности Патриса Эмери Лумумбы: я старался показать и страну, во имя независимости которой отдал он свою жизнь. Одно неотделимо от другого. Конго — Лумумба, Лумумба — Конго: слова поистине — близнецы и братья. Ход событий в самом Конго подтверждает непреходящее значение личности Лумумбы, его идей, его антиколониального курса для судеб страны.

30 июня 1970 года Конго отпраздновало десятилетие своей независимости. Свыше половины этого срока падает на внутренние неурядицы, вызванные грубым вмешательством во внутренние дела республики колониальных сил Запада. Конголезский народ прошел через горнило тяжелейших испытаний. Возвышение и падение самозванных «президентов» и «королей», карательные экспедиции, направляемые против «симба» — львов-повстанцев, высадка в Стэнливиле бельгийских парашютистов, сеявшие смерть и разруху рейды европейских наемников, жестокое преследование сторонников и последователей покойного Лумумбы — все это испытала на себе многострадальная страна. Расстрелы и казни длительное время омрачали конголезский горизонт. Очень многие авторы на Западе ухватились за конголезский кризис лишь для того, чтобы снова, так сказать, на свежем примере, доказать, что «бремя независимости» оказалось не по плечу африканцам, что они неспособны сами навести порядок в собственном доме и научиться управлять сложной государственной машиной.

Однако опыт Конго, одной из труднейших для анализа стран Африканского континента, свидетельствует о том, что у независимого государства нет и не может быть иного пути, кроме избавления от иностранного политического и экономического господства. Иное дело, какие формы принимает это вытеснение, более радикальные или же носящие характер сделки, временно устраивающей и национальное

правительство и монополистическую компанию. Правительство Киншасы 1 января 1967 года национализировало скандально известную «Юнион миньер дю О'Катанга», дав ей новое название — «Женераль конголез де мин» («Жекомин»). Конголезская сторона согласилась с предложением бельгийских магйатов о «справедливой компенсации», составляющей около пяти процентов валютных отчислений от всей экспортной продукции «Жекомин» в течение 15 лет. Кроме того, управление переименованной компании доверено на 25-летний срок одному из филиалов могущественной бельгийской компании «Сосьете женераль де Бельжик».

Вывод таков, что бельгийский капитал не смог полностью восстановить прежние позиции и вынужден был пойти на определенные уступки. Ясно также, что компромиссное решение недолговечно. Закрепив свои позиции в экономической и финансовой сфере, конголезское правительство вполне может создать предпосылки для вполне возможного в дальнейшем наступления на западный капитал, в котором все большую роль начинают играть Соединенные Штаты Америки.

Политическая атмосфера в стране складывается именно в пользу такого прогноза. Так называемое «национальное примирение», несмотря на шаткость этого выражения, оказалось возможным лишь при условии признания заслуг Патриса Лумумбы, выдающегося сына Конго, имя которого никогда не забудет Африка. Памятник герою и мученику, сооруженный в Киншасе, с колоннами, высотой более 200 метров, говорит сам за себя.

Памятник, восстанавливающий светлое и доброе, прошлое и настоящее, связанное с Лумумбой.

Патрис Лумумба проводил четкую грань между политикой по отношению к молодой республике со стороны империалистических государств Запада и курсом Советского Союза. Его речи, выступления, интервью иностранным корреспондентам, заявления, официальные письма наполнены резкой критикой по адресу старых и новых колонизаторов. В силу присущего ему дара необычайной политической интуиции, премьер-министр Конго сразу же разгадал складывающийся тогда союз Бельгии с Соединенными Штатами Америки, направленный против национальных интересов его родины. Было ясно, что небольшая европейская страна, каковой является Бельгия с ее ограниченным военным потенциалом, не в состоянии была подавить национально-освободительное движение в огромной африканской стране с ее неисчерпаемыми людскими ресурсами. Лумумба отдавал себе отчет в том, что именно коалиция капиталистических стран угрожает независимому существованию Конго.

Он не жалел резких и вполне справедливых слов, когда дело касалось беспощадного разоблачения происков колониального Запада.

С другой стороны, Патрис Лумумба, исходя из собственного опыта руководства страной, оказавшейся в бурном водовороте мировой политики, все больше убеждался в необходимости разного рода контактов с Советским Союзом, с другими социалистическими государствами. Советский Союз признал Республику Конго в качестве независимого, суверенного государства и установил с ней нормальные дипломатические отношения. Наша социалистическая держава была единственной из крупных стран современного мира, возвысившей свой голос в защиту независимости Конго, сохранения его территориального единства, против вероломной агрессии Бельгии, поддержанной ее союзниками по НАТО. На протяжении 1960 года Советское правительство несколько раз выступало с программными заявлениями относительно конголезской ситуации, в которых был дан исчерпывающий анализ столь сложных событий. Когда империалистическая интервенция стала фактом, Советское правительство опубликовало заявление от 13 июля 1960 года: «Колониальная интервенция в Конго, — говорилось в этом важном документе, — дает новое доказательство того, что некоторые державы, в первую очередь США, продолжают идти по опасному пути агрессии и провокаций. Советский Союз, как и другие миролюбивые государства, решительно осуждает вероломную агрессию против Республики Конго. Он полностью поддерживает справедливое требование конференций независимых государств и народов Африки в Аккре и Аддис-Абебе относительно немедленного предоставления независимости всем странам и народам Африки, где еще сохраняется позорная колониальная система. Советское правительство предупреждает о тяжелой ответственности, которая ложится на руководящие круги западных держав, развязавших вооруженную агрессию в Конго, и настаивает на немедленном ее прекращении».

Советское правительство проявило инициативу, поставив в повестку дня Совета Безопасности безотлагательное обсуждение конголезского вопроса. Официальные представители нашей страны в международной организации, все органы советской пропаганды систематически разоблачали заговор колонизаторов против Конго, интриги тогдашнего генерального секретаря ООН, которые расценивались советской общественностью как позорное сообщничество с империалистами. В те дни по всей Советской стране проходили массовые митинги солидарности с борющимся конголезским народом. Мы можем с полной определенностью сказать сейчас: могучая моральная поддержка Советским

Союзом правого дела Конго вселяла уверенность и оптимизм, которыми характеризовались все действия национального правительства, возглавляемого Патрисом Лумумбой.

Принципиальная классовая позиция Советского Союза, направленная на всемерную поддержку освободительного движения в Конго, имеет общеафриканское и мировое значение. Миллионы африканцев не только в Конго, но и за его пределами, убеждались в той истине, что мировая система социализма является решающей силой в антиколониальной империалистической борьбе. Как сказано в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1969 году, «всякая освободительная борьба находит ничем не заменимую поддержку с ее стороны (то есть со стороны мировой социалистической системы. — Н. Х.) и прежде всего со стороны Советского Союза».

Опыт Конго с его затяжной борьбой за независимость со всей очевидностью показывает, что Советский Союз был и остается последовательным поборником принципа свободы и равноправия всех народов. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, разработанная советской стороной и принятая ООН, явилась знаменательной вехой на пути к полному очищению африканского континента от колониальных пут. Это ленинский курс, содержащий требование о самоопределении всех народов, об избавлении их от империалистической зависимости. В. И. Ленин, 100-летие со дня рождения которого недавно отмечала Африка вместе с общественностью нашей планеты, всесторонне изучал политику колониального Запада в Африке и других районах земного шара. «Англия должна, — писал В. И. Ленин, — отказаться немедленно и безусловно не только от всех захваченных ею после начала войны чужих земель (немецкие колонии в Африке и пр.; турецкие земли, Месопотамия и пр.), но и от всех своих колоний. Англия должна немедленно — как и Россия, как и Германия — вывести свои войска из всех захваченных ею земель, из всех своих колоний и из Ирландии, предоставив каждому народу свободным голосованием решить, желает ли он жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно» (Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 41).

Десятилетний период развития суверенной Африки (1960–1970 гг.) характеризуется утверждением во многих странах континента некапиталистического пути развития. Задачи переустройства африканского общества на социалистических началах сформулированы в целом ряде деклараций и заявлений правящих партий.

Разрешение национальных проблем африканскими странами,

вставшими на некапиталистический путь развития, в значительной мере облегчается тем, что на их стороне находится Советский Союз, все другие социалистические государства, они черпают поддержку со стороны прогрессивных и антиимпериалистических стран, а также международного коммунистического и рабочего движения.

...Десять лет, прошедших со дня гибели Патриса Лумумбы, дали целый поток литературы о нем. На Западе у него есть немало критиков: они сочиняли пасквилы еще при жизни конголезского национального героя, а сейчас, поубавив брань, расписывают его мнимые и не мнимые ошибки. Впрочем, имеется и другая категория историков, политических деятелей, литераторов, настроенных, казалось бы, в высшей степени благожелательно к Лумумбе, к его короткой, сложной и трагической жизни. Однако в их подходе к Лумумбе кроется один существенный изъян: они до крайней степени преувеличивают идеализм Лумумбы, превращают его в некую разновидность «африканского Христа», в мученика ради одного мученичества, в фигуру обреченную.

Неправда, трижды и сто раз неправда! Лумумба был прежде всего бойцом, стойким и бескомпромиссным. И никому не удастся сделать из него евангельского героя. Только мудрый государственный муж, настоящий подвижник, честный человек в политике мог в то беспокойное время, чреватое катастрофическими взрывами и непредвиденными поворотами, безошибочно определить друзей и врагов независимого Конго. Мы повторим памятные слова Лумумбы:

— Советский Союз был единственной великой державой, чья позиция отвечала воле и желаниям нашего народа. Поэтому Советский Союз оказался единственной из великих держав, которая с самого начала поддержала народ Конго в его борьбе. Я хочу передать огромную благодарность всего конголезского народа советскому народу за ту своевременную и большую моральную поддержку, которую ваша страна оказала молодой Республике Конго в ее борьбе против империалистов и колонизаторов...

Время еще сработает на правду, на Лумумбу! Важно указать на другое: после конголезского кризиса на африканском континенте возникало немало острых ситуаций, связанных с вмешательством империалистических держав во внутренние дела суверенных стран. Советский Союз всегда был на стороне африканских патриотов, касается ли это борьбы арабов против израильской агрессии, военных действий федерального правительства Нигерии против раскольников из Биафры или поддержки национально-освободительных движений в Анголе, Мозамбике, Бисау и других еще не

освобожденных территорий. Как и Лумумба, многие деятели Африки наших дней отдадут дань высокого уважения и признательности Советскому Союзу — испытанному и верному другу новой Африки.

Опыт истории учит.

Учит на примере с Конго.

На примере светлой и трагической личности

Патриса Эмери Лумумбы.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

2 июля 1925 года родился в семье крестьянина из деревни Оналуа, района Катако-Комбе, провинция Санкуру.

С 1954 года живет в Стэнливиле (ныне Кизангани), работает почтовым служащим, клерком в бельгийских учреждениях.

В 1955 году избран председателем профсоюза Ассоциации служащих-африканцев Восточной провинции.

Издатель и редактор газеты «Ухуру» («Свобода») в Стэнливиле.

Октябрь 1958 года — Основал партию Национальное движение Конго. Избран председателем партии.

Декабрь 1958 года — Возглавляет делегацию Конго на конференции народов Африки, состоявшейся в Аккре.

1959 год (с 23 по 28 октября) — Конгресс партии Национальное движение Конго, на котором Лумумба выступил с требованием немедленной независимости.

1 ноября 1959 года — Арест Лумумбы.

Январь — февраль 1960 года — Участие в Конференции круглого стола в Брюсселе, принявшей решение о провозглашении независимости Конго 30 июня 1960 года.

23 июня 1960 года — Конголезский парламент утверждает Патриса Лумумбу премьер-министром первого правительства Республики Конго.

Июль 1960 года — Прибытие в Нью-Йорк для участия в обсуждении конголезского вопроса в Совете Безопасности, 25–31 августа 1960 года — Председатель конференции африканских государств, состоявшейся в Леопольдвиле (ныне Киншаса).

14 сентября 1960 года — Военный путч в Леопольдвиле. Лумумба блокирован в своей резиденции.

Ночь на 27 ноября 1960 года — Тайный выезд из столицы.

1 декабря — арест Лумумбы.

17 января 1961 года — зверски убит в Катанге. (Принятую дату смерти Лумумбы автор считает условной, приблизительной, так как до сих пор нет точных документальных свидетельств о дне и месте гибели Лумумбы.)

ИЛЮСТРАЦИИ

Мать и отец Патриса.

С семьей.

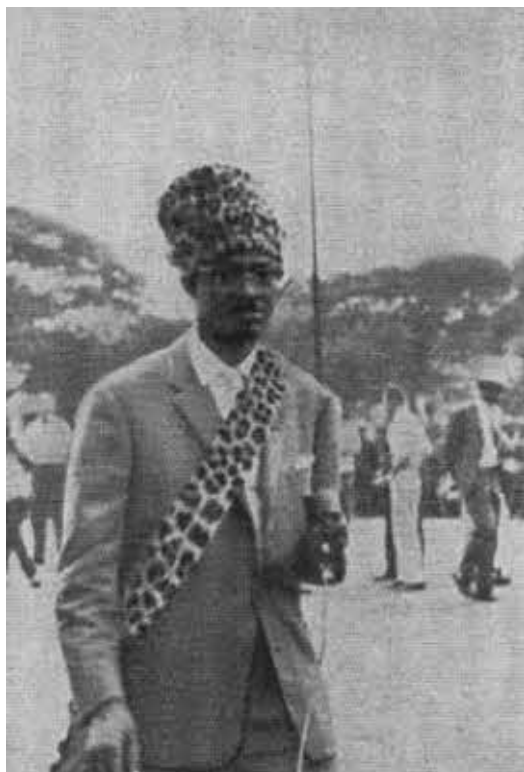
Самый младший.

Его сыновья.

Хорошие новости.

Ему преподносили убранства из леопардовых шкур.

Радость встреч.

Лумумба перед аудиторией.

Морис Мполо.

Генерал Лундула.

Он умел слушать других.

Лумумба и «король Каса».

Конголезский парламент.

Арест.

Начало трагедии.

И здесь живой.

Полин выражали участие все.

Пришла независимость.

Национальный танец.

Ритм, шаг, поза — все в стремлении!

Ухуру — Свобода!

Последние известия.

Бронзовый Стэнли.

Уличная сценка.

Базар.

Набережная Кизангани.

Господа ушли...

Сыновья сенатора Окито.

Кроха, а уже с сережками!

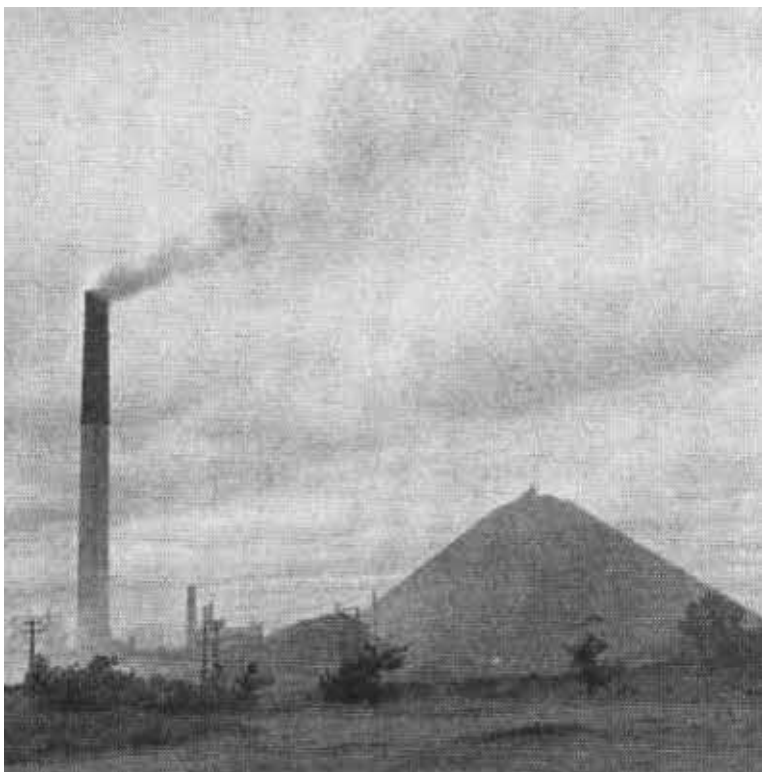

Метки племени.

В конголезскую жизнь вошел солдат.

Медная Катанга начинается отсюда.

Центр Лубумбаши.

Ручной труд.

Наемник.

Солдатское царство.

В глухой деревеньке.

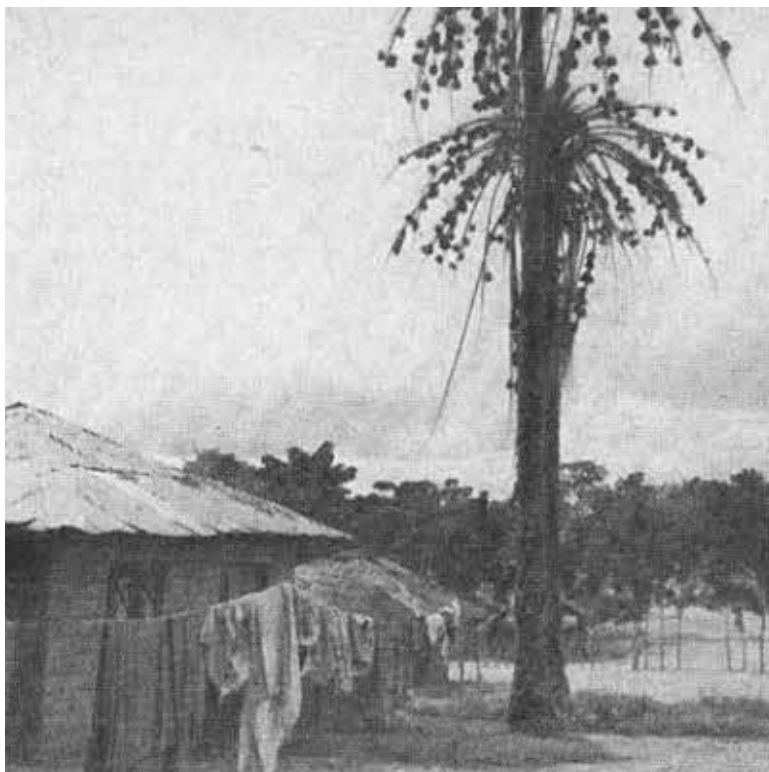

Их интересует все.

Счастливая минута.

Сельский вид.

Свои, конголезские, священники...

Мать.

Детвора.

Жизнь приучит ко всему.

С маской на демонстрацию.

У входа в Национальный музей.

Искусство маски велико, как эта великая река, как сама жизнь!

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. и Энгельс Ф., О колониальной системе капитализма. (Сб.) Москва, 1959.

Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 760.

В. И. Ленин, О дружбе с народами Востока. (Сб.) Москва, 1961.

«Патрис Лумумба. Правда о чудовищном преступлении колонизаторов». Москва, 1961.

Кваме Нкрума, Африка должна объединиться. Москва, изд-во «Прогресс», 1964.

Конор О'Брайен, В Катангу и обратно. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1963.

Мишель Мерлие, Конго от колонизации до независимости. Москва, изд-во «Прогресс», 1965.

Джеск Уоддис, Африка. Лев пробуждается. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1962.

Дэвидсон Б., Новое открытие Древней Африки. Пер. с англ. Москва, 1962.

Дюбуа У., Африка. Очерк по истории Африканского континента и его обитателей. Москва, 1962.

Юнкер В. В., Путешествия по Африке (1877–1878 и 1879–1886). Сокр. изд. Пер. с немецкого. Москва, 1949.

«Народы Африки». Под редакцией Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. Москва, 1954.

«Африка. Энциклопедический справочник». Москва, 1963.

Г. Стэнли, В дебрях Африки. Москва, 1948.

La pensée politique de Patrice Lumumba. Preface de Jean-Paul Sartre. Bruxelles.

Patrice Lumumba, Le Congo, terre d'avenir, est — il menace? Bruxelles, 1961.

Patrice Lumumba, Congo, my Country. Pall Mall Press. London.

Leopold to Lumumba, 1877–1960 by George Martelli. London.

«Politics in the Congo. Decolonization and independence». 1965. Princeton university Press.

Pierre Artigue, Qui sont les leaders Congolais? Editions Europe — Afrique. Bruxelles, 1961.

Patrice Lumumba, Refute le discours du Gouverneur de la Province Orientale. Prononce le 3—11—59 sur. Décembre, 1959.

«The Belgo-Congolese Round Table Conference. Discourses and Speeches». Bruxelles, February, 1960.

Encyclopédie du Congo Belge. Editions Bieleveld. Bruxelles. Tomes 1, 2, 3.

Jo Gerard. La monarchie Belge abandonnera-t-elle le Congo? Editions Europe — Afrique. Bruxelles, 1960.

Union Minière du Haut-Katanga. Monograph. Bruxelles, 1958.

R. P. Placide Tempels, La philosophie Bantoue. Presence africaine. Paris — v.

Congo Belge. Comlssariat General a L'Information. 2 Juin 1960.

Georges Deward, Histoire du Congo. Paris.

Benoit Verhaegen, Congo 1961. Bruxelles.

King Leopold's Congo. Ruth Slade. Oxford University Press. London. New York. Accra, 1962.

King Leopold's Legacy. The Corgo under Belgian Rule. 1908—1960. Roger Anstey London. New lork. Ibadan, 1966.

On African Socialism. Leopold Sedar Senghor. Pall Mall Press. 1964.

Colin Legum, Pan-Africanism. A short Political Guide. New York. Washington. London, 1964.

Congo. A brief History and appraisal M. N. Hennessy

Charles-Andre Gills, Kimbangu. 1960. La Librairie Encyclo pedique Bruxelles.

Catanga. Par R. Roelandt. Bibliothèque de L'Etoile. Leveroille (Congo Belge). Février, 1954.

«The rise and Fall of Moise Tshombe». A Biography by Jan Colvin. Leslie Frevin: London.

Robert Cornevin, Histoire du Congo (Leopoldville). Paris, 1963.

Конголезская периодика:

«Congo».

«L'Independance».

«Uhuru».

«La Vérité».

«Courrier d'Afrique».

«Presence Congolaise».

«Le Progrès».

«Essor du Katanga».